

ГЕОРИЙ ОНИДОВ

Джентльмен

отгадывается

в **Р**окингем

ИЗДАТЕЛЬСТВО

«СОВЕТСКИЙ СПОРТ»

МОСКВА

Annotation

Несмотря на всю свою необычность, судьба главного героя повести не выдумана, она взята из жизни. В основу повести положен сложный жизненный путь бывшего подданного США, одного из сильнейших боксеров Америки, а ныне гражданина Советского Союза, заслуженного тренера СССР Сиднея Л.Джексона.

Обо всем, что написано в повести, автор узнал от самого героя. Кроме того, автор использовал исторический материал и архивные документы.

И все-таки, повесть нельзя считать сугубо документальной, поскольку, работая над своим произведением, автор стремился не к соблюдению документальной точности, а к созданию художественного образа.

-
- [Георгий Свиридов](#)
    - [Часть первая](#)
      - [ГЛАВА ПЕРВАЯ](#)
      - [ГЛАВА ВТОРАЯ](#)
      - [ГЛАВА ТРЕТЬЯ](#)
      - [ГЛАВА ЧЕТВЕРТАЯ](#)
      - [ГЛАВА ПЯТАЯ](#)
      - [ГЛАВА ШЕСТАЯ](#)
      - [ГЛАВА СЕДЬМАЯ](#)
    - [Часть вторая](#)
      - [ГЛАВА ВОСЬМАЯ](#)
      - [ГЛАВА ДЕВЯТАЯ](#)
      - [ГЛАВА ДЕСЯТАЯ](#)
      - [ГЛАВА ОДИНАДЦАТАЯ](#)
      - [ГЛАВА ДВЕНАДЦАТАЯ](#)
      - [ГЛАВА ТРИНАДЦАТАЯ](#)
      - [ГЛАВА ЧЕТЫРНАДЦАТАЯ](#)
      - [ГЛАВА ПЯТНАДЦАТАЯ](#)

- [ГЛАВА ШЕСТНАДЦАТАЯ](#)
  - [ГЛАВА СЕМНАДЦАТАЯ](#)
  - [ГЛАВА ВОСЕМНАДЦАТАЯ](#)
  - [Часть третья](#)
    - [ГЛАВА ДЕВЯТНАДЦАТАЯ](#)
    - [ГЛАВА ДВАДЦАТАЯ](#)
    - [ГЛАВА ДВАДЦАТЬ ПЕРВАЯ](#)
    - [ГЛАВА ДВАДЦАТЬ ВТОРАЯ](#)
    - [ГЛАВА ДВАДЦАТЬ ТРЕТЬЯ](#)
    - [ГЛАВА ДВАДЦАТЬ ЧЕТВЕРТАЯ](#)
    - [ГЛАВА ДВАДЦАТЬ ПЯТАЯ](#)
    - [ГЛАВА ДВАДЦАТЬ ШЕСТАЯ](#)
    - [ГЛАВА ДВАДЦАТЬ СЕДЬМАЯ](#)
  - [notes](#)
    - [1](#)
    - [2](#)
-

Георгий Свиридов

Джэксон остаётся в России

Часть первая
Путь в боксеры

ГЛАВА ПЕРВАЯ

1

Накануне первой мировой войны Сидней Джэксон был одним из самых популярных боксеров Америки. О боях и победах Джэксона печатались пространные репортажи, его фотографии часто мелькали – на страницах газет и журналов. Он был кумиром публики, звездой первой величины.

Но тернист и извилист путь американского боксера к славе.

Сиднею Джэксону было всего шесть лет, когда он остался сиротой.

Луи Джэксон – отец будущего чемпиона – много лет проработал на химическом заводе. Профессия трубопроводчика была опасна, изнурительна, а заработок давала скудный. Но, когда царствует безработица, выбирать не приходится. Скромный и тихий, рано сгорбившийся Луи Джэксон засветло уходил на завод и возвращался поздно вечером усталый, грязный, голодный. Сидней не видел его целыми неделями. Зато по воскресеньям отец, усадив Сиду себе на колени, рассказывал чудесные сказки. Герои сказок, обычно простые люди, совершали подвиги, побеждали злых и коварных королей, отнимали у них награбленное добро и раздавали его бедным.

– Я тоже буду таким! – шептал Сид, прижимаясь к небритой щеке отца.

– Конечно, Сидди! – Луи гладил шершавой ладонью волнистые кудри сына и задумчиво произносил: – Когда ты вырастешь, жизнь обязательно будет иной.

Но самому Луи дожить до лучшей жизни так и не довелось. Однажды он не вернулся с завода. «Бедный Луи. Сгорел на адской работе», – говорили соседи по квартире. Сид не верил. Он знал, что папа не бедный, а сильный. Он сразу мог поднять Риту, Иллая и его, Сидди. Знал, что люди не горят. Горят только спички да газ на кухне.

Сид ждал отца несколько дней подряд. Вздрагивал при любом стуке в дверь.

В воскресенье пришел домовладелец – толстый, лысый. Он долго сердито кричал на Джэксонов. А вечером вся семья помогала миссис Джэксон переносить скудные пожитки. Их выселили. Правда, домовладелец проявил милосердие: он разрешил им поселиться в самой дешевой квартире, которая была просто-напросто чуланом. Но и за этот чулан надо было платить.

На работу пошел старший брат, а потом и сестра будущего боксера. С большим трудом, с помощью друзей и близких отца, удалось устроиться Иллаю Джэксону. Он получил место подсобного рабочего на том же химическом заводе.

– А наш управляющий даже и не заметил, что вместо одного Джэксона трудится другой, – грустно шутили трубопроводчики.

Они с первых дней полюбили тихого большерукого юношу, который был так похож на своего отца – такой же коренастый, неторопливый в движениях, сероглазый и светловолосый. Только в его больших, широко открытых глазах не было отцовской веселости. О чем он грустил? Конечно, о самом сокровенном: о рухнувшей мечте. Иллай мечтал стать агрономом.

Несколько лет назад он ездил вместе с отцом к далекому родственнику в штат Калифорния. Какие там гигантские деревья и чудесные долины! Как много солнца, тепла. А фрукты! Их можно рвать прямо с деревьев. Иллай никогда до тех пор не видел, как растут яблоки, арбузы, помидоры. В рабочем районе, где жила семья Джэксон, отходы химического завода сделали землю бесплодной. На ней ничего не росло, кроме чахлой травы, да и ту вытаптывали оравы ребятишек. А фрукты и овощи Иллай видел только в магазинах и овощных лавках. И не диво, что небольшая ферма в долине Калифорнии показалась мальчику сказочным раем. Онлюбил эти отягощенные плодами деревья, эти поля ржи и кукурузы. Иллай со страхом ждал того дня, когда надо будет возвратиться в грязный и дымный Нью-Йорк.

– Папа, давай останемся здесь, – твердил он, – давай и маму перевезем сюда...

Но отец отвечал:

– А что я тут буду делать, сынок? Где мне работать? Здесь нет моего завода.

А потом, стараясь утешить сына, добавил:

– Вот вырастешь ты, тогда другое дело. Кончишь школу, потом, даст бог, поступишь в колледж и станешь агрономом.

– А что такое «агроном»? – живо заинтересовался Иллай.

– Агроном, сынок, это вроде старшего мастера на заводе или даже инженера. Ты знаешь, что такое инженер?

– Знаю, па.

– Так вот, агроном – это инженер над садами и полями...

Разговор этот глубоко запал в душу маленькому Иллаю. Стать «инженером над полями и садами»! Вот ради чего стоит жить! Он прилежно учился в школе и особо прилежно изучал естествознание. Дома мальчик все свободное время отдавал растениям, вернее, растению, – у них был один-единственный горшечный цветок.

Шли дни, месяцы, годы. Теперь рядом с когда-то единственным цветочным горшком стояли в банках, в старых эмалированных кастрюльках другие цветы и деревца – большие и маленькие, пушистые и с тонкими оголенными стеблями. Иллай, уже почти юноша, по-прежнему был верен своей мечте. Он самозабвенно ухаживал за цветами, что-то выдумывал: пересаживал корни, прививал веточки одних растений к стебелькам других, усыпал землю в горшках удобрениями собственного изобретения. Книги по полеводству и агрономии неизвестно откуда появились у него и завалили и без того маленький столик. Иллай ясно видел свою цель, и дорога к осуществлению мечты казалась прямой и ровной. Но жизнь оказалась жестокой. Она, грубо тряхнув юношу, втолкнула его туда, куда ему так не хотелось идти. Мать, не скрывая слез, перешила рабочую куртку и штаны отца на Иллая.

Так же обошлась жизнь с десятилетней сестрой Сиды. Ей тоже пришлось бросить школу.

– Девочке для счастья нужно быть красивой и совсем не обязательно грамотной, – утешала мать плачущую Риту, которая никак не хотела менять школу на пыльную и шумную швейную мастерскую.

Иллай и Рита трудились наравне со взрослыми, но получали за свою работу мизерную плату. Их заработка явно не хватало.

Однажды в каморку пришел электромонтер. Младшие Джэксоны с нескрываемым восторгом следили, как он, надев перчатки, смело брался за оголенный электрический провод.

– Дядя, вас током ударит! – испугался Сид.

– Не бойся, малыш! У меня перчатки, видишь?

– Вижу. Они кожаные?

– Нет, резиновые.

– Резиновые? Здорово! А что вы там делаете в резиновых перчатках?

– Что делаю? А вот погляди, малыш, вместо вашего счетчика поставлю эту копилочку.

– Копилочку? – удивился Сид. – Чтобы монетки собирать, да?

– Да, собирать монетки, но только не для себя, – грустно вздохнул электрик, устанавливая на место счетчика ограничитель.

Потом в их каморку явился представитель газовой компании. Он тоже снял счетчик и поставил «копилку» – ограничитель.

Теперь по вечерам Джэксоны сидели без света. Для того, чтобы включить свет или зажечь газовую плиту, нужно было опустить в «копилку» монету. А монеты уходили на другое. Старший брат Иллай и сестра Рита, приходившие поздно с работы, молча садились в потемках к столу и ели холодный обед.

Сид обычно бастовал:

– А я холодный суп есть не буду, – он клал ложку, отодвигал свою тарелку, – не буду, не буду...

Мать вздыхала. Старший брат укоризненно качал головой:

– Я думал, ты умнее.

– Не буду, не буду...

Приходилось прибегнуть к хитрости – Иллай безразличным тоном бросал:

– Тогда ты так и останешься маленьким и никогда не вырастешь.

– Почему? – недоумевал Сид.

– Потому, что тот, кто хочет вырасти, ест холодный суп.

– Да, да, – поддакивала Рита. – Я ведь тоже хочу еще вырасти – и ем.

Сид после нескольких секунд раздумий подозрительно спрашивал:

– А мама? Она же большая?

Старший брат, сделав таинственное лицо, шепотом говорил:

– Ш-ш-ш, это секрет. Когда вырастешь, обязательно узнаешь. Договорились? – и пододвигал мальчику тарелку с супом.

Сид любил таинственность, ему нравился тон заговорщика, которым Иллай иногда разговаривал с ним. Сид брал ложку и старательно ел холодный обед. Он очень хотел вырасти, скорее вырасти, стать большим, самостоятельным. Как хорошо быть взрослым! Никто на тебя не посмеет крикнуть, обидеть, ударить. Взрослый любому всегда может дать сдачи.

Но время шло томительно медленно. Сид сделал на косяке двери отметку своего роста и каждую неделю подходил к ней. Рост не прибавлялся. Холодный суп почему-то не помогал.

Как-то в среду, когда было еще далеко до субботы, до получки, а в доме остались считанные центы, мать не решилась идти в продуктовую лавку. После некоторого раздумья она вручила Сиду корзинку:

– Сходи, сынок, за продуктами. Попроси у мисс Кетинг крупы и картошки по фунту.

Но мисс Кетинг, толстая лавочница, ни крупы, ни картошки Сиду не дала. Она долго кричала на него, бранилась, грозила заявить в полицию, называя Джэксонов непонятной Сиду и, кажется, оскорбительной кличкой «несостоятельные должники». Что означает эта кличка, Сид еще не знал. Домой он пришел с пустой корзиной. Вместо крупы и картошки принес вопросы:

– Мама, что значит «несостоятельный должник»? Это плохие слова? Да?

– Это грустные слова, мой мальчик. – Мать тяжело вздохнула, забирая у сына порожнюю корзинку, и на ее глаза навернулись слезы.

У Сиды сердце сжалось от боли. Он обнял мать.

– Мама, а если бы отец был с нами, мисс Кетинг не сказала бы так?

– Нет, сынок.

Сид еще крепче обнял мать и стал целовать теплыми губами ее впалые щеки.

– Мамочка, ну мамочка, не плачь. Не надо, – тихо говорил Сид. – Ну не надо, не надо. Я скоро вырасту. Скоро-скоро! И никогда не буду этим «несостоятельным должником». И я не буду, и ты не будешь, и Иллай, и Рита. Вот увидишь!

– Хорошо, мой мальчик...

- Я стану работать и принесу тебе доллары. Много принесу. А ты купишь пирожное. Ты любишь пирожное?
- Да, мой мальчик. Только расти быстрее.
- Я скоро вырасту. Буду большим и смелым!
- Хорошо, мой мальчик...

Сид рос бойким и смышленным. Товарищи отца помогли вдове устроить сына в школу. Он прилежно учился. У него была отличная память и способность быстро соображать. Стоило ему один раз послушать объяснение учителя, чтоб все понять и запомнить. «Сид Джэксон все хватает на лету, – говорил матери старый учитель, – очень способный мальчуган. Ему надо учиться и учиться. Он может далеко пойти!»

Вдове было приятно и грустно слушать такие речи. Приятно за сына и грустно за его судьбу – что ожидает мальчика в будущем?

В школе Сид сошелся с такими же, как и он, детьми бедных родителей – рабочих, мелких ремесленников. Особенно крепко подружился он с Жаком Рэнди. Отец Жака, как когда-то отец Сида, работал трубопроводчиком на химическом заводе.

Сид и Жак вместе с другими ребятами вели «войну» с сыновьями местных богачей – торговцев и владельцев кустарных мастерских, дразня их «маменькиными пупочками», «жадинами» и «чистюлями». Те, в свою очередь, дразнили Сида и его компанию «голодранцами» и «бродягами».

Однажды сын местного торговца Блайд Букспурд принес в школу спортивный иллюстрированный журнал. Ребята с восторгом перелистывали страницы. С красочных фотографий на них смотрели сильные, могучие люди. Блайд, показывая фотографию насупившегося и готового ринуться в атаку боксера, с восхищением сообщал:

– Это Джефрис, которого называют Кувалда. Он самый сильный и самый лучший боксер на свете. Вот послушайте, что про него пишут: «Ветеран ринга, неоднократный победитель многих международных состязаний, гордость американского спорта Офгард Джефрис, по

прозвищу Кувалда, решил снова выйти на ринг, чтобы побить якобы непобедимого Рольсона и вернуть себе звание чемпиона...»

– Подожди, – перебил его Сид, – а кто такой Рольсон?

– А ты не знаешь?

– Нет.

– Мой отец говорит, что Рольсон—бродяга и голодранец, – гордо сказал Блайд. – И его следует не только поколотить, а вообще кишки выпустить.

Этой характеристики было достаточно для того, чтобы Сид и Жак всей душой полюбили Рольсона и возненавидели старую Кувалду Джеффриса. Они всей душой желали победы своему боксеру. Маленькие болельщики боялись: а вдруг Кувалда на самом деле поколотит Рольсона? Но Рольсон был великолепным мастером боя в кожаных перчатках. Он оправдал надежды ребят: победил старую Кувалду. Размахивая утренней газетой, Жак презрительно крикнул Блайду:

– Эй, ты, маменькин пупочек, читал газету? Твой Джеффрис не Кувалда, а старая рухлядь.

– Зачем мне читать, – высокомерно ответил Блайд, – я все сам видел. Мы с отцом сидели в пятом ряду.

– Тем лучше, – вставил Сид. – Вот тебе и «бродяга»! Вот тебе и «голодранец»!

– А почему вы, белые, за него болеете? – удивился Блайд. – Ведь Рольсон... – Он сделал небольшую паузу и крикнул: – Рольсон – негр!

– Негр?!

– Ну да! Вот посмотрите на фотографию, – с этими словами Блайд извлек из школьного ранца спортивный журнал. – Что, съели?

Наступила минута молчания.

– Ну что из того, что негр, – Сид язвительно улыбнулся, – он здорово отколотил твоего Кувалду!

– А мой отец говорит, что негры – такие же люди, как и все, – добавил Жак.

– Такие, как все? – Блайд оживился.

– Да.

– Твой отец врет!

– Что?!

– Твой отец врет! – повторил Блайд. – Все люди на земле делятся на белых и черных. На белых и черных, так говорит мой папа. А он учился в университете. Вот!

– Это твой отец врет! – Сид вспыхнул и вместе с Жаком двинулся на Блайда.

– Врет, врет, врет! – горячился Жак. – Мой отец – рабочий. И все рабочие говорят, что люди делятся только на бедных и богатых.

– Твой отец... твой отец – красный!

– А твой – мошенник! Он гири стачивает напильником! Это все знают!

– А-а! – завопил Блайд и бросился на них.

Началась потасовка. Сид и Жак яростно наступали, размахивая руками, но добиться преимущества им не удалось. Блайд ловко орудовал кулаками. Запыхавшись вконец, с шишками и синяками, бойцы разошлись. Школьники, наблюдавшие потасовку, единодушно признали: «Ничья!»

Блайд был доволен. Он ушел, гордо подняв голову.

В этот вечер, забравшись в укромное место на чердаке старого дома, друзья долго размышляли. Что же произошло? Почему они, двое, не могли победить одного?

– Он знает бокс, – сказал Жак.

– Но ведь нас двое! – возразил Сид.

И уже дома, лежа в постели, Сид сделал вывод: «Умение драться – важнее силы. Бокс есть бокс». Своими мыслями Сид поделился с Иллаем. Старший брат поддержал его и посоветовал:

– А вы тоже тренируйтесь. Если бы я был, как вы, свободным, обязательно ходил бы на тренировки.

– А кто детей будет учить боксу?

Иллай рассмеялся:

– Глупыш! Иди в спортивный клуб и тренируйся.

– А нас не выгонят?

– Конечно, нет!

На следующий день Сид зашел к другу:

– Жак, идем в спортивный клуб.

– В клуб? – удивился тот.

– Ну да, в клуб. Учиться боксу. Чем мы хуже Блайда?

– Гип-гип, ура!

Жак кинулся надевать куртку.

– Это еще зачем? – строго спросила мать и отобрала куртку. – Нечего вам там делать.

– Пусть идут, – заступился отец Жака. Он был дома, отдыхал после ночной смены. – Рабочему человеку всегда пригодятся крепкие кулаки.

3

Когда мальчики пришли к серому двухэтажному зданию спортклуба, их уверенность как-то сразу улетучилась. Они долго топтались перед широкой дверью, подталкивая друг друга.

– Иди ты первым, – сказал Жак.

– Нет, ты...

Потом они заглядывали в окна. В просторном зале с низким потолком былолюдно. Полуобнаженные мужчины поднимали гири, боролись, махали руками, приседали.

– Эй, парни, что в окна заглядываете? – раздался сзади властный прокуренный голос.

Ребята мгновенно отпрянули от рамы. Перед ними стоял широкоплечий, высокий, загорелый мужчина. Он был одет в узкие темные брюки и ярко-красную клетчатую ковбойскую рубаху.

– Кино, что ли, там смотрите?

Мальчики переглянулись. Сид, насупившись, ответил:

– Мы хотим научиться... Боксу научиться.

Лицо мужчины озарилось улыбкой, и ребята увидели, что он совсем не страшный.

– Боксу?

– Да.

Мужчина сделал шаг назад и, не скрывая улыбки, осмотрел мальчишек. Потом спросил, словно взрослых:

– А скажите, пожалуйста, сколько же вам лет?

– Вместе будет двадцать, – выпалил Жак.

– Вполне солидный возраст! – Незнакомец покровительственно похлопал каждого по плечу. – Вы настоящие янки! Стопроцентные американцы!

Эта похвала придала ребятам бодрости. Они сразу почувствовали себя взрослее. Сид, заглядывая в глаза доброму незнакомцу, доверительно спросил:

– А нас примут?

– Конечно! – ответил мужчина и открыл дверь. – Прошу заходить, будущие чемпионы!

Сид и Жак, радостные и смущенные, переступили порог спортивного клуба. К удивлению Сиды, на них никто не обратил внимания. Каждый по-прежнему занимался своим делом: одни поднимали гири, другие махали руками и приседали, третьи, как на молитве, отвешивали низкие поклоны. Неподалеку от двери, в углу, на веревке висел круглый тяжелый мешок. Вокруг, смешно подпрыгивая, скакали рослые подростки и старательно лупили его кулаками. В воздухе пахло крепким мужским потом и канифолью.

Мальчики стояли как замороженные. Перед ними был новый мир, мир сильных и смелых людей, мир таинственный и манящий. Неужели когда-нибудь и они станут такими рослыми и могучими? Неужели и у них могут вырасти на руках такие крепкие бицепсы, как у этого силача, который одним мизинцем поднимает двухпудовую гирю?

– Максвелл, принимай гостей! – громко позвал незнакомец.

К ним широким шагом приблизился огромный, на голову выше незнакомца, полуобнаженный спортсмен. У него были покатые бугристые плечи и выпуклая грудь, поросшая светлыми волосами, такими же, как и на его бровях и голове. Лицо его, квадратное, с широким ртом и приплюснутым носом, было усеяно морщинами. Возле левого глаза темнел багровый рубец. Рубец делал лицо суровым и даже свирепым.

– А, Тэди! – пророкотал он басом. – Проходи. Я давно ожидаю твоего появления.

Тэди, так, оказывается, звали незнакомца, дружески хлопнул его по плечу:

– Старина, за мной не пропадет!

Потом он вытащил из кармана кожаный кошелек и, отсчитав несколько бумажек, протянул их ожидавшему спортсмену. У Сиды даже екнуло сердце: доллары! Никогда в жизни он не видел столько денег!

– Твои ребяташки работали отлично, – продолжал Тэди. – Зал был переполнен, а в тотализаторе полный сбор!

Сид, прислушивавшийся к их разговору, многого не понимал. Но слова «ребятышки», «работали отлично» и доллары в руках Тэди дали пищу воображению. Он не сомневался в том, что под словом «ребятышки» взрослые подразумевали вот тех подростков, которые продолжали старательно лупить кулаками мешок. Выходит, это они «работали отлично», выходит, за их «работу» платят доллары! Ого! Да еще как!

Сид и Жак с нетерпением ожидали того момента, когда взрослые обратят на них внимание. Но те продолжали, видимо, очень важный разговор. Он длился еще несколько минут. Наконец Тэди повернулся к ним.

– Парни, подойдите сюда.

Малыши мигом очутились рядом. Тэди представил их:

– Познакомься, старина. Они хотят заниматься боксом.

– Эти желторотые? – На лице Максвелла брови поднялись вверх, а шрам вытянулся и стал похож на кусочек медной проволоки. В его голосе слышалась насмешка. Ребята затаили дыхание.

– Ты, Тэди, может, лишнего хватил? А? Ты посмотри на этих цыплят! Куда они годятся? Нет, ты, видимо, ошибся адресом. С тобой бывает. Но здесь не детский приют...

– И ты тоже когда-то был таким, – мягко возразил Тэди и, подмигнув мальчишкам, многозначительно произнес: – Ты подумай, Мики, что может выйти, если начать с такого возраста... Класс!

– Пока они вырастут, можно с голоду сдохнуть, – мрачно ответил Максвелл.

Но Тэди настаивал на своем:

– Старина, надо смотреть вперед.

– Вперед... Жизнь стала такая мутная, что не видно даже завтрашнего дня, – пробурчал Максвелл и кликнул одного из подростков: – Эй, Джерри! Принеси-ка сюда перчатки.

Джерри – самый низкорослый из подростков – принес две пары боксерских перчаток. Сид обратил внимание, что кисти рук у Джерри были забинтованы. «Странно, – подумал он, – тренируется с большими руками... Неужели ему не больно?»

– Вот что, цыплята, – произнес Макссуэлл, – мы сейчас вас испытаем. Попробуем, так сказать... Если вы оправдаете утверждение мистера Тэди, так и быть – приму. Договорились?

Спд и Жак, хотя и не знали о том, какое испытание им предстоит пройти, радостно закивали. Макссуэлл протянул одну пару перчаток Сиду:

– Надевай.

У Сида лицо полыхнуло жаром. Настоящие боксерские перчатки! Никогда в жизни он таких не надевал. Волнуясь, он сунул кисть в одну из них. Перчатки были старые, побитые, коричневая кожа местами облезла. Внутри матерчатая подкладка истлела, и грубая морская трава, смешанная с шерстью, колола руки. Но Сид всего этого не замечал. Он волновался. Сейчас его будут испытывать...

Максуэлл сам старательно завязал шнурки на перчатках Сида и потом повернулся к Джерри:

– Ты готов?

– Готов, мистер Мики.

– Сейчас поработаешь с новичками. Только не так, чтоб очень... Ясно?

– Ясно, мистер Мики, – звонко ответил Джерри.

Подростки, которые так старательно били по мешку, бросили свое занятие и с нескрываемым интересом обступили их. Они-то знали, что значит поработать с новичком!

– Цыпленок, – обратился тренер к Сиду. – Ты драться умеешь? – Джэксон ответил утвердительно. Тренер объяснил ему, что он должен, не жалея сил, бить Джерри. Потом скомандовал:

– Раз, два – начали!

Джерри многозначительно подмигнул своим друзьям, как бы говоря: «Смотрите, сейчас я ему покажу, что такое бокс!» – и пошел навстречу Сиду.

Джэксон расставил ноги пошире, чтобы удобнее стоять, и сжал в перчатках кулаки. Пусть подойдет! Ждать пришлось недолго. Джерри приблизился короткими подскоками, выставив вперед левое плечо и держа руки перед лицом.

Когда они сошлись настолько, что могли достать друг друга вытянутой рукой, Джерри бросился вперед. Его перчатки стремительно приближались к лицу Сида. Но в последнее мгновение

Сид вспомнил, что в потасовке Блайд удачно приседал, заставляя его промахиваться, и быстро пригнулся. К его удивлению, прием удался: Джерри промахнулся! Быстро, не теряя времени, Сид широко размахнулся и, поднимаясь, ударил что было силы противника в ухо. Удар оказался точным. Джерри, к удивлению всех зрителей, нелепо взмахнул руками и плюхнулся на пол.

– Молодец, цыпленок! – крикнул Тэди.

Но радоваться было еще рано. Джерри, красный от стыда, вскочил на ноги и бросился на Сиду. Он обрушил на него шквал ударов. Сид отчаянно защищался, махал руками, пятился назад. В ушах появился какой-то неприятный звон, в глазах запрыгали радужные искры. Что было дальше, он не помнил. Очнулся Сид от холодной воды. Открыв глаза, он увидел над собой озабоченное лицо Максвелла. Тренер держал кружку и поливал воду на грудь Сиду.

– Цыпленок, оказывается, жив!

Сид попытался встать. В голове стоял непонятный шум. Во рту пересохло. И к тому же тошнило.

– Посиди немного и... все пройдет.

Вскоре к нему прибрел и Жак. Он был не в лучшем состоянии. Друзья даже не переглянулись. Сид тупо смотрел на все окружающее. Предметы и люди проплывали перед ним, словно в пелене тумана. Он не слышал, как Тэди и Максвелл говорили о нем:

– У цыпленка есть способности. Ты заметил, старина, как он сделал «нырок»?

4

Увидев помятое лицо сына, мать Сиду не стала допытываться.

– Опять подрался? Опять мне за тебя краснеть, извиняться...

Она разогнулась над корытом, торопливо вытерла о фартук мыльные руки и рывком сняла со стены тяжелый отцовский ремень. Сиду эти жесты были уже знакомы. Он благоразумно попятился к двери, но мать все же успела огреть его по спине...

– Вот тебе! Вот!..

Сид выскочил во двор, со двора на улицу, пробежал добрый квартал, свернул в переулок и только тут почувствовал себя в

безопасности. Он сбавил скорость, перейдя с бега на шаг, чтобы отдышаться. Ему было до слез обидно. Ну как она, мама, не понимает его! Ведь он уже не маленький... Однако возвращаться домой Сид считал делом рискованным. Гнев матери так быстро не утихал. И к тому же спине его не очень хотелось встречаться с отцовским ремнем... Сид решил навестить Жака. С самыми благими намерениями он поднялся на лестничную площадку третьего этажа и постучал в дверь.

– Кто там? – раздался знакомый голос матери Жака.

Чуткое ухо Сида уловило в ее голосе раздражение. Сделав на всякий случай шаг назад, Сид ответил самым вежливым тоном:

– Это я, Сид... Жак дома?

Дверь моментально распахнулась, и на пороге показалась миссис Рэнди. Волосы ее были всклокочены, глаза вытаращены, а в руке она сжимала скрученное полотенце.

– А, зачинщик! Входи, входи, я и тебе всыплю...

Но Сид стремительно кинулся вниз по лестнице. Вслед ему летели ругательства:

– Я покажу вам бокс!

Сид снова оказался на улице. Здесь было скучно. Узкие тротуары загрязнены окурками, ореховой скорлупой, огрызками яблок и другим мусором. Холодный осенний ветерок лениво гнал куски газетной бумаги. По мощеной улице непрерывным потоком ехали громоздкие грузовые автомобили, изрыгавшие клубы черного дыма, медленно двигались телеги, нагруженные мешками и ящиками. Возчики покрикивали на лошадей и хлестали их длинными кнутами.

Сид повертелся около витрины продовольственного магазина, заваленной бананами. Интересно, как они растут? На кустах или деревьях? Вот хоть бы раз посмотреть... Джэксон вздохнул и нехотя пошел дальше.

На углу помещался пивной бар. Из открытых окон несся гул пьяных мужских голосов и запах жареного мяса. Сид замедлил шаги. Вдруг его окликнули:

– Сид, поди-ка сюда!

Это был отец Жака. Сид сразу узнал его. Морис Рэнди, худой и высокий, с жилистыми руками и изрытым оспой лицом, казался много старше своих сорока пяти лет. На его костистых плечах плотно сидела

серая куртка, из-под которой выглядывала синяя рубашка. В зубах – большая трубка. Он попыхивал ею и, глядя Сида по голове, говорил пьяным срывающимся голосом:

– Ты мне, как сын. У меня вас двое – ты и Жак... Это хорошо, что вы вместе... Мы были друзьями с твоим отцом... с детства...

Рэнди взял пивную кружку, посыпал края солью и медленно выпил. Поморщился.

– Эх, жизнь!.. Сид, ты меня понимаешь?.. Вот и хорошо... Будьте всегда вместе с Жаком. Всю жизнь! Помогайте друг другу, держитесь друг за друга... Вдвоем легче!

Сид кивал и смотрел снизу вверх на изрытое оспой и морщинами лицо старого трубопроводчика. В задумчивых пьяных глазах отражались грусть и забота. Из того, что он говорил, Сид многое не понимал. Особенно насчет жизни и непонятной ему «борьбы за существование». Но слова о крепкой мужской дружбе, о дружбе, которая начинается с детских лет, он воспринимал всем сердцем. Рядом пили, пели, ругались, играли в кости. Над головами плавали клубы табачного дыма.

Морис Рэнди полез в карман и, вытащив пригоршню соленых орешков, угостил Сида.

– А теперь уходи... Это место не для тебя...

Сиду не хотелось уходить от этого большого и доброго человека. Так приятно чувствовать на своей голове шершавую ладонь мужчины. Но послушаться он не мог. Вздохнув, Сид направился к выходу. И снова перед ним встал вопрос: куда пойти? Что делать? Домой возвращаться он опасался. Жака не выпускали из дому. Побродив по людному тротуару, Сид решил отправиться к химическому заводу. Скоро кончится дневная смена, и он встретит старшего брата. Иллай его поймет. А вдвоем будет не страшно вернуться домой. И Сид бодро зашагал по улице.

Вечер наступил как-то сразу, словно на солнце набросили тяжелое покрывало. Тени исчезли, и дома стали все серыми. В окнах зажигались огни. Тротуар заполнила толпа рабочих, возвращавшихся с завода. Сид торопливо шел навстречу людскому потоку.

Около дома, в котором жил Блайд, Сид замедлил шаги: над широкой дверью универсального магазина, занимавшего весь нижний

этаж, появилась новая вывеска: «Букспурд и компания». Вывеска была большая, яркая.

Вдруг ухо Сиды уловило жалобное мяуканье. Сид осмотрелся, прислушался и пошел на кошачий крик. Мяуканье было жалобное, хриплое. Миновав подворотню, Сид очутился во дворе универсального магазина. Двор был загроможден горами различных ящиков и пустых бочек. Где-то среди них была кошка. «Наверно, придавили», – думал Сид, заглядывая под эти нагромождения. Вдруг он почувствовал на своих плечах чьи-то цепкие пальцы.

– Ага, попались!

Перед ним был старый негр, сторож.

– Вы что тут делаете? Воровать пришли?

Джэксон оторопел, потом посмотрел на негра и отрицательно замотал головой.

– Я... Отдайте кошку. Она плачет!

Старый негр разжал свои костистые пальцы, усмехнулся.

– Пропала ваша кошка... Она в руках у сына хозяина – мистера Блайда.

– У Блайда? А зачем он ее мучит?

– Затем, что она черная. Он ее линчует, – и тут же, опасливо оглянувшись, показал в сторону бочек, нагроможденных у стены:

– Мистер Блайд там.

...Блайд сидел на корточках между двумя большими ящиками. На ящиках была прикреплена палка, а к ней привязана петля. В петле болталась кошка. Она отчаянно царапалась и хрипло мяукала. Руки Блайда были исцарапаны, но он упрямо продолжал выполнять свой зверский план.

Не долго думая, Сид схватил камень и, быстро замахнувшись, запустил его в голову малолетнего палача.

– А-а-а!!! – раздался отчаянный крик.

Старик негр, наблюдавший за Сидом, круто повернулся и торопливо зашагал на кухню. Сид, не оглядываясь, бросился к воротам. А в груди радостно екало сердце: «Попал! Так и надо... Будет знать, как мучить!»

Второй поход в спортивный Бронкс-риджклуб друзья-подростки совершили спустя три дня. На этот раз они шли смелее. Иллай приложил немало усилий, чтобы уговорить обеих матерей. Те сначала и слушать не хотели... Тогда Иллай пустил в ход последний козырь:

– А по улицам шляться лучше? Чему они там научатся?

Скрепя сердце мать Сида дала разрешение. Что же касается матери Жака, то миссис Рэнди отделалась молчанием. Жак истолковал его как согласие.

Добившись успеха в дипломатических переговорах с родителями, друзья отнюдь не были уверены в том, что такой же успех будет сопутствовать им в клубе. Они знали, что там их ждут увесистые кулаки. Но что поделаешь! Мальчики хотели стать сильными и храбрыми. Сид и Жак приготовились к самому худшему, переступая порог Бронкс-риджклуба. Первым их увидел Джерри, тот самый Джерри, который так нещадно их колотил.

– Они пришли! – закричал он. – Мистер Мики, они пришли!

В его звонком мальчишеском голосе было столько неподдельной радости, что Сид и Жак смущенно переглянулись. Выходит, их ждали? Они даже и не подозревали о том, что своим приходом сдали главный экзамен: испытание воли. Тренер Максвелл Кайт, в недавнем прошлом профессиональный боксер тяжелого веса, как и многие американские тренеры, был глубоко убежден в том, что именно первое поражение делает из человека боксера. Многие, очень многие, казалось способные, парни после первого поражения на ринге снимали перчатки и навсегда покидали спортивный зал. Максвелл был человеком практичным. Он не желал тратить свою энергию без надежды на прибыль. Поэтому, прежде чем принять кого-либо в свою группу, он устраивал экзамены – испытывал волю, или, как он сам называл, «боевой дух» боксера. Конечно, ни Сид, ни Жак ничего не знали об этой методике.

Максвелл, сняв боксерские перчатки, подошел к Сиду и протянул ему свою огромную ладонь:

– Здравствуй, цыпленок!

Сид взглянул вверх, на освещенное улыбкой квадратное лицо, на шрам, который делал лицо особенно мужественным. Мистер Мики казался теперь совсем не таким свирепым, как при первой встрече.

Сид доверительно положил свою маленькую ладонь в боксерскую пятерню.

– Добрый день, мистер.

– Меня зовут Максвелл Кайт, – сказал тренер, – или просто мистер Мики. Меня так афишировали в рекламах: тяжеловес Мики Кайт!.. А как тебя звать?

– Сидней... Сидней Джэксон, – и тут же добавил: – или просто Сид.

Максвелл предложил друзьям раздеться до трусов и встать в строй. Ребята тут же выполнили команду и, шлепая босиком, подошли к тренеру. Тот, осмотрев их далеко не спортивный наряд, посоветовал попросить своих отцов купить хотя бы дешевые спортивные туфли. Сид нагнул голову:

– У меня нет папы...

Максвелл, не ожидавший такого ответа, поморгал короткими светлыми ресницами и, вздохнув, сказал:

– У меня тоже давно нет отца... Выходит, мы с тобой сироты. Так что не отчаивайся!

Сид и Жака поставили в строй самыми последними. Но это нисколько не огорчило их. Они с увлечением ходили в строю, делали подскоки, поднимали и опускали руки, приседали, скакали на одной ноге. Правда, особого проку в этих непонятных им движениях ребята не видели, но возражать не стали. Раз надо, значит, надо. Сид делал упражнения и ожидал той минуты, когда ему снова дадут боевые перчатки. На этот раз он постарается показать себя! Но, к его огорчению, перчаток ни ему, ни Жаку, ни другим подросткам тренер не дал. После довольно долгих и утомительных гимнастических упражнений тренер разбил всех на пары и предложил отрабатывать технику передвижения. Сид узнал, что во время боя боксер должен двигаться особым способом, так называемыми «боксерскими шагами». Сид встал в паре с Джерри. Он повторял все его движения, но они ему не удавались.

– Ты попрыгай, – советовал Джерри. – Делай вот так, как я.

Джерри, расставив ноги на ширину плеч и чуть повернув носки внутрь, двигался скользящими подскоками. У него это получалось легко и красиво. Сид, закусив губу, старался изо всех сил. От напряжения на лбу высыпали горошинки пота. Но все его движения

получились тяжелыми, угловатыми. Однако неудача не обескураживала, а только сильнее разжигала упорство.

– Не напрягайся. Держи тело свободнее, – наставительно крикнул подошедший Макссуэлл. – Положи руки на пояс. Так. Теперь привстань на носках. Нет, нет, не так много. Надо чуть-чуть, только пятки оторви от земли. Вот, хорошо. А теперь делай небольшие шаги. Шаг левой, шаг правой.левой, правой. Только не прыгай! Мягче. Свободнее. Раз-два, левой-правой...

На этот раз получилось. Оказывается, это так просто! Словно ты играешь в догонялки. Одна нога догоняет другую, но никак не догонит.

В этот вечер тренер больше не подходил к нему. Ему было не до новичков. Он тренировал старших подростков, готовил их к матчевым встречам. Но Сид сам внимательно ко всему присматривался и прислушивался. Перед ним открывал свои тайны новый, загадочный мир, мир спорта. И он с увлечением делал в этом мире первые шаги, осваивая азбуку грозного бокса.

С каждым днем, с каждой тренировкой Сид узнавал все больше и больше. Каждое занятие было открытием. Открытием тайны, секрета будущих успехов. Сид с удивлением, например, узнал, что класс настоящего боксера определяется – чем бы вы думали? – работой ног. Да, да, работой ног! На первый взгляд это может показаться странным. Причем тут ноги, когда боксеры бьются руками? Так думают все, кто не знаком с боксом, так сначала думал и Сид. Но однажды Сид услышал, как тренер отчитывал одного длинного боксера, который проиграл бой, потому что не умел «работать ногами». Да, да, Макссуэлл так и сказал «работать ногами». Благодаря умелому передвижению можно подготавливать атаку, развивать наступление, преследовать противника. С помощью простых шагов можно защищаться. Это так просто. Шаг назад, потом шаг в сторону и – противник промахнулся! А кроме того, чем сильнее у боксера ноги, тем грознее его удар! Сила удара зависит и от силы ног.

Сид с нескрываемым любопытством осмотрел мышцы своих ног. Действительно, икры и бедра значительно толще рук. Значит, сильнее. И вот эту силу хороший боксер умеет использовать, вкладывая ее в удар. Как? Очень просто. Проведение удара надо начинать с ног. Например, прямой удар левой в голову. Человек, который ничего не понимает в боксе, будет просто размахиваться и бить левой рукой. И,

конечно, такой удар будет слабым. А у боксера левый прямой удар в голову зарождается внизу, в ногах. Сначала он делает толчок правой ногой, потом, не останавливаясь, производит поворот корпуса и как завершение резко выбрасывает вперед левую руку, сжимая кулак у самой цели, чтобы не потерять легкость и, главное, резкость движения.

С каждой тренировкой Сидней Джэксон постигал азбуку бокса, держался все увереннее, все легче давались ему премудрости спорта. Постепенно исчезли угловатость и неповоротливость новичка. Они сошли с него, как сходит с платанов старая кора, уступая место новой, молодой. В движениях Сиды появились плавность и легкость. Изменилась осанка. Он стал стройнее, у него вырабатывалась спортивная походка – легкая, упругая, сильная.

Сид Джэксон добросовестно выполнял все указания своего тренера, охотно выходил на учебный бой с любым партнером и уж, конечно, никогда не плакал, если ему приходилось туго. Джэксон быстро усваивал сложную технику ударов и защит, научился проводить удары с поворотом корпуса и без замаха, с того положения, в котором находится рука; осваивал принципы передвижения по рингу, и тренер не раз ставил его в пример другим.

– Учитесь двигаться, как Сид, мягко, на носочках, – часто говорил тренер, и у Джэксона от похвалы краснели мочки ушей.

Особенно нравились Сиду приемы защиты без помощи рук, а движением ног и корпуса. Ведь это здорово! Легким уклоном влево или вправо ты пропускаешь бьющую руку и сам можешь наносить любой удар.

Сид не только в спортзале, но и дома, и в школе на переменах проделывал упражнения, способствующие развитию гибкости, быстрой координации движений, учился мягко приседать, мысленно пропуская удар у себя над головой, отклоняться в стороны, назад, «нырять» под бьющую руку.

Усиленные занятия вскоре стали давать результаты. Сид Джэксон, тот самый, который тренировался босиком, так как у него не было спортивных туфель, и над которым посмеивались дети зажиточных родителей, этот Сид начал побеждать в учебных и тренировочных боях. Тренер Мики Кайт радовался успехам способного ученика. Он стал уделять ему больше внимания, указывал на ошибки в технике, показывал, как надо правильно защищаться и использовать защиту для

перехода в контратаку. Сид все ловил на лету. Стоило тренеру один раз показать прием, как Джэксон уже осваивал его, а после нескольких упражнений стремился использовать, применить в учебном бою с товарищами.

Бокс – опасный вид спорта. А перед лицом опасности многие спортсмены чувствуют себя скованно и потому в бою на ринге не могут использовать, применить все те комбинации и приемы, которые так легко и свободно проделывали на тренировках.

Бой на ринге имеет свои законы. И тренер Максвелл стремился выработать в своих учениках умение непринужденно держаться на ринге, смело проводить приемы. Поэтому на тренировках он отводил большое место учебным боям, спаррингам, т. е. тренировочным поединкам и проверочным схваткам. Тут уж каждый старался как мог.

Новички часто принимали участие в любительских матчах, которые, как правило, устраивались между соседними клубами. Здесь каждый встречался не с товарищем, чьи слабые и сильные стороны ему знакомы, а с неизвестным противником. Эта неизвестность приучала к осторожности, расчетливости, воспитывала боевое мышление.

Тренер Мики Кайт с каждым днем все явственнее видел, что из Сиды получается настоящий боксер. Это его радовало, и он особенно охотно открывал пытливому подростку секреты кулачного боя, знакомил с основами тактики. На всю жизнь запомнил Джэксон советы своего тренера.

– Помни, Сид, – часто говорил Мики Кайт, – в бою на ринге побеждают не самые сильные, а самые умные!

И Джэксон учился думать на ринге: по движениям рук и ног противника стремился распознавать начало атаки и тут же находить защитные действия. Он учился не отвечать слепо на удар ударом, а выжидать удобного момента, вызывать ложным движением атаку и, опережая ее, встречать соперника неожиданным ударом вразрез.

Джэксон рос думающим боксером.

Вскоре начинающий спортсмен стал выступать в любительских состязаниях.

ГЛАВА ВТОРАЯ

В конце концов, Сиднею Джэксону повезло – его заметили. Это случилось после очередной победы.

Разгоряченный и счастливый, он перелез через канаты ринга и, не спеша, направился в раздевалку. В темном проходе Джэксона поманил пальцем незнакомый мужчина. Сид остановился. Мужчина, кажется, был ему знаком, но где они встречались, Сид не мог вспомнить.

– Что, не узнаешь меня?

Этот прокуренный хрипловатый голос... Да это мистер Тэди! Тот самый, который помог ему начать спортивную карьеру.

– Малыш, хочешь заработать?

У Сиды екнуло сердце. Вот она, долгожданная минута – с ним разговаривают, как с настоящим боксером! С трудом скрывая свое волнение, Джэксон насупил брови и, подражая взрослым, утвердительно кивнул головой.

– Тогда вот что: приходи... – Тэди назвал один из нью-йоркских клубов. – Знаешь, где он находится?

Еще бы не знать! Сколько раз Сид был в нем и, сидя в последних рядах, с волнением следил за боями на ринге, за поединками опытных боксеров.

– Приходи, малыш, в следующую субботу. Выступишь на нашем ринге. Условия приличные для новичка. Если победишь – получишь семьдесят центов, а проиграешь – пятьдесят. Ясно?

Сид с готовностью пожал протянутую руку. Это было счастье. Он ощущал на себе завистливые взгляды. Сид посмотрел на тренера и скорее почувствовал, чем увидел, что учитель рад за него. Мики Кайт ласково потрепал его по вьющейся шевелюре:

– Желаю удачи, Сид!

А Сид все еще не мог прийти в себя от радости. Он не смел поверить в свое счастье даже тогда, когда в субботу на подножке трамвая ехал в клуб. «Как обрадуется мама, когда я принесу ей деньги!» – мечтал Сид. Противника своего он не знал, да и не думал о нем: Сид готов был сражаться хоть с самим дьяволом!

...В небольшой узкой комнате, служившей раздевалкой, былолюдно. На Сиду никто не обратил внимания, он выглянул в зал. В центре тесного полутемного зала на деревянных подмостках высился ринг. На скамейках, которые кольцами окружали подмости, сидели зрители. Они шумели, курили, заключали пари, пили виски, которое разносили на подносах парни, одетые в голубые форменные куртки. В воздухе плавало синее облако табачного дыма.

– А, малыш! Ты пришел вовремя, – встретил его Тэди. – Проходи в раздевалку. Скоро твой выход.

Антрепренер говорил деловым тоном. Но Сиду казалось, что он слышит чарующую музыку.

Сид быстро разделся. Снял куртку, рубашку, штаны, свернул их и, не зная, куда положить, осмотрелся.

– Давай сюда, парень, – предложил черноволосый боксер. – Клади рядом с моими вещами.

– Спасибо.

– Ты, парень, из какого клуба? – спросил боксер и, узнав, что из Бронкс-риджклуба, сказал: – Знаю такой. Это хороший клуб. В нем вырастили чемпиона мира в легком весе Бенни Лепарда, там тренировались профессионалы братья Рудик. Кто сейчас тренером?

– Мистер Мики Кайт.

– Кайт был грозой чемпионов. Когда я был вот такой, как ты, он считался главным претендентом на титул чемпиона. Жаль, парню не повезло...

– Он проиграл? – спросил Сид.

– Глупыш! – Боксер посмотрел на Сиду взглядом, каким смотрит учитель на ученика, не выучившего урок. – Судьба чемпионского титула решается еще до ринга. А Мики оказался слишком строптивым... Он не понял бизнеса.

Продолжить разговор они не смогли. К Сиду подошел Тэди и поторопил:

– Малыш, сейчас твоя пара.

Сид торопливо натянул на ноги матерчатые тапочки. Их специально для сегодняшнего дня шила сестра Рита. Он затянул потуже шнурки и завязал их.

На белый квадрат ринга направлены яркие прожекторы. Свет непривычно слепит глаза. Толстые канаты обвернуты бинтом, под

ногами светло-серый брезент. По углам ринга привязаны продолговатые подушки.

Сидя провели в его угол. Подушка перетянута синей лентой. В противоположном углу, где разместился противник, лента красная. Джексон сел на табуретку и стал натягивать боевые рукавицы. Они были значительно меньше и легче тех, в которых ему приходилось до этого боксировать.

На ринге хозяйничал пожилой мужчина, одетый в белый свитер. Он спел веселые куплеты. В них высмеивался старый муж, которого ловко обманывала молодая жена. Каждый куплет песенки сопровождался взрывом аплодисментов и восторженными возгласами. Когда певец кончил и хотел было уйти, публика разразилась свистом и криками. Она выражала свой восторг и требовала повторить номер. Сид почувствовал себя обиженным. Как же так? Он с недоумением смотрел по сторонам на ряды зрителей. Ведь они пришли смотреть бокс, причем здесь пение?

Потом рингом завладели четыре рослых молодца. Они были одеты в зеленые свитеры, на которых крупными буквами было написано «Блитц» и изображена марка пивного завода. Приплясывая и кривляясь, они выкрикивали хором:

###

Я красивый,
Я счастливый,
А у ног – толпа девиц.
Потому,
Что пью я пиво.
Пью я пиво
Марки «Блитц»!

Раньше, сидя где-то в последнем ряду, он с удовольствием смотрел на людей, которые танцами и песнями рекламировали тот или иной товар. Но сейчас, когда реклама так назойливо и неприятно вторглась в его жизнь, он возненавидел ее. Он и не предполагал, что все эти состязания финансировались различными фирмами и предприятиями. Давая доллары на спорт, бизнесмены требовали рекламировать их товары.

###

Убедиться может каждый —

В этом радость без границ,—
Утоляет быстро жажду
Пьющий пиво
Марки «Блиц»!

Наконец парни ушли. На ринге появился судья. Он был одет в белую рубаху с короткими, чуть выше локтей, рукавами, в белые брюки. Черными были только блестящие ботинки, галстук «бабочка», короткие усики и напояженные волосы. Он представил юных боксеров.

— Слева представитель прославленного любительского клуба «Ист-Ривер» Томас Лоукард.

Противник Сида вскочил с табурета и раскланялся перед публикой. Проделал он это ловко и привычно, без тени смущения. «Не первый раз», — подумал Сид.

— Справа Сидней Джэксон, боксер знаменитого Бронкс-ридженклаба.

Сид торопливо вскочил и смущенно поклонился публике.

— Первый раунд!

Противник Сида был одет, как взрослый боксер. Он сбросил с плеч мохнатый халат и остался в одних черных шелковых трусиках. На ногах — черные боксерки. Белые носочки чуть выглядывали из легких ботинок. В тон им белела полоска на поясе.

Томас был высокий, длиннорукий подросток, коричневый от загара, с круглым лицом, на котором выделялись крупный нос и широкий рот. Когда он улыбался, обнажались большие зубы. «Как у лошади», — отметил Сид.

Едва противники сошлись в центре ринга, Сид, как подобает культурному спортсмену, протянул руки для приветствия. Но этим не замедлил воспользоваться Томас. Он зло улыбнулся и, не отвечая на приветствие, выбросил вперед правый кулак, целя в открытый подбородок Джэксона. Сид не ждал удара. Он не успел защититься.

— Bravo! — закричал кто-то из зала, и редкие хлопки приветствовали Томаса.

Джэксон вскочил с пола. Ах так! В его груди все клокотало. Я тебе сейчас отплачу за подлость! Но Томас, видимо, ожидал его натиска. Он делал шаги назад и в сторону, умело парировал сумбурные атаки Джэксона, встречая его прямыми жесткими ударами. Томас был

физически сильнее и опытнее. Его прямые удары, длинные и резкие, сыпались на Джэксона, не давая возможности собраться, сосредоточиться. Сид, обескураженный, вынужден был попятиться. Он отступал, отчаянно защищался. Но противник теснил его к канату, стремясь загнать в угол и там кончить бой...

Уже никто не сомневался в победе Томаса Лоукарда. Его преимущество казалось очевидным. Наиболее восторженные зрители уже ставили один доллар против десяти центов. Мальчишка в коричневых тапочках едва ли дотянет до конца раунда, его поражение уже предрешено...

Жесткие прямые удары Томаса, упрямо преследовали Сида. Руки противника работали с какой-то доведенной до автоматизма точностью: левой-левой, правой, левой-левой, правой... Раз-два-три, раз-два-три... И все в одну цель – в голову Сида. У Джэксона слезился левый глаз, горело правое ухо. Боли он не чувствовал. Расстроенный и обескураженный, он непрерывно отступал, защищаясь. Судья ждал момента, чтобы остановить бой и объявить Томаса победителем ввиду явного преимущества. И Лоукард уже чувствовал себя победителем. Успех окрылял его. Он прилагал все силы, всю энергию к тому, чтобы окончательно сломить сопротивление этого «хобо», бродяги, у которого даже нет настоящих тапочек. Вышел в каких-то тряпках! Стыд и позор... А тоже идет в боксеры! Вот тебе! Вот! Изловчившись, он ударил Сида в нос. Появление крови взбудоражило публику. По залу пролетела легкая волна возбуждения, раздались выкрики, свист.

– Томас, кончай!

Сид шмыгнул носом и вытерся тыльной стороной перчатки. Кровь расплзлась по щеке. Ему было не больно, совсем не больно. Это даже показалось ему странным. Сиду еще никогда не разбивали носа, хотя ему приходилось участвовать во многих потасовках. Правда, эти схватки обычно прекращались, едва у одного из бойцов появлялась кровь. Вид ее всегда был неприятен Сиду. Он вызывал чувство жалости и некоторой брезгливости. А здесь впервые потекла кровь у него самого. И в такой момент! Сид ощущал неприятный солоноватый вкус во рту. Кровь заполняла носовую полость и затрудняла дыхание. Сид снова шмыгнул носом, вытерся предплечьем и отчаянно бросился на Томаса. Была не была!

Удар гонга разнял и развел противников по углам. Сид устало опустил на табуретку и, положив отяжелевшие руки на пружинистые канаты ринга, откинулся всем телом на подушку. Он закрыл глаза и задрал голову к потолку. Так делали многие мальчишки, когда у них разбивали носы. Сид не видел, как судья подошел к Томасу, пошептался и вышел на середину ринга.

– Внимание, внимание! Минуту внимания!

Сначала Сид не придал этому никакого значения. Опять, наверное, реклама...

– ...Ввиду того, что противник Томаса Лоукарда по техническим причинам не может продолжать бой, победа присуждается...

Слова судьи, словно удар электрическим током, заставили Сида вздрогнуть и затрепетать. Он вскочил. Неужели его уже считают побежденным? Непонимающим взглядом обвел он притихшую публику. Неужели?.. Сид выскочил на середину ринга и, перебивая судью, закричал, закричал отчаянно, вкладывая в свой голос всю непосредственность детского негодования:

– Неправда!!!

Судья от неожиданности остановился на полуслове. В рядах зрителей заволновались. Среди любителей острых ощущений всегда есть жаждущие сенсаций.

– Неправда! – Лицо Джэксона, измазанное кровью, горело гневом. – Неправда! Я могу продолжать! Неправда! Я буду драться!..

Судья пожал плечами, как бы выражая искреннее удивление, и посмотрел на главного арбитра, владельца клуба. Тот неторопливым жестом чиркнул зажигалкой и поднес ее к длинной гаванской сигаре, прикурил. Выпустив клуб дыма и оценив обстановку в зале, он утвердительно кивнул головой. Заручившись поддержкой, судья взмахнул рукой.

– Бой продолжается! Второй раунд!

Секундометрист ударил в медный гонг и перевернул песочные часы.

Томас рывком сбросил мохнатый халат (он уже собрался выйти на центр ринга раскланяться) и, нагнув коротко стриженную голову, угрожающе двинулся вперед. Плотно сжатые побелевшие губы и опустившиеся у переносицы брови говорили о его решимости и безжалостности. Он сейчас проучит этого «хобо», он покажет этому

бродяге, как задираться и бастовать! Он именно так и подумал – «задираться и бастовать», – как бы повторяя при этом слова своего отца – владельца небольшой чулочной фабрики, который постоянно возмущался «забастовщиками».

Сид, стиснув зубы, ждал приближения противника. Чуть выставив вперед левую ногу и приподняв левое плечо, как учил его Максвелл Кайт, он прижал правую согнутую руку к туловищу, закрывая локтем самое чувствительное место на животе – солнечное сплетение, а кулаком – опущенный книзу подбородок. Левая рука, чуть согнутая и выставленная вперед, была поднята до уровня глаз. Сид смотрел поверх блестящей кожаной перчатки вперед, как бы целясь в своего соперника. Но видел он перед собой не Томаса, а семьдесят центов, которые во что бы то ни стало решил получить. Деньги были нужны. Очень нужны!

И когда грозная перчатка Томаса устремилась к нему, к его лицу, безжалостная в своей стремительности, Сид вдруг как бы прозрел. Он увидел начало удара, начало атаки, начало того, от чего ему не было спасения во всем первом раунде! На какую-то сотую долю секунды опережая Томаса, он сделал наклон туловищем, чуть приседая на пружинистых ногах. Грозный прямой удар Томаса прошел где-то сверху, над головой. Дальше все произошло, как на тренировке. Джэксон машинально послал вперед правый кулак, перенося вес тела на левую ногу. Есть! Попал! У Джэксона радостно екнуло сердце. Знай наших!

Получив удар, Томас моментально отпрянул назад, на безопасную дистанцию, и оттуда снова ринулся на Джэксона со своими излюбленными прямыми ударами. Но Джэксон нашел ключ к этим ударам! На теле противника появились красные круги, следы правой перчатки Сиды, которой он в первом раунде вытирал кровь.

Сонное оцепенение покинуло и зрителей. Они шумно радовались обострению поединка. Есть на что посмотреть!

– Жми, малыш!

Томас, красный и злой, бросался на Сиды, как разъяренный тигренок. Но все его атаки захлебывались – он натыкался на кулак Джэксона! А изменить тактику он не мог. Напрасно его тренер, сложив руки рупором, отчаянно кричал:

– Защищай корпус!

Встречные удара Сида обескуражили Томаса, злость затмевала разум. Он слепо, упрямо лез вперед, но встречал перчатки Джэксона.

В третьем раунде первым в атаку бросился Сид. Ему удалось прочно захватить инициативу, а потом и сломить волю своего сильного соперника. Томас начал терять веру в свои силы. Это и решило исход встречи.

Судья оттащил Сила от Томаса, который согнулся в глухой защите, закрываясь обеими руками от ударов, вывел Сида к центру ринга и под одобрительные крики и свист публики, поднял его руку:

– Победил Джэксон!

Юный боксер еще не умел скрывать своих чувств. На его лице, слегка скуластом, разгоряченном напряжением поединка, появились белые пятна. Когда же до его сознания дошли слова судьи, когда он понял, что это аплодируют ему, губы сами непроизвольно растянулись в улыбке, брови чуть приподнялись, в серых глазах засверкала радость, кровь прихлынула к лицу, заливая счастливым румянцем щеки. Весь мир сразу окрасился в радужный розовый цвет, все люди вдруг показались ему добрыми и хорошими, даже этот судья, на которого он так негодовал, оказался, в конце концов, вполне порядочным.

Сид быстро перелез через канаты, спрыгнул с помоста и хотел было направиться в раздевалку, но его окликнули:

– Эй, парень! Молодчина!

Он оглянулся. К нему пробивались через толпу двое мужчин, энергично работая локтями. Они, оказывается, были из тех немногих, кто ставил на Джэксона, и теперь, довольные выигрышем, спешили поздравить победителя.

– Ты настоящий мужчина! Если так будешь биться, чемпионом станешь! Чемпионом Америки! А что, правда? Налей, Дик, выпьем за будущего чемпиона!

Дик, так звали второго, наполнил бумажные стаканы и один протянул Сиду.

– Пей, чемпион!

Джэксон, возбужденный радостью победы, доверчиво взял протянутый стакан. Жидкость обожгла язык, опалив горло, словно расплавленный свинец, потекла внутрь. У Сида перехватило дыхание. Он прикрыл рот и ошалелыми глазами смотрел на хохочущих мужчин.

– Что, парень, не сладко?

– Го-го-го! Ха-ха-ха! – неслось со всех сторон. – А нам, думаешь, сладко?

Сид ничего не ответил. Он бросился к раздевалке, расталкивая любопытных. Во рту и горле было пламя. Скорее в раздевалку, там есть кран, есть вода... Торопливо открыв кран, Сид сунул лицо под струю. Он пил, жадно пил прохладную влагу. Но она мало остужала жар, который все сильнее и сильнее разгорался внутри, разливался по жилам. Сид пил долго, до тех пор, пока его не оттолкнули от крана.

– Ты что, одурел? Разве можно после боя столько пить? – Какой-то незнакомый боксер в шелковых трусах и белых боксерках, рослый и красивый, хмурил брови и ругался: – Щенок! Сердце в два счета загонишь. А это тебе не мотор, новым не заменишь... Думать надо!

Джэксон, шатаясь, направился к скамье, на которой лежала его одежда. В поединке он израсходовал всю энергию, все силы, как говорят спортсмены, «полностью выложился». И сейчас, когда нервное напряжение спало, он почувствовал себя страшно усталым. Ноги и руки, казалось, одеревенели. Никто не встречал его, никто не поздравлял с победой. Даже Жак. Ведь он обещал быть здесь – и не пришел... Тоже друг называется. Во всем теле Сид чувствовал неприятную слабость. Во рту пересохло. Тошнило. Сид прислонился спиной к стене и закрыл глаза. И вдруг в его сознании мелькнула мысль: а деньги! Почему их не дали ему? Он соскочил со скамьи и – откуда только взялась энергия! – побежал в гудящий зал, протиснулся к рингу. Разыскав антрепренера, Сид потянул его за рукав:

– Где мои деньги?..

Тот повернулся и, узнав Джэксона, приставил палец к губам:

– Т-с, крошка...

Но Сид настаивал.

Тогда Тэди, воровато озираясь, повел Джэксона в полутемную комнату, расположенную рядом с раздевалкой. Получение денег оставило неприятное чувство в сердце подростка. Ему вручили их не открыто, как дают за честный труд, а тайком, в углу, сунули в руки маленький конверт. В этом было что-то унижающее. Но чувство это не долго держалось в сердце юного боксера. Сид Джэксон впервые столкнулся с теневой стороной американского спорта, где все оценивается на деньги, продается и покупается. Он многого еще не понимал и многое не мог осмыслить. К тому же победа есть победа, и

приз есть приз. Как бы там ни было, а деньги вселили в душу подростка уверенность в себе: ему платят, как и настоящим боксерам!

У выхода, едва Сидней ступил в освещенный подъезд, к нему бросился Жак. Глаза его сверкали, и он радостно обнимал друга.

– Сид, я уже знаю... Вот здорово!

Джэксон устало улыбался, слушая восклицания друга и его гневные фразы, направленные в адрес контролеров: они не пускали Жака в клуб без билета, хотя он тысячу раз объяснял им, что пришел сюда не смотреть, а выступать в качестве секунданта.

– Так и не пустили... Стоят, как мексиканские идолы... хуже полицейских!

Выражение «хуже полицейских» у Жака было самым страшным ругательством. Что же касается «мексиканских идолов», то эти слова он добавил для усиления, хотя сам никогда не видел настоящих идолов, тем более мексиканских.

Сид осторожно вытащил из кармана небольшой конверт и показал другу.

– Вот семьдесят центов!

– Дай подержать.

Сид протянул конверт.

– Только не урони.

Жак подержал на ладони деньги, поправил помятые уголки конверта.

– Сколько мороженого можно купить? За день не съесть!

Сид спрятал награду в карман брюк.

– Не-е... мороженое что? Проглотил – и все... А не съел – растает...

– Давай тогда конфет купим?

Сидней сам хотел истратить деньги на конфеты и еще на пирожное. Круглое и сверху розовый крем и шоколадная розочка. Такое он видел в руках у Блайда. Тот неторопливо откусывал пирожное и кусочки бросал собачке. Она ловила их на лету, здорово лязгая зубами. Вздыхнув, Сид отказался от пирожного, ему хотелось обрадовать мать. И не только обрадовать, а доказать: вот, смотри, я выступил на ринге, победил и... заработал! А ты не верила, что боксом можно зарабатывать деньги, и даже колотила за это, запрещала ходить на тренировки...

– Сид, давай хоть один цент истратим. Когда у меня было два цента, – помнишь? – мы на двоих мороженое брали.

Но Сид был непоколебим. Между друзьями легла тень. Они молча ехали домой на подножке трамвая, и каждый думал о том, что его друг несправедлив.

Домой Сид добрался к полуночи. В квартире еще горел свет. «Не спят!» – отметил он. Усталый, с синяком под глазом и сияющей улыбкой, Джэксон открыл дверь.

В комнате плавал туман, насыщенный запахом дешевого мыла и кипящего в баке белья. Сестра Рита в спортивных штанах и старой кофточке, которая расплзалась на спине, облекая сильную, сложившуюся девичью фигуру, крутила ручку стиральной машины. Мать, подоткнув подол длинной юбки за пояс, мешала деревянной палкой в большом цинковом, баке белье.

Рита первая обернулась на стук двери:

– Мама, пропащий пришел!

Миссис Джэксон, увидев сына, выронила мешалку.

– Боже мой! Опять этот проклятый бокс?..

Он счастливо кивнул головой:

– Да, мама!..

На ее усталом, преждевременно постаревшем лице появилось недоумение:

– Чему ты радуешься, противный мальчишка?

Она подняла мокрое полотенце, скрутила его жгутом, но, подержав в руках, бросила на пол.

– За что ты меня мучаешь? Бить тебя уже нет моих сил...

Рита разогнула занемевшую спину, выпрямилась и шагнула к брату. Она была уже такого роста, как мать. Тряхнув стриженными кудрями, Рита сказала просто и требовательно:

– Сид, ты уже не мальчик. Ты должен дать нам честное мужское слово, что это больше никогда не повторится.

Но юный боксер торжественной походкой подошел к матери и протянул ей бумажный конверт, перевязанный розовой ленточкой.

– Ма, здесь семьдесят центов!

У миссис Джэксон брови сошлись на переносице. Семьдесят центов! Да она не разгибая спины целую неделю стирает с дочерью за один доллар.

– Ты где их взял?

– Я их честно заработал, ма... – В голосе Сиды звучала нотка гордости. Он хотел казаться взрослым и, удерживая рвущуюся наружу радость, старался говорить сдержаннее. – Я тоже буду приносить тебе каждую субботу, если, конечно, буду побеждать.

Миссис Джэксон смотрела на Сиду и не знала, что ей теперь делать: радоваться или плакать. Как быстро растут дети!

– Рита, что ты, не видишь, у Сиды глаз заплыл? Принеси свинцовой примочки.

Потом, обняв сына, грустно покачала головой:

– Трудную ты выбрал себе профессию, мой мальчик...

Когда Сиды со свинцовой примочкой на глазу уложили в постель, пришел старший брат. Он принес с собой запахи химического завода. Неприятный запах, казалось, пропитал не только одежду, но и всего Иллая.

– В России кровавая баня, – торопливо говорил он, хлебая постный суп. – У нас на профсоюзном собрании только и разговору, что о России.

– От русских всего можно ожидать, – вставила Рита. – Дикари, хуже индейцев.

– Ни черта ты не понимаешь, – Иллай отодвинул тарелку. – Русский царь приказал стрелять в народ!

– В свой народ? – удивилась Рита.

– Глупости, – сказала миссис Джэксон. – Как это царь будет стрелять в своих людей?

– Вот так, очень просто. Люди пошли к нему, как мы, когда бастуем, на переговоры. А он велел солдатам стрелять.

– В безоружных? – Сид, прислушивавшийся к разговору, даже приподнялся на локтях.

– Да. В газетах так сообщают.

– Что же теперь там будет? – вздохнула мать.

Иллай немного помолчал, обдумывая в уме, говорить им или не говорить, потом понизил голос:

– У нас на заводе говорят, что в России начинается революция.

Сид с нескрываемым интересом прислушивался к разговору. Вот бы сейчас ему очутиться в снежной России. Обязательно дрался бы с царскими солдатами так, как отряды Линкольна против

рабовладельцев. И, конечно, он отличился бы в боях, стал героем. Хорошо быть героем! Сид вспомнил страницы из учебника истории, портреты героев американцев. И вздохнул. Ну чего можно добиться здесь, в этом тусклом Нью-Йорке? Ни войны, ни вообще ничего интересного. Он с завистью посмотрел на старшего брата. Да, ему хорошо так рассуждать. Иллаю скоро двадцать стукнет, в армию может пойти, там только дурак не захочет стать героем. Ведь в армии это очень легко!

Что же касается Риты, то события в России не произвели на нее особого впечатления. Мало ли что может случиться в далеких странах! Если читать газеты, то в них всегда найдешь про разные страны и необычные вещи. Риту больше волновала их собственная жизнь.

– У нас теперь все работают, – сказала она. – Сид сегодня принес свой первый заработок.

Иллай недоверчиво покосился на младшего брата.

– Что ж он принес? Синяк под глазом?

– И семьдесят центов наличными! – Рита показала на конверт, который лежал на тумбочке матери.

У Сида гулко стучало сердце. Наконец-то он стал равноправным членом семьи! Теперь никто не посмеет упрекать его, что он даром ест хлеб. Мысли были светлые и радостные. Жизнь сразу стала солнечной. И как бывает в таком возрасте, фантазия взяла верх над юношеским рассудком и на волнах гордости и радости устремилась вперед, понесла в будущее, которое рисовалось сказочно богатым и красивым.

– Покажи, что у тебя с глазом, – Иллай наклонился к Сиду.

– Пустяки.

– Все большие неприятности начинаются с пустяков.

Иллай осмотрел синяк, ощупал его, сменил свинцовую примочку.

– Болит?

– Ну чего ты ко мне пристал? «Болит, болит», – Сид скривил губы, передразнивая брата. – Через два дня заживет. Первый раз, что ли? Отстань, я спать хочу.

И повернувшись на бок, накрылся с головой. Иллай ничего не ответил. Он отошел от Сида, взял стакан и стал поливать цветы. Он всегда, перед тем как лечь спать, поливал их. Сид, чуть приподняв одеяло, наблюдал за братом. Лицо Иллая стало грустным и задумчивым. О чем он думает? Конечно же, о своих цветах. Сид не раз

слышал о том, как Иллай просил мать купить новые горшки для кактуса и лимона. Им тесно, они выросли – и если не пересадить их, то скоро завянут! Мать в каждую получку обещала выполнить эту просьбу, но скудный бюджет семьи не позволял такую роскошь. Сиду стало жаль старшего брата. Ну что плохого в том, что он любит цветы? Конечно, этим делом следует заниматься девчонкам. Сид посмотрел на сестру. Нет, Рита не любит возиться с цветами. У нее в голове не розы, а женихи. И Сид решил обязательно купить для Иллая цветочные горшки.

– Мама, сколько лет Сиду?

– Четырнадцатый, а что?

– Пора за ум браться, – Иллай говорил неторопливо, как бы взвешивая слова. – Хватит глупостями заниматься. Они к хорошему не приведут.

– И я так думаю.

Сид чуть не подпрыгнул на постели. Бокс, выходит, – глупости?! У него сперло дыхание. Он готов был заплакать от обиды. Завидно ему, Иллаю, вот что! И от этой зависти он испортит Сиду будущее. Конечно. Когда ему, Иллаю, было четырнадцать, он даже цента не принес домой.

– Я завтра переговорю на заводе с мастером, и с понедельника пусть готовится на работу.

– А как же школа? – спросила Рита.

– Школа, к сожалению, кормить не будет. Я ее не кончил, и ты не кончила, и многие так... А вот если он с такого возраста начнет приучаться к мастерству, то к двадцати годам может стать квалифицированным рабочим.

Юный боксер не выдержал:

– Тебе завидно, что я заработал деньги, вот ты и злишься!

– Я думаю о твоём будущем, – обернулся к нему Иллай.

– Ты лучше думай о себе!

– Сид! – У миссис Джэксон сдвинулись брови. – Надо уважать старших.

– На завод я все равно не пойду!

– Кем же ты будешь? Бродягой?

– Боксером.

– А если тебя искалечат?

- Не искалечат! Против каждого удара есть защита.
- Ты еще глупый.
- Что хотите делайте, а на завод я не пойду! Не пойду, и все. – Сид отвернулся к стене и, глотая слезы, упрямо твердил: – Не пойду!

ГЛАВА ТРЕТЬЯ

1

Трудно спорить с братом, которого считаешь почти равным по правам и признаешь только его преимущество в возрасте. На каких-то шесть лет старше! А тоже, лезет с советами, поучает и наставляет. Как будто он один больше всех знает и понимает в жизни. А Сид и слушать его не будет! Ведь перед ним открываются такие необыкновенные возможности. Подумать только: сын трубопроводчика станет чемпионом! Иллаю просто завидно!

В том, что Иллаю завидно, Сид не сомневался. Иначе почему он затеял эту войну против него? Да еще мать начал восстанавливать против Сида. Разве это по-честному? Сид видел по ее глазам, что она не против того, чтобы он пробивался в чемпионы. Так нет же, Иллай постарался переманить ее на свою сторону. Обрадовался, что зарабатывает пока больше всех других в семье, вот и командует. Думает заставить его сменить боксерские перчатки на грязные рукавицы трубопроводчика! Не выйдет! Напрасные старания!

И чем больше Сидней думал, тем сильнее убеждался в своей правоте.

Напрасно Иллай старался внушить свои суровые доводы восторженному Сиду. Трезвый расчет и логическая убежденность не могли остудить горячую романтичность юного боксера, познавшего первые успехи. Напрасно Иллай призывал брата одуматься и послушать старших. Сколько таких, как он, живет в каждом штате от берегов Атлантики до Тихого океана? Тысячи, десятки тысяч. А в чемпионы выбиваются единицы. Да и то на вершине славы и почета держатся недолго. Даже в лучшем случае не более семи-восьми, в крайнем случае, десяти лет. А дальше что? Что делать чемпиону, скажем, после тридцати лет, когда он сойдет с ринга? Как жить, когда в руках есть только боксерские перчатки, которые уже не приносят заработка?

Сид упрямо твердил свое:

– Буду боксером!

- А потом?
- Когда сойду, на завод пойду, к тебе.
- Поздно будет.
- Ты сам говорил, что учиться никогда не поздно.

Однажды после крупного разговора с братом Сид направился в спортивный клуб, надеясь посоветоваться с тренером. Макссуэлл всегда относился к нему доброжелательно и, конечно, поможет найти правильное решение.

В Ридженклабе Сидней, к радости своей, встретил Макссуэлла и мистера Тэди. «Это настоящая удача! – подумал юный боксер, пожимая им руки. – Сама судьба идет мне навстречу!»

Максуэлл не раз вспоминал впоследствии, что, приди Джэксон часом раньше, все в его жизни могло быть по-другому. Старый и опытный профессиональный боксер, загубивший свою молодость и жизнь в квадратной клетке ринга, ни за что не пожелал бы своему лучшему ученику повторить его ошибки, бросаться с закрытыми глазами в то болото, из которого он, Макссуэлл, все еще никак не может выкарабкаться. Липкая и цепкая грязь денежных отношений засасывала его все дальше и глубже, заставляя выполнять то, против чего на протяжении многих лет безуспешно боролась его совесть. Да, все могло бы быть по-другому...

Мистер Тэди был восхищен победой Джэксона. И это восхищение имело реалистическую основу. Антрепренер отлично разбирался в боксе и боксерах. Бурный финиш Джэксона в третьем раунде говорил опытному дельцу о многом. Он верил, что технику и тактику можно отшлифовать до совершенства в ходе тренировок и боев, но смелость и воля к победе – врожденные качества. Их на тренировочных занятиях не воспитаешь. Эти качества даются человеку с молоком матери, и их можно только усилить и довести до совершенства. Мистер Тэди смотрел на юного Джэксона, как агроном-селекционер смотрит на крупное зерно, найденное среди тысяч обыкновенных зерен пшеницы, а видит в нем бескрайние поля будущих небывалых урожаев.

– Так, значит, настаивают, чтобы пошел на завод?

– Да, – Сидней, затаив дыхание, ждал ответа. Что скажут эти два человека, открывшие перед ним дверь в сверкающую жизнь спортивных знаменитостей?

– А ты, крошка, как сам думаешь? – Мистер Тэди испытующе смотрел на Сиду.

Джэксон покраснел, словно его уличили в чем-то нехорошем, и опустил голову:

– Хочу быть боксером.

– Вот настоящий ответ! – Мистер Тэди дружески хлопнул Сиду по плечу. – Молодчина! Ты посмотри на него, Мики! А? Настоящий мужчина! А как он работал на ринге! Прелесть! Так неужели будущую гордость Америки мы дадим в обиду? Конечно же нет! Верно, Мики?

Что мог сказать Макссуэлл? Кто его знает, может, судьба Джэксона будет иной, и счастье улыбнется ему.

– Знаешь, малыш, я пришел в Ридженклуб специально за тем, чтобы увидеть тебя.

– Меня? – Сид от удивления заморгал Глазами.

– И знаешь зачем? Не догадываешься?

Джэксон отрицательно качал головой.

– Я пришел, чтобы обрадовать тебя. С сегодняшнего дня повышается твой гонорар. Теперь за каждую победу будешь получать, – мистер Тэди сделал паузу, посмотрел на Макссуэлла, потом снова на Сиду, – будешь получать по три доллара. Да, три доллара за победу. А за поражение только один.

У Джэксона все засверкало перед глазами. Три доллара! Он с недоверием покосился на мистера Тэди. Может быть, он пошутил? Но нет, тот совершенно серьезен. Три доллара! И у Макссуэлла ни тени улыбки, он серьезен и озабочен. Три доллара! Ну, держись, Иллай! Когда брат узнает об этом, он лопнет от зависти. Шутка ли, за один бой – три доллара!

Мистер Тэди ласково потрепал Джэксона по шевелюре:

– Надеюсь, ты знаком с действиями арифметики и понимаешь, что три доллара в три раза больше, чем один. Ясно, чем пахнет? То-то!

На прощание мистер Тэди сказал, чтобы химический завод он навсегда выкинул из головы. Сид не знал, как благодарить таких замечательных, отзывчивых и добрых людей, как мистер Тэди и Макссуэлл. Он никогда их не забудет. Он всю жизнь будет обязан им.

Иллай так и не смог переубедить брата. И чем больше Иллай настаивал на своем, тем упрямее становился Сид. Возникшая между ними холодность грозила вырасти в полную отчужденность.

Чуткое сердце матери подсказывало миссис Джэксон, что так долго продолжаться не может. Она старалась примирить их, принимая сторону старшего и доказывая его правоту туго скрученным полотенцем. Однако выбить «глупости» из головы упрямого Сида и ей не удалось. Чуть ли не ежедневно возникали горячие, резкие споры. После каждой стычки Сид все больше и больше уходил в себя. Он стал замкнутым и неразговорчивым, избегал встреч с братом. Сид готов был переломать и вышвырнуть из комнаты все цветы, которыми так дорожил брат. Разве это мужское дело заниматься фикусами и кактусами?

Конечно, матери нравится Иллай. Не курит, не пьет, как другие его сверстники, все деньги до последнего цента отдает ей. Ну что из того, что он стал квалифицированным трубопроводчиком? Трубопроводчик – и все. И так до самой смерти. Обидно!

Временами возникала жалость к брату, к его несчастной судьбе. Нет, Сид вырвется из этого заколдованного круга, из этого грязного района, где каждый камень противно пахнет. Сид возненавидел химический завод, который, как чудовище, но не в сказке, а наяву, затягивает молодых людей, держит их в своем вонючем нутре и выплевывает уже никуда не годными стариками или трупами. Неужели Иллай этого не видит и не понимает? Он упрямо твердит о каком-то едином коллективе, о рабочей солидарности, классовой борьбе. При чем здесь коллектив, когда каждый рабочий трудится только для того, чтобы заработать на жизнь? И о какой солидарности можно вести речь, если каждый стремится заработать больше другого? Ведь и там, как на ринге, – кто победил, кто сделал больше другого, тот и получает больше.

Но Иллай был не один. Все словно сговорились, и каждый на свой лад повторял то, что говорил Иллай. Даже отец Жака, Морис Рэнди, к огорчению Сида, принял сторону Иллая. Так казалось Джэксону. Иначе почему он запретил Жаку тренироваться и устроил его учеником на проклятый химический завод? Друзьям пришлось расстаться. Правда, не совсем, но они теперь встречались лишь по воскресеньям. А воскресенье так коротко, что человеку,

прокоптевшему шесть дней среди вони химического завода, не хватает времени даже для того, чтобы хоть немного проветрить свои легкие. У Жака появились новые интересы, новые знакомые. Он с нескрываемой гордостью рассказывал о них другу. Сид слушал его рассеянно – опять про завод!

Три доллара, которые время от времени он приносил домой, не выручали. Его не попрекали, но молчаливые взгляды были красноречивее слов. Ложка с супом не лезла в рот, хлеб, заработанный Иллаем, застревал в горле. Но он не желает сдаваться! Он не хочет! И этот хлеб, и этот суп, и эти штаны, которые куплены на деньги Иллая, все, все он, Сид, берет только займы. Не иначе. Только займы! Он отдаст, возместит все расходы, рассчитается до последнего цента. Ну как они этого не понимают?!

Шли месяцы, а заветная мечта была все так же далека и недостижима. Правда, спортивное мастерство значительно выросло, техника стала совершеннее, Сид научился бить коротко и без замаха, бить в четверть силы и наносить удар, в который вкладывал всю свою мощь и вес всего тела. Ноги приобрели упругую легкость, а тело – выносливость. Он умел расслабляться и мгновенно напрягаться, научился отдыхать в короткие паузы между атаками и умел видеть, да, видеть начало удара противника. Сидней рос спортсменом, и Максвелл с радостью отмечал, что в свои пятнадцать лет он против Джэксона ничего не стоил.

Выручила Рита. Она как-то вечером под села к Сиду, который только что вернулся с тренировки.

– Братишка, а ты пошел бы к нам работать?

Сид хмыкнул.

– В мастерскую, за швейную машинку?

Но Рита пропустила мимо ушей насмешливый тон.

– За швейными машинами все места заняты. Я о другом. Ол-Гайтман ищет парня для разноски выполненных заказов.

Сид насторожился. Кажется, это то, что ему надо. Ни за станком, ни за швейной машиной торчать весь день он не хочет. Быть разносчиком не так уж плохо: во-первых, целый день на улице, дышишь свежим воздухом, во-вторых, на ногах – неплохой дополнительный тренаж.

На следующее утро Джэксон почтительно стоял перед толстым седым хозяином небольшого ателье «Олт-Гайтман и К°». У старика были пронизательные глаза и розовые гладкие щеки. Серая клетчатая жилетка стягивала его живот, на котором поблескивала массивная золотая цепочка. В правой руке он держал ножницы и сантиметр, а левой поправлял очки, которые криво сидели на мясистом крупном носу.

– Так-так, молодой джентльмен, вы мне вполне подходите. Работа у нас хотя и не сложная, но достаточно важная.

Он говорил долго и нудно, рассказывая о порядках в мастерской, о том, что разносчик является лицом ателье, его представителем и посредником между ним, Олт-Гайтманом, и заказчиками, что с клиентами всегда следует быть выдержанным, вежливым и приветливым. Никогда не вступать с ними в пререкания, не дай бог! Потеря хотя бы одного заказчика является убытком и т. д. и т. п.

Особенно не понравилось Сиду наставление Олт-Гайтмана о чаевых. Оказывается, их следует полностью приносить и отдавать хозяину ателье, ибо эти деньги даются не за доставку заказа, а мастерам-портным за добросовестную работу.

Сид почтительно слушал и в знак согласия кивал головой. Что же, если так надо, он будет вежливым и почтительным, будет возвращать чаевые, будет достойным представителем ателье «Олт-Гайтман и К0».

Узнав, что в свободное время по вечерам Сидней занимается боксом, Олт-Гайтман, к удивлению Джэксона, протянул левую руку и одобрительно похлопал его по плечу.

– Спорт! Э! Это культура! Крепкие кулаки и сильные ноги. Бросать не надо.

Юный боксер был польщен. Он с благодарностью посмотрел на старика. Портной, а понимает толк в спорте! Еще минуту назад Сид с тревогой думал о том, как сообщить Олт-Гайтману, что вечерами он не сможет разносить заказы, ибо должен посещать тренировки. Олт-Гайтман в увлечении Сида видел другое. Он надеялся, что, увлекаясь спортом, разносчик не будет пьяницей. Олт-Гайтман вздохнул, вспомнив долговязого парня, которого недавно выгнал. Тот пропивал почти все чаевые. Олт-Гайтман критически осмотрел довольно потрепанный костюм Джэксона.

– Вид далеко не представительный. Да-да. Так не пойдет.

С Джэксона сняли мерку, и через несколько дней он был облачен в новенький черный костюм, сшитый по последней моде. Олт-Гайтман держал высоко марку своего ателье.

В борьбе с конкурентами значительную роль играли и такие «мелочи», как платье разносчика.

Около трех лет провел Сидней Джэксон в ателье «Олт-Гайтман и К0», разнося клиентам выполненные заказы. Хозяин был доволен им (такой исполнительный и честный!) и часто ставил его в пример другим. Несколько раз он приглашал Джэксона к себе домой, угощал кофе, который сам варил, и предлагал перейти работать учеником к лучшему портному.

– Я тебе, как сыну, желаю добра и хочу мастером сделать.

Сид благодарил и, улыбаясь, отказывался. Ему и так не плохо. А что касается будущего, то о нем он сам позаботится.

– Дай бог! Дай бог! – удивлялся хозяин.

Иллай занял выжидательную позицию. Он старался соблюдать нейтралитет, и, казалось, махнул рукой на судьбу младшего брата. На самом деле он пристально следил за его жизнью и тревожился не меньше матери. Иллай тяжело переживал разрыв, но не знал, как сгладить острые углы, чтобы восстановить прежнюю дружбу.

Шли годы, а Сид упрямо держался за капризы детства. Не слишком ли далеко зашли их разногласия? А тут еще история с молодым негром...

Все началось с того, что в один из субботних вечеров Сид пришел необычайно возбужденный.

– Ма, сегодня весь приз стал моим, – он положил на стол перед матерью конверт с деньгами. – Десять долларов!

– Постой, братишка, – Иллай, как всегда, не разделял его восторга и не радовался успехам на ринге. – Постой, братишка. Почему сегодня весь приз оказался твоим? Разве раньше ты получал только часть?

– Конечно!

И Сид, возбужденный победой, захлебываясь, рассказал о сегодняшнем успехе. Это был необычный поединок! Перед боем так и

объявили: победитель получит десять долларов. И, конечно же, Сид постарался победить. Кто был противником? Негр. Отчаянный и верткий. Настоящий лев! Все три раунда атаковал. Да, Сиду пришлось повозиться. Он даже подумал, что проиграет бой. Вы бы посмотрели, как негр бросался вперед! Видимо, ему тоже нужны были доллары. А как публика ревела, когда в конце третьего раунда Сид поймал негра на встречный удар и бросил его на помост! В задних рядах даже скамейки не выдержали и с шумом треснули. Хохоту сколько было!

Потом уже в раздевалке Сидней снова видел своего противника. Тот сидел на полу и беззвучно плакал. По коричневому, как шоколад, лицу текли крупные слезы. Негр вытирал их кулаком, размазывая по щеке, и не стеснялся своих слез. Конечно, негр плакал от злости! Ведь он почти выиграл бой.

– А как звали негритянского парня? – спросил Иллай.

Сидней поднял глаза на брата и, встретив его спокойный требовательный взгляд, виновато улыбнулся.

– Не знаю... Не то Риверс Грибстон, не то Грибе Риверстон. На ринге мы объяснялись знаками, то есть с помощью вот этого... – Он выразительно сжал кулак.

– Дрался, и даже не знаешь с кем?

– Иллай, ну что ты к нему привязался? – вмешалась Рита. – Не лучше ли поздравить братишку.

– А с чем его поздравлять? Уж не с тем ли, что твой братишка ограбил своего партнера?

Нет, Сид подобного оскорбления не мог вынести. Выходит, он «ограбил своего противника»? Только послушайте, что Иллай мелет. И это называется старший брат!

– Тише, дети! – миссис Джэксон повелительно стукнула ладонью по столу. – Что вы сцепились, как петухи!

Братья стояли друг против друга. У Сида от волнения подрагивала верхняя губа. Он тяжело дышал, и казалось, еще один толчок – бросится с кулаками на старшего или расплачется...

– Я честно выиграл бой! Понимаешь: че-с-т-но!

– А этот негритянский парень дрался не честно?

– Ничего ты не понимаешь в боксе. Вот!

– Ты все-таки скажи, негр дрался честно?

– Еще бы! Если бы он работал не честно, его бы сразу дисквалифицировали, сняли с ринга. Понятно?

– Понятно? – Рита с удовольствием повторила этот вопрос вслед за Сидом и состроила Иллаю рожки. Она хотела прекратить разгоревшуюся ссору шуткой.

– Рита, отстань, – Иллай снова уставился на Сида. – Значит, ты признаешь, что негр дрался честно?

– Я же тебе объяснил. Да, негр бился честно. Мы оба бились честно. По правилам. Вот! – Сид говорил медленно и зло. – А победил я! Судьи мне присудили победу. Значит, я и выиграл приз. Теперь ясно?

– Ясно, что судьи поступили несправедливо.

– Несправедливо?!

Рита подбежала и встала между братьями.

– Иллай, да как ты смеешь? Ты же не был там!

– Ма, за что он меня оскорбляет? Неужели я не честно выиграл бой?

Иллай оставался невозмутимым.

– Сид, успокойся. Я тебе верю. Тебе честно присудили победу. Ты ее вполне заслужил. Но я говорю о другом, не о боксе.

– О чем же?

– Ты добился победы. А благодаря чему ты добился?

– Благодаря чему? – Сид самодовольно усмехнулся. – В третьем раунде мы оба зверски устали. Преимущество по очкам было на его стороне. Я видел, что только один удар, удар точный и сильный, может принести мне победу. И стал ждать удобного момента. А негр работал на полную катушку. Я позволил ему загнать меня в угол. И когда он бросился в последнюю атаку, чтобы добить меня, я провел встречный удар правой. Негр упал. Нокаут! Вот и все. Хочешь, я покажу тебе этот встречный удар?

– Нет, не надо! – Иллай отрицательно замотал головой.

– А ты попробуй хоть один раз. – Рита с трудом сдерживала улыбку. – Ну что тебе стоит?

Иллай пропустил мимо ушей ее шутку. Он был по-прежнему серьезен. Старательно подбирая слова, он продолжал:

– По твоему рассказу, Сид, можно понять, что в конце боя вы оба «зверски устали». Так?

Сид кивнул головой.

– Верно. От пота даже глаза щипало. Вот как устали!

– А как всем нам известно, человек устает потому, что затратил на какие-то действия свою физическую силу, свою энергию. Попросту говоря, человек устает тогда, когда он поработает. Верно, мама?

– Верно, сынок, верно, – отозвалась миссис Джэксон, радуясь, что спор между братьями приобрел мирный характер. – Так устаешь, что спину разогнуть трудно. Все болит.

– Теперь, Сид, ты ответь. Что же такое бокс: игра или работа?

– Конечно работа.

– Значит, ты не выиграл бой, а заработал победу?

– Да, заработал вот этими кулаками.

– Предположим, не только кулаками, но и головой. Ты затратил свою энергию, добросовестно поработал. Скажи нам, а твой противник, негритянский парень, он тоже затратил свою энергию, свою силу? Ты признаешь, что он тоже потрудился, честно поработал?

– Я уже говорил тебе об этом пять минут назад. Мы бились по-честному, по правилам.

– Ну что ты, Иллай, прилип к нему? Затвердил одно и то же: работа, работа, работа, – миссис Джэксон уже начал надоедать этот спор. – Разве драку... Разве бокс можно назвать работой?

– Думаю, мама, что можно. А вот как Сид считает?

Сид сразу не ответил. Он задумался. От Иллая можно ожидать всего. Хитрый!

– Да, мы оба здорово поработали, – Сид тяжело вздохнул.

Сделав это признание, он насторожился. Сердце подсказывало ему, что он попал в какую-то западню. Сейчас должно что-то случиться.

– Мама, Сид признал, что они оба здорово поработали.

– Ну и что же? – Миссис Джэксон посмотрела на Иллая, не понимая, куда он клонит.

– Теперь последний вопрос. Ответьте, мама, Рита и ты, Сидней. Вы согласны с тем, что за труд человека, за его работу надо платить?

– Даром даже ослы не трудятся – их надо кормить, – Рита, довольная своим ответом, улыбнулась. – А среди людей дураков нет!

– А ты, мама, как считаешь?

– Что говорить! За каждый труд сам бог велел давать вознаграждение.

– А ты, Сид?

Вот где была западня! И как он раньше не догадался.

– Сид, что же ты молчишь? – спросила Рнта.

Сид метнул на нее недовольный взгляд.

– Да, труд надо оплачивать. Но это не имеет никакого отношения к боксу! У нас была договоренность, что победитель получит весь приз.

– Ты лично договаривался с этим негритянским парнем?

– Нет. Я с ним не договаривался. Так объявили судьи.

– А кто договаривался?

Сид не знал, что ответить.

– Молчишь? – Иллай сделал паузу. – Ты все понимаешь. Ты должен вернуть половину денег.

– А если бы я проиграл? Думаешь, он дал бы мне часть денег?

– Ты должен вернуть половицу.

– Вот что он дал бы мне! – Сид нервным движением сложил фигу и сунул ее Иллаю.

– Не спорь, мой мальчик, – в голосе миссис Джэксон материнская ласка и требовательность. – Не спорь. Ты ведь честный и справедливый. Правда? Ты всегда был честным и справедливым.

Опять все против него! Ну что он плохого сделал? Что?

Сид плохо спал ночь. Еще с вечера, чтобы не слышать назидательный голос Иллая, он накрылся одеялом с головой. В конце концов, они оставили его в покое. Помогло одеяло. Но разве можно отмолчаться, укрыться от того, что ворвалось в душу?.. Все давно спят, а в ушах Сида все еще звучит голос Иллая. От его слов не отмахнешься. Нет! Так договорились предприниматели, которые устраивают состязания. Они знают, что ваша работа, проделанный вами труд стоит, предположим, десять долларов. Но платить за работу по-честному, справедливо они не захотели... Это им не выгодно. Не выгодно? Почему? Кто же станет ходить на состязания, зная, что каждый дерущийся получит ровно столько, сколько его противник! Конечно, любители рыцарских поединков, ценители боксерского искусства ходить будут. Но от такой публики можно ждать только одних аплодисментов. Они достойно вознаграждают лучшего.

А дельцам от спорта нужны доллары. Много долларов. Значительно больше, чем они заплатили боксерам. Вот они и придумали этот трюк, возбудили нездоровый интерес к поединку, создали ажиотаж. Шутка ли – победитель получит все! И тут Иллай, кажется, прав, хотя и ни разу не был на состязаниях. Не был? Сомнительно. Откуда тогда он мог все узнать? В его словах горькая правда. Да. А ловко он подглядел, как предприниматели заставляют простачков открывать свои кошельки! Простачки покупают билеты, вносят деньги в тотализатор... Теперь, кажется, ясно, почему победителю платят все десять долларов.

А что касается нас, то дельцам совершенно безразлично, кому отдать деньги. Мы оба честно трудились, добросовестно колотили друг друга на глазах у толпы, а они на нашей работе зарабатывали, или, вернее, наживались... Все так просто и грубо. Мы бьемся, а они, вроде мистера Тэди, считают доллары... Ловко!

Сид перевернулся на другой бок, вздохнул. Круг замкнулся. Неужели нет выхода из этого чертова круга? Неужели так всю жизнь?

В комнате темно и пахнет стиранным бельем. Одни работают, а другие наживаются. Всегда было так. Везде так. Конечно везде! У Иллая самого не так, что ли? Целые дни он и другие гнут спину на заводе, а зарабатывает кто? Хозяин. Ясно, как дважды два. А если завод не дает прибыли, его закрывают. Вон сколько безработных ходит!

Сид вспомнил, как однажды проходил мимо биржи труда. Сколько там народу сидит в ожидании! Не то что позови, только помани пальцем, сразу десятками кинутся... Как такое назвать? Борьба за жизнь? Борьба... В жизни, как и на ринге, побеждает не самый сильный, а самый умный. Так говорит Максвелл. А мистер Тэди говорит по-другому. «Побеждает тот, кто меньше стесняется». Оба говорят об одном и том же и по-разному. Неужели жизнь такая сложная и запутанная штука, что все взрослые так и не могут в ней разобраться?

А насчет профсоюзов Иллай неправ. Нет. Ну какие могут быть профсоюзы у боксеров? Смешно! Вы только послушайте, как их назвал Иллай: «Профессиональный союз боксеров». Чтобы эта организация ведала заключением контрактов с антрепренерами,

устанавливала размеры оплаты труда, вела учет прибылям и расходам...

На заводе это, может, просто – создать профсоюзы. А в спорте попробуй объедини боксеров! Кто пойдет? Когда каждый сам за себя, каждый норовит добиться победы, стать чемпионом. Чемпионом! Одно звание чего стоит! Чемпион города, чемпион штата, чемпион Америки и, словно царский трон, золотой титул чемпиона мира. Хорошо быть чемпионом! Деньги, слава, почет... Он видел чемпиона Америки. Как тот был одет! А машина! Собственная. Сид будет иметь такую. Обязательно! И дом, как у чемпиона мира. В иллюстрированном журнале помещена фотография: чемпион в семейном кругу. Какая красивая девушка рядом! Глаза большие, волосы золотистые... Ради такой стоит драться и победить. Победить?

А если я проиграю? Вопрос встал так неожиданно и прямо, что у Сиды похолодели руки. Как это – проиграю? Не может быть. Что за глупости! Но кто-то настойчиво голосом Иллая твердил: «А если?..» Ведь и чемпионы не всю жизнь побеждают. Когда-то приходит конец... И тогда твой противник получит весь приз. Не десять долларов, как сейчас, а много, очень много...

У Сиды на лбу выступила испарина. Что же делать? Вот так сразу – весь приз? И – ни цента мне? Сид представил себя на месте побежденного. Перед его глазами встал образ плачущего негритянского парня. И ему до слез стало жаль его. Ведь это несправедливо! Черт возьми, все мы люди, зачем же обижать друг друга?

Рассвет наступал медленно, серо; в комнате полумрак, мокрые простыни, развешанные на веревках, кажутся боевыми знаменами могучих войск. И Сид, засыпая, чувствует себя солдатом этой большой и непобедимой армии.

- Утром, после завтрака, Сидней предложил сестре:
- Рита, поедешь со мной?
  - Далеко?
  - В Гарлем. К негру.

– С удовольствием!

– У Сида доброе сердце, – обрадовалась мать.

Рита и Сидней возвратились не скоро. Они пришли, когда наступили вечерние сумерки. Оба были подавлены. Сид молча выпил чашку бульона, долго жевал корку хлеба.

– Мамочка, какой там ужас! – делилась впечатлениями Рита. – Грязь, нищета, больные... И это чуть ли не в самом центре Нью-Йорка!

Рита рассказывала, как они блуждали по Гарлему, этому негритянскому заповеднику, как они нашли лачугу, в которой обитает побежденный Сиднеем боксер. Дома его не оказалось. Их встретила его мать, седая негритянка. Она вышла на порог, и следом за ней выбежали трое ребятишек. Худые, голые, одни глаза. Семья живет на то, что зарабатывает сын. Отца у них нет давно, третий год.

Когда негритянка узнала о цели прихода, она сначала не поверила. А когда Сид отдал ей деньги и сказал, что возвращает ее сыну должное, что тот их заработал, негритянка кланялась и с благодарностью повторяла: «Благослови тебя бог, наш добрый господин!»

Сид в этот вечер остался дома. Перед сном он только сказал Иллаю:

– Его зовут Роб. Роб Гриберст.

ГЛАВА ЧЕТВЕРТАЯ

1

Пройдя через целую цепь напряженных поединков, Сидней Джэксон завоевал право участвовать в межклубных состязаниях, или, как говорили сами боксеры, получил возможность оспаривать личное первенство своего района. Такие состязания устраивались время от времени спортивной ассоциацией Соединенных Штатов и являлись первой ступенькой на пути к большому рингу. Это были наиболее массовые соревнования боксеров, проводимые почти в одни и те же дни по всей стране. Вполне естественно, что в них принимали участие чуть ли не все молодые боксеры, обладающие крепким кулаком и жаждой славы.

Сидней усиленно готовился к предстоящим схваткам. Вместе с Максуэллом они разработали специальный режим дня. В нем было предусмотрено все: от подъема до сна. Все усилия направлялись к одной цели: дню состязаний. Сидней должен прийти в отличной боевой форме, иметь большой запас физической и нервной энергии и обладать жаждой борьбы. Особое внимание Максуэлл уделял последнему. По личному опыту он знал и нередко ему приходилось видеть, как сильные боксеры, обладающие незаурядными способностями, терпели поражения на крупных соревнованиях только из-за того, что в период тренировок злоупотребляли спаррингами, т. е. учебно-тренировочными боями. Такие боксеры приходили к состязаниям физически крепкими, но нервно переутомленными схватками, у них выход на ринг не вызывал никаких эмоций, а поединок воспринимался как обыденная работа. И они проигрывали бои тем, кто бился с воодушевлением. В чувствах боксера, в его эмоциях Максуэлл видел дополнительный источник энергии.

– Выход на ринг – это праздник боксера! – повторял он.

В те времена книги о спорте были редким явлением на книжном рынке; теоретических трудов о системе и методике тренировок не было, и каждый тренер воспитывал своих учеников, основываясь на

личном опыте. У каждого имелись свои собственные «секреты успехов» и «тайны побед», которые тщательно оберегались.

В мире, где успехи и неудачи оцениваются на доллары, спортивные интересы становились материальными интересами.

К чести Максвелла, можно сказать, что он обладал светлой головой. В нем билась творческая жилка. Будучи участником и зрителем многочисленных состязаний, он не только видел преимущества и недостатки боксеров, но старался разгадать пути к достижению больших успехов, понять причины неудач и найти способы повышения, как он говорил, боеспособности спортсмена. На тренировках Максвелл часто делал замечания:

– Больше энергии, Сид!

Однако Сид колотил мешок без особого интереса. Видно было, что молодой боксер трудится старательно, но без воодушевления. На ринге, даже в тренировочном бою, Сидней преображался. С него слетала сонливость и напряженность. Поединок захватывал его, воодушевлял и вдохновлял. Движения становились расчетливыми и точными. Ни одного лишнего шага, взмаха руки. Максвелл несколько раз ловил себя на том, что он смотрит на Сиднея не так, как следует смотреть тренеру: он увлекался красотой и точностью движений, любовался своим учеником. И, поймав себя на этом, он хмурил лохматые брови, старательно выискивая в действиях Джэксона ошибки. Но техника ученика была великолепной, бой он строил тактически умно.

– Сидней рожден для бокса! – повторял тренер.

За две недели до межклубных соревнований Максвелл отменил тренировочные бои. Сид попытался было возражать, но тренер и слушать не захотел.

– Больше занимайся гимнастикой, чаще выходи на свежий воздух.

– Я и так целые сутки на улице!

– Улица – это не парк. Если бы у нас были деньги, мы бы уехали в лес. Знаешь, какой воздух в Калифорнии? – Максвелл мечтательно понизил голос. – Не дышишь, а словно пьешь. Каждый вздох, как глоток... – он хотел сказать вина, но вовремя спохватился, – как глоток виноградного сока!

Сидней горел желанием проверить свои силы в спаррингах.

А Максвелл, сознательно уменьшая количество учебных боев, видел, как в Джэксоне все ярче и ярче разгорается желание схватиться с противником. Этот огонь радовал тренера. В нем он видел залог успехов.

В канун соревнований Сидней обратился к мистру Тэди:

– Не можете ли вы одолжить мне денег?

Антрепренер поднял брови. С таким вопросом Джэксон никогда к нему не обращался.

– Денег?

– Ну да, – Сидней торопливо стал объяснять, боясь, что ему не поверят: – Я хочу купить мохнатый халат, новые шелковые трусы и боксерки. Мне стыдно выступать в тренировочных спортивных туфлях. Ведь это настоящие состязания! – и тихо добавил, с надеждой глядя на Тэди: – Я их вам верну, обязательно верну.

Мистер Тэди полез в карман. Сидней следил за каждым его движением. Юный боксер уже приготовился было благодарить антрепренера, но слова так и остались не высказанными. Мистер Тэди вынул не кошелек, а портсигар. Массивный, золотой. Щелкнул крышкой, достал сигару, закурил. У Сида упало сердце.

– Я верну деньги после первой же победы. Честное слово, мистер Тэди...

Антрепренер снисходительно улыбался. Потом, перекинув языком сигару с одного угла губ в другой, бросил:

– Глупости.

Сидней попытался доказывать:

– Вовсе не глупости. Там все будут одеты, как положено.

– Наивность и предрассудки.

– Я не хочу быть белой вороной. Хочу быть как все! А если вам жалко денег, то извините. Счастливо оставаться!

Но мистер Тэди удержал его.

– Дело не в долларах, крошка. Я дам тебе, и не в долг, а так. Расходы на форму беру на свой счет. И не нужно сентиментальности! – Антрепренер жестом остановил Сиднея, готового выпалить

благодарности. – Не нужно! Давай лучше по-деловому обсудим, как ты сам сказал, форму «белой вороны».

– Я вас не вполне понимаю, мистер Тэди.

– Бизнес, крошка, начинается с рекламы.

– Кто же меня станет рекламировать? Я же новичок, мистер Тэди.

– Ты сам себя будешь рекламировать, – антрепренер перешел на деловой тон. – Надо, чтобы на тебя обратили внимание с первого шага, едва ты переступишь канаты ринга. Ты еще не начал бой, еще не победитель, еще никто, но уже обращаешь на себя внимание публики, корреспондентов, спортивных боссов. Здорово, а?

Джэксон шел домой, сжимая в кармане бумажку в двадцать пять долларов. Деньги его не радовали. То, о чем он мечтал, не будет осуществлено. А как он хотел купить настоящие боксерские ботинки, легкие, на мягкой подошве, с высокой шнуровкой! Но спорить с мистером Тэди было еще опасно. Его слова звучали для Сиднея как приказ командира, которому солдат должен подчиняться. «Дай только победить, выйти на большой ринг, – думал юный боксер, – тогда ни одному боссу не позволю вмешиваться и диктовать». Так думал он, а в его ушах звучали слова мистера Тэди: «Пусть остается все как было. Сделай новые тряпичные тапочки, такие, чтобы сразу бросались в глаза своей дикостью. Только подошву пришей не брезентовую, а из замши. Замша не гладкая, она скользить не будет. Устойчивость отличная. Трусы попроще, без широкого пояса. Все должно быть удобным, а по внешнему виду неспортивным».

Мистер Тэди особенно упирал на последние слова. Все должно быть неспортивным! Сидней не особенно ясно понимал замысел антрепренера и в его словах чувствовал что-то унижающее и оскорбительное.

Выбрав момент, когда в примерочной не было заказчиков, Рита позвала брата:

– Сид, иди-ка сюда. Мы тебе подарок приготовили.

– Мне? Подарок?

– Не разговаривай. – Рита приложила палец к губам. – Быстро за ширму.

Сидней послушно нырнул в небольшую кабину и, задернув занавес, подмигнул своему изображению в тройном зеркало.

– Готовься отражать атаку прилипчивых девчонок.

Из-за стены доносилось ровное стрекотанье швейных машин. Там находился «рабочий цех», как именовал Олт-Гайтман узкую и длинную комнату с низким потолком. В первой половине стояли тремя рядами швейные машины, над которыми с утра до вечера, по двенадцать часов в сутки, сгибали спины работницы. Во второй половине стояли столы, раздавалось шипение, сверкали электрические утюги и клубы пара поднимались к потолку.

– Одну минутку подожди, – сказала Рита, – посмотрю, где Старая Жаба. (Старой Жабой работницы окрестили хозяина.)

– Девочки, сюда!

Рита первой вошла в кабину. За нею впорхнула голубоглазая Эвелин, стройная, полногрудая. Ее бюст в мастерской считался классическим. Ей неоднократно предлагали стать манекенщицей, но семнадцатилетняя девушка упрямо держалась за свою цель – быть хорошей мастерицей. Следом за Эвелин вошла худощавая и вечно веселая Лизи. Тетушка Мэри осталась в примерочной.

– В случае чего я задержу Старую Жабу.

Сидней с недоумением ждал. «Интересно, что они затеяли?»

Лизи повернулась к смущенной Эвелин.

– Вручай нашему мальчику. Пусть надевает.

Лицо Эвелин вспыхнуло румянцем:

– Ты скажешь! Постыдилась бы!

Сидней заметил в руках у Лизи небольшой сверток. Она хотела что-то сказать, но тут раздался голос тетушки Мэри:

– Девочки, по местам! Жаба!

Лизи быстро взяла у Эвелин сверток и протянула его боксеру.

– Сид, мы постарались для тебя. Извини, что без примерки. Мы все желаем тебе удачи!

Уходя, Эвелин выдохнула:

– Ты примерь. Если что не так, мы сразу переделаем. Ладно?

– Спасибо вам. Только, что это? И зачем?

Оставшись один, Сид развернул пакет. В нем находились трусы. Настоящие, спортивные, какие он видел на чемпионах. Темно-голубой атлас, широкий резиновый пояс, узкая белая окантовка по краям и вдоль линии бедер. До чего здорово! О таком наряде он мечтал. В одно мгновение Сидней снял одежду и надел трусы. Они оказались впору. Темно-голубой атлас, переливаясь, как нельзя лучше гармонировал с чуть загорелым телом, придавал всему облику боксера спортивную элегантность. Сид смотрел в зеркало и видел себя на ринге. Он сжал кулаки, стал в боевую стойку.

Эвелин, склонившись к швейной машине, прислушивалась, ждала голоса Сиднея. Ведь он обязательно окликнет кого-нибудь, Эвелин была уверена в этом. Предчувствие не обмануло ее. Сквозь стрекот машин она слышала его голос, который донесся из примерочной:

– Рита!

Рита, не прерывая хода машины, вопросительно взглянула на Эвелин, как бы прося ее пойти к брату. Та кивнула и поднялась. Сердце ее колотилось учащенно. Это она, Эвелин, была и организатором и исполнителем. Она узнала от Риты, что скоро ее брат впервые примет участие в настоящих, больших соревнованиях и что у него нет подходящей боксерской формы. Эвелин уговорила тетушку Мэри «срезать» кусок атласа. На ее счастье, в эти дни шили утренний туалет юной супруге владельца мебельной фабрики. Тетушка Мэри имела влияние на закройщика, и тот без особого труда сэкономил кусок темно-голубого атласа. Фасон трусов выбирали сообща. Рита принесла несколько спортивных журналов, и девушки, рассматривая иллюстрации, выбирали наиболее красивые, с их точки зрения. Хохотушка Лизи достала три фута широкой резины, и из нее сделали красивый пояс для трусов. А на боковые полосы Эвелин потратила шелковые ленты, которыми она иногда подвязывала вьющиеся волосы. Девушка волновалась. Понравится ли Сиднею их подарок? А главное – догадается ли он, чья это работа?

Когда девушки вошли в примерочную, Сид уже успел переодеться.

– Ри, форма мне очень нравится! Это здорово, как вы сообразительны. И ты, и Эви, и Лизи. Вы чудесные девчонки! И я вам очень благодарен. Но такой костюм мне не подходит, к сожалению. – И Сид огорченным голосом рассказал девушкам, что именно от него

требовал тренер. «Старые трусы, тряпичные тапки, бедность и деревенщина».

– Твой тренер, наверное, рехнулся. Я совсем не понимаю этой глупой идеи! – сердито сказала Рита.

– Я тоже, сестренка. Но пока я с ним, я должен делать так, как он велит.

Девушки озабоченно нахмурили брови – что же делать? Как быть?

– Вот двадцать пять долларов, – продолжал Сид, – нужно купить тряпок на трусы и тапки. И главное, нужно достать замши на подошву.

– Тряпок здесь достаточно. Да и тапочки можно сшить у нас. Рита, ты ведь помнишь, как я сшила шлепанцы тетушке Мэри? Помнишь? – И лицо Эвелин вновь залилось розовой краской.

– Так это же отлично! – оживился Сидней. – Я сейчас же достану замши для подошвы! А вечером пойдем в кино или еще куда-нибудь! Согласны? Я зайду за вами!

У Риты оказалась масса друзей, которых он раньше как-то не замечал. Эти милые девушки, так живо принявшие в нем участие, приготовили ему еще задолго до вечера такой костюм, какой и требовал от него антрепренер.

Выполняя свое обещание, Сид повел девушек из мастерской в кинотеатр... После кино они пошли в парк, а по пути заглянули в аптеку, чтобы освежиться фруктовым мороженым. В парке они разыскали маленький уютный уголок. Было в самом деле весело! Девушки, включая и сестру, смотрели на него влюбленными глазами, он чувствовал себя героем вечера.

Дома Сиднею не удалось сразу лечь спать. Пришли гости – отец Жака Морис Рэнди и еще несколько рабочих-химиков. Среди гостей выделялся один. Незнакомец нервно повернулся на стук двери, но Иллай успокоил:

– Брат.

Они сидели за столом, на который мать постелила праздничную скатерть. На столе – тарелки с нарезанной дешевой колбасой и сыром. Бутылка вина, наполненные стаканы. Лица собравшихся возбуждены,

блестят глаза. Но не так, как у пьяных. Это Сидней определил сразу. Так блестят они у спорящих, когда каждый не уступает и доказывает. Появление Сиднея оборвало их спор.

В тесной комнате было душно и накурено. Сид молча подошел к окну и распахнул форточку. За его спиной снова начался спор. Сидней догадался; «Комитетчики!» Мечтают голыми руками перевернуть весь мир! Потом прислушался. Мягкий, но волевой голос незнакомца привлек его внимание.

– Что вы держитесь за цеховые профсоюзы, как за хвост сороки? Думаете, они избавление принесут? Ошибаетесь! Цеховые профсоюзы, если хотите, на руку монополистам, помогают им грабить рабочий класс Америки.

– А что предлагает вам Большой Билл? – спросил Иллай.

– Давайте и мы объединяться в один профсоюз – рабочие Запада и Востока, Юга и Севера. Ведь это сила! У них – миллионы долларов, а у нас – миллионы таких колотушек, – гость внушительно потряс кулаком. – Неужели мы сообща не победим? А?

Он обвел всех сияющим взглядом и поднял стакан с вином:

– Выпьем за единство всех рабочих! За профсоюз «Индустриальные рабочие мира!»

Дружно чокнулись и опустошили стаканы.

Единство! Единство! Вот правильный путь!

К хозяйской конторе дорогу забудь!

Лишь скэбам ^[1] мила от хозяев подачка.

Наш лозунг: «Союз и единая стачка!»

Гости разошлись далеко за полночь. Уходя, Морис Рэнди похлопал Сиду по плечу.

– Ты что-то давно у нас не показывался. Приходи завтра.

– Не могу. Завтра соревнование.

– Это те, про которые афиши расклеили?

Сидней смущенно улыбнулся.

– Так мы все придем! Не только Жак. – Рэнди окликнул своих друзей: – Ребята, завтра Сид дерется на ринге. Придем! Придем!

А в коридоре какой-то пожилой рабочий говорил Иллаю:

– Мы надеемся на тебя. Пусть переночует у вас. Вы вне подозрения у шпиков.

Когда комната опустела, гость протянул руку Сидней.

– Давай знакомиться: Джо Хэлл.

Сидней назвал себя.

– Я слышал, ты боксом увлекаешься! Хорошее дело, мужское, – Джо Хэлл говорил просто, задумчиво. – Большой Билл тоже любитель надевать кожаные перчатки. Особенно в молодости.

Миссис Джэксон постелила гостю на койке младшего. Сидней улегся на полу. Когда потушили свет, в окно заглянул серый рассвет.

Сидней долго ворочался на тонком тюфяке и чертыхался про себя: «Выбрали время совещаться! Разве отдохнешь в такой обстановке? А завтра работать на ринге. Вот не везет!»

Брат начал шептаться с Хэллом. Сидней натянул одеяло на голову. Но шепот становился все громче. Боксер повернулся лицом к стене. Это тоже не помогло. Хэлл рассказывал о каком-то городе Солнца. Сидней не выдержал. Дадут ли ему, наконец, спокойно уснуть? Сидней высунулся из-под одеяла.

– Послушайте, – он старался говорить спокойнее, – мне кажется, что и в городе Солнца люди по ночам спят!

ГЛАВА ПЯТАЯ

1

До начала соревнований оставалось еще более часа, и Сидней Джексон решил немного побродить по улице, побыть на воздухе, собраться, сосредоточиться. Он знал, что там, в душной раздевалке, заполненной взволнованными спортсменами, трудно сохранить спокойствие. Нервное возбуждение других передастся и ему, заставит тревожно биться сердце и до предела натянет напряженные нервы. Сидней строго выполнял совет Максвелла, не раз проверенный на практике.

– Ожидание ответственного боя часто изнуряет боксера больше, чем сам поединок, – говорил тренер, – его энергия, накопленная тренировкой, сгорает задолго до применения.

Улица, с ее ритмом движения, постоянным шумом и обыденным будничным спокойствием, была той средой, в которой Сидней чувствовал себя как дома. Ведь большую часть своего рабочего времени он проводил на тротуарах, разнося в круглых и квадратных картонных коробках выполненные заказы. Но сегодня Джексон шел неторопливо. Спешить было некуда. Он рассматривал витрины магазинов, наблюдал за ловкими и сноровистыми движениями полисмена-регулировщика, провожал глазами переполненный трамвай и подолгу разглядывал новые марки легковых автомашин. В одной из них увидел Блайда. Тот, в модном клетчатом костюме, сидя за рулем, важно поглядывал на поток пешеходов. Время от времени он протягивал левую руку и нажимал на резиновый шар рожка, оглашая улицу пронзительным гудком. Увидев Джексона, Блайд презрительно осмотрел скромный наряд боксера и, сделав вид, что не узнает его, медленно проехал мимо.

Сидней тоже отвернулся, хотя ему очень хотелось рассмотреть новую модель «Форда». В тайниках души боксер хранил заветную мечту: когда станет знаменитым и богатым, обязательно будет иметь самую шикарную легковую машину, такую, чтобы одно ее появление вызывало восторг и зависть!

Когда Блайд проехал, Сидней с завистью посмотрел вслед удаляющейся машине. Хороша! И тут же улыбнулся: на открытой голове Блайда в коротко стриженных волосах белела небольшая полоска. Все-таки камень тогда попал точно! Шрам на голове Блайда успокаивающе подействовал на Сиднея. Не все и таким сходит с рук! А через несколько шагов подумал: а многое сходит. Хорошо таким. Легко жить. Где он сейчас учится? Кажется, Рита говорила, что после колледжа он в университет пошел. Вполне возможно. Что ему! У отца кошелек набит долларами. Хочешь – стань инженером, хочешь – офицером. Таким все дороги открыты.

Взгляд боксера, уже равнодушно скользивший вдоль богатых витрин, вдруг зацепился и словно прилип к широкому листу бумаги, наклеенному на рекламном щите. Это была знакомая, зачитанная и выученная наизусть афиша. На светло-желтом фоне огромные темно-коричневые буквы как бы лежали на различных парфюмерных изделиях – замысловатых по форме кусках туалетного мыла, флаконах одеколona, зубных пастах, красках, мазах. Из этих огромных букв складывалось короткое, как удар, слово «бокс». Оно притягивало к себе, гипнотизировало и словно волшебным ключом открывало дверь, в сказочное будущее. Будущее его, Сиднея Джэксона. В блеске славы и роскоши. Будущее, в которое закрыт вход всяким Блайдам. От этой мысли Сиднею стало радостно, словно он получил чек на тысячу долларов. Еще бы! Блайд за папашины деньги может стать кем угодно, только не чемпионом!

Джэксон стоял у афиши и долгим ласковым взглядом гладил буквы объявления о боксерских соревнованиях, рекламные изображения мыла и пасты, одеколona и крема.

Расходы по организации и проведению межклубного состязания в основном приняла на себя парфюмерная фирма. Благотворительность фирмы была не бескорыстна. Щедро финансируя спортивные мероприятия, парфюмерные боссы не скупились на широкую рекламу, конечно, с учетом своих интересов. Предприимчивые фабриканты выпустили ко дню состязаний новинки своего производства: мыло

«Чемпион», зубную пасту «Победитель», одеколон «Бодрость боксера», крем для бритья «Спортсмен». Новинки парфюмерии так навязчиво рекламировались, что, читая афиши, можно было даже подумать, что именно они, эти кремы, пасты, мыло, одеколон, а не систематические тренировки укрепляют организм, делают тело сильным и красивым.

К назначенному часу просторный зал был переполнен любителями боксерских поединков. Вокруг ринга бурлила толпа. Курили, пили виски, спорили, заключали пари. В зале, ставшем сразу тесным, стоял шум, плавало сизое облако табачного дыма, которое становилось все гуще и гуще.

В первом ряду, на лучших местах, прямо напротив судейского столика, сидел мистер Тэди и что-то объяснял полному джентльмену средних лет. У того был тройной подбородок, розовые щеки и небольшие светлые глаза, смотревшие спокойно и властно. Джентльмен почти не слушал мистера Тэди. Если бы Джэксон сейчас оказался рядом, он ни за что бы не узнал своего покровителя. У мистера Тэди исчезли его самоуверенность и надменность, и держал себя он так робко и подобострастно, как умеют держать себя только мелкие коммивояжеры перед богатым клиентом.

– Еще несколько минут – и вы увидите чудо, мистер Норисон, – журчал вкрадчивый голос Тэди. – Вы увидите рождение новой звезды.

– Вы и в прошлом году говорили то же.

– Сейчас совсем другое. Это необыкновенный талант!

– Ваши необыкновенные таланты и звезды рассыпаются в прах при первом серьезном столкновении, – мистер Норисон не спеша раскрыл пачку дорогих гаванских сигар. – Да, рассыпаются, даже не успев возместить расходы, связанные с их взлетом.

Тэди молча проглотил пилюлю. Он поспешно чиркнул спичкой и поднес огонь к сигаре шефа.

– Такие таланты, мистер Норисон, рождаются раз в столетие. Клянусь благополучием Америки, что этот парень к концу состязаний будет стоить дорого. Это самородок! Слиток золота!

На ринг вышла первая пара боксеров. В душном зале наступила тишина. Первый бой, как правило, не вызывает интереса. Бойцы самой низшей весовой категории – вес мухи – закружились в сложном напряженном танце, осыпая друг друга градом ударов. Оба работали

быстро, как заведенные автоматы, казалось, что вместо рук у них к плечам прикреплены молотки. Публика следила за поединком без особого напряжения. Чувствовалось, что зрители ожидают чего-то необычного. А что оно непременно будет, никто не сомневался – ведь впереди схватки бойцов более тяжелых весовых категорий.

Одна за другой поднимались на ринг пары боксеров, сменялись судьи. Бои проходили напряженно и драматично, каждый из участников выкладывал все силы и умение, стремясь одержать победу. Однако в этом стремлении и в средствах достижения победы сквозило какое-то однообразие: средства защиты примитивны, показное бравоирование «нечувствительностью» к ударам. Это однообразие, несомненно, бросилось в глаза и мистеру Норисону, знатоку бокса и крупному спортивному боссу. К шестой паре он уже перестал смотреть на ринг, а к десятой заказал бутылку виски.

– Сейчас вы увидите настоящий бокс, мистер Норисон, – сказал Тэди.

– Меня интересует техника, а не темперамент.

– Сейчас будет и то и другое, мистер Норисон.

– Мой отец говорил, что, когда слишком много расхваливают товар, будь осторожен и смотри в оба.

– Я только этого и хочу, мистер Норисон, чтобы вы увидели своими глазами.

Когда судья на ринге вызвал следующую пару и бойцы поднялись на помост, мистер Норисон насмешливо бросил:

– Случайно, это не он – самородок?

Тэди, увидев на ринге появление Джэксона, даже не обратил внимания на тот тон, который звучал в голосе шефа.

– Да, мистер Норисон, это он.

– Ты не лишен чувства юмора!

Появление на ринге Сиднея Джэксона было встречено молчанием, потом оно сменилось недоумением и кое-где прорвалось вспышками смеха. В своем далеко не спортивном наряде молодой боксер выглядел смешно. На нем были помятые трусы, а на ногах тапочки, тряпичные, самодельные. Сидней, стыдясь своего наряда, смущался. Он неловко топтался на месте, не зная, как себя вести. Обескураженный вспышками смеха, он еще больше смутился, покраснел. Все это делало его каким-то неловким, беспомощным и провинциальным.

Никто не видел того, что в эти минуты творилось в его душе, какая там клокотала злость на мистера Тэди, который придумал для него такой шутовской наряд, на самого себя, что так глупо согласился, и на эту полупьяную толпу, встретившую его смехом и язвительными выкриками. Но зрители видели лишь внешность боксера и принимали его смущение и растерянность по-своему. Он казался им совершенно случайно попавшим на ринг.

– Хватит с меня маскарада, – грубо бросил мистер Норисон, вытаскивая за массивную золотую цепь карманные часы в дорогом футляре, – передайте шоферу, пусть заведет машину.

Тэди поспешно вскочил и, расставив руки, просяще заглядывал в глаза патрона.

– Умоляю вас, мистер Норисон, останьтесь!

– Время стоит доллары.

– Доллары сейчас родятся на ринге, мистер Норисон.

– Хватит того, что я потерял здесь полтора часа.

– Хоть один раунд, мистер Норисон!

– Меня ждут.

– Я вас все равно не пущу, мистер Норисон! – В голосе Тэди вместе с просьбой звучали нотки отчаяния.

Норисон молча опустил в кресло. Его маленькие глаза метали молнии.

– Хорошо, Тэди. Но этот раунд решит вашу судьбу. Я не верю в чудеса и намерен прекратить деловые связи с фантазерами.

Тэди ничего не ответил, только глубже втянул голову в плечи. Он уже мысленно проклинал себя за опрометчивость и настойчивость. А вдруг в самом деле Джэксон не оправдает возложенные на него надежды?

Противником Джэксона оказался черноволосый, хорошо сложенный парень. Выпуклая грудь, налитые руки и могучая шея внушительно говорили о его силе, а самоуверенность и насмешливая улыбка, блуждавшая на узких губах, красноречиво раскрывали его намерения. Сейчас он покажет класс бокса! Публика, настроенная весело, выкриками подзадоривала его, как подзадоривают пса ринуться на ободранную кошку, неожиданно появившуюся на улице, где нет ничего, на что бы она могла вскарабкаться и избежать острых клыков.

- Дай этому хобо!
- Держи, парень, свои ребра, а то растеряешь!
- Смотрите, он сейчас расплачется!

Звук гонга вернул Джэксону спокойствие, заставил сосредоточиться и собраться. Едва услышав его, Сидней снова стал тем, кем он был всегда на ринге – агрессивным и стремительным. Чуть пригнув голову и приняв боевую стойку, он двинулся навстречу приближающемуся противнику.

Схватка была необычно короткой. Она продолжалась не более одной минуты. Зрители, приготовившиеся смотреть потешный бой, или, вернее, избиение провинциального парня, были ошеломлены. Они видели, как Аик Дебсей, противник Джэксона, ринулся стремительно и неудержимо, как он обрушил ураган ударов на провинциального парня, словно демонстрируя технику проведения молниеносных серий ударов...

И вдруг все кончилось. Развязка наступила так быстро и так неожиданно, что многие не поверили своим глазам. На ринге по-прежнему стоял немного смущенный, но уже спокойный Джэксон, а его противник лежал на сером брезенте. Он рухнул плашмя, словно подброшенный сверхъестественной силой. Судья на ринге, овладев собой, неторопливо властным движением руки отстранил Джэксона и открыл счет.

– Раз...

Мистер Норисон сидел как замороженный. Чуть подавшись вперед, он неотрывно смотрел на ринг и своими маленькими глазами видел гораздо больше, чем большинство зрителей вместе взятых. Он понимал то, что для многих казалось чудом. Он видел мастерство! Мастерство высокого класса. Победу ума над темпераментом и сумбурностью. От цепкого взгляда Норисона не ускользнула ни одна деталь. Он видел, с каким спокойствием молодой боксер окунулся в вихрь ударов и в отличие от своих сверстников не поддавался искушению отвечать ударом на удар, не принял вызов, избежал силового, примитивного боя. Джэксон, держа руки свободными для действия, легко и красиво защищался. Защищался движением тела, уклонами, нырками, мелкими шагами в сторону или назад. Норисон пришел в восторг. Патрона особенно радовало в молодом боксере его умение чувствовать дистанцию. Надо же так уметь отклониться в

сторону, чтобы перчатка противника прошла рядом в каких-нибудь двух-трех миллиметрах, или сделать такой, почти незаметный глазу, шаг назад, чтобы кулак соперника чуть-чуть не достал до подбородка!

Много замечательных боксеров повидал мистер Норисон на своем веку, но такое встречать приходилось редко. Пусть у Джэксона еще не все отделано до конца, но в нем уже сейчас видны мастерство и талант. А когда Джэксон, освоившись с сумбурной атакой Дебсея, неожиданно спокойно выбросил левую руку и прямым ударом приподнял голову противника, Норисон, к изумлению своих соседей, сделал короткое движение правым плечом, как бы производя правый боковой удар в открытую челюсть. Только так надо сейчас бить! И Сидней Джэксон словно понял его мысль. Едва Дебсей приподнял голову, как в то же мгновение правая перчатка Джэксона мелькнула в воздухе.

При счете «семь» Дебсей открыл глаза, потом медленно перевернулся на живот. Глубоко вздохнул. Подтянул ноги и, опираясь на дрожащие руки, медленно поднялся. Публика приветствовала его одобрительным свистом и топотом ног.

– Айк, держись!

Но Айк больше не думал о бое. Шатаясь, словно из его тела вынули стальной стержень, он унылой весьма выразительно махнул рукой и медленно побрел в свой угол.

Судья на ринге бросил вопрошающий взгляд на главного судью и, получив согласие, быстро подошел к Джэксону и поднял его руку:

Победил Сидней Джэксон!

Успех сопутствовал Сиднею Джэксону. Четыре дня продолжались состязания. Четыре раза Сидней выходил на освещенный ринг. Четыре противника бросали против него свои кулаки, вкладывая в них все силы, знания, опыт. И через эту опасную полосу жестоких ударов Сидней упрямо прошел к финалу.

Если в первый день состязаний появление на ринге Сиднея Джэксона было встречено вспышками смеха, то к последнему дню он стал одним из самых популярных спортсменов. Его наступательная манера ведения боя, атакующий стиль, умение красиво, эффективно

защищаться за счет движения корпуса и ног, сильно акцентированные удары, бросавшие даже опытных противников на серый брезент пола, – все это способствовало росту его популярности. И с каждой новой победой, когда судья на ринге поднимал руку Джэксона, в переполненном зрительном зале все громче и продолжительней бушевала овация.

В финале Сидней Джэксон встретился с Ральдом Крайком, известным боксером, пользовавшимся большой популярностью. Крайк никакого отношения к состязаниям не имел. Его пригласили (за приличный гонорар) участвовать в первенстве под благовидным предлогом – повысить техническую грамотность, мастерство молодых спортсменов. Приглашая Крайка, организаторы состязаний преследовали более практическую, коммерческую, цель: они надеялись, что имя популярного боксера привлечет больше зрителей.

Поединок Джэксона с Крайком ожидался с большим интересом, оба бойца показали себя с самой лучшей стороны и прошли к финалу без поражений, одерживая победы нокаутом или ввиду явного преимущества. Все их противники побывали на полу. Зрителей, подогретых спиртными напитками и ставками тотализатора, волновал вопрос: кто же окажется сильнейшим? Молодость или опыт?

Поединок, как и следовало ожидать, проходил бурно. До третьего раунда никто, даже судьи, не решались определить, на чьей стороне перевес. Оба бойца демонстрировали такое высокое мастерство, что трудно было отдать предпочтение кому-нибудь из них.

Перед вызовом на ринг, еще в раздевалке, Максуэлл, старательно массируя мышцы Джэксона, настойчиво советовал:

– Не давай ему сосредоточиться. Ральд – мастер боя на средней дистанции, умеет проводить и развивать многосерийную атаку. Но его атаки идут волнообразно, одна за другой. Так вот, Сид, будь начеку. Лови его в промежутках между бросками. Старайся поймать момент, когда Ральд кончает атаку, и не давай ему отхлынуть для нового броска. Не давай!

Сидней слушал, разминался, делая легкую гимнастику, и все – словно в полусне. Если бы Максуэлл вздумал попросить своего ученика повторить его слова, то Сидней едва ли смог бы это сделать. Голова была как никогда ясна, однако все действия он совершал не по велению воли и разума, а, скорее, механически, в силу привычки. В

груди ощущал непривычный холодок и даже чувство страха. Но этот страх был вызван не боязнью, а неизвестностью, словно он, Сидней, шел по узкой тропке у края бездонной пропасти. Ее глубина, скрытая синей дымкой тумана, тянула к себе, вызывая двойственное ощущение: опасности и желания ринуться в эту бездну, прочувствовать захватывающее дух ощущение полета. Ни до этого поединка, ни после, даже в более ответственных матчах, он никогда не испытывал такого волнения.

Джэксон не помнил, как он вышел на ринг, как начался бой. Волнение так сковало его действия, что первые секунды он защищался и отвечал механически, инстинктивно, не контролируя себя и не управляя своими действиями. Если бы Ральд был тонким психологом и смог бы понять состояние своего противника, бой окончился бы весьма быстро. Однако Ральд, немного обескураженный убедительными победами Джэксона в предыдущих схватках, действовал в первую минуту весьма осторожно, считая поведение Джэксона обманчивым. Он хорошо знал, что от новичков, от молодежи всегда можно ожидать всяких неожиданных трюков, которые порой приводили даже признанных мастеров к драматическому поражению.

Когда же судья на ринге, обеспокоенный слабой активностью боксеров, остановил бой и сделал обоим противникам замечание за пассивность, Ральд, использовав небольшую оплошность Джэксона, бросился в атаку. Ему удалось приблизиться на среднюю дистанцию и обрушить на Сиднея свою излюбленную комбинацию, состоящую из коротких ударов с акцентом на последний, боковой. Последний удар хотя и не попал точно в подбородок, но оказался достаточно сильным. Ральд провел его разом с поворотом корпуса, вкладывая в него вес всего тела.

Джэксон упал... Он не видел удара, а только почувствовал, что в его голове словно взорвалась бомба. В глазах – веер радужных искр, в ушах – гул и... необычная тишина. Ноги сами собой подкосились, и грубый холодный брезент обжег вспотевшую спину. Это прикосновение к брезенту сильнее, чем удар, отрезвляюще подействовало на Джэксона. «Я на полу! Неужели?! Ведь так можно и проиграть!!!» От этой мысли у Сиднея стало сухо во рту. В следующую секунду, опережая судью, который взмахнул рукой и открыл рот, чтобы начать счет, Джэксон пружинисто вскочил на ноги.

Максуэлл делал ему отчаянные знаки обеими руками, как бы говоря: «Подожди, отдохни!» Но Сидней не обратил на него внимания. Он кинулся на Ральда.

Ральд Крайк был ростом не выше Джэксона, но значительно шире в плечах и обладал плотным торсом, кривыми, с железными мышцами, ногами и массивными руками. Уроженец юга, загорелый и светловолосый, он выглядел более рослым и значительно более крепким, чем Джэксон. Спрятав усмешку, Ральд с радостью устремился навстречу сопернику. В поспешном броске Джэксона он увидел нерасчетливость и опрометчивость молодости. Сейчас он проучит этого мальчишку!

Но Джэксон уже был не тот. Его словно подменили. Он снова стал таким, каким был раньше – расчетливым и агрессивным. Ральд, окрыленный успехом, не заметил этой перемены. Плотно сжатые губы и блеск глаз Сиднея он понял по-своему – парень решился на безрассудный бросок, на отчаянную атаку. Как это наивно! Опытный боец, оказавшись на полу, никогда так не поступит. Он сначала использует возможность отдохнуть, а потом начнет действовать.

Когда они снова схватились, Ральд понял свою ошибку, но было уже поздно. Легко уклонившись от встречного левого прямого и нырнув под летящий боковой справа, Джэксон, приблизившись, ударил снизу по корпусу и, поднимаясь, перенося вес тела на впереди стоящую ногу, провел короткий, как вспышка, крюк в голову. Ральд нелепо взмахнул руками.

– Браво! – Зрители криком и свистом приветствовали Джэксона.

Но Ральд не упал. Его спасли тугие канаты ринга. Они, как тетива огромного лука, спружинили под тяжестью его тела и мягко выбросили вперед, на центр ринга. И хотя у Ральда в глазах мелькали радужные огни, он не потерял власти над собой. Удар потряс его, но не выбил из колеи. И опытный боец тут же воспользовался дополнительной силой, которую сообщили ему спружиненные канаты. Словно стрела, выпущенная из огромного лука, устремился он на Джэксона. Сидней был начеку. Когда они сблизились, когда Ральд уже пустил в ход свои кулаки, Джэксон сделал быстрый шаг в сторону. Расчет оказался точным: Ральд пролетел мимо. Публика снова взорвалась возгласами одобрения:

– Давай, Сидней!

Так уж повелось, что зрители всегда на стороне молодости, горячо поддерживают того, кто осмелился вступить в единоборство с признанными мастерами. Пусть острый и напряженный поединок проходил с переменным успехом, пусть оба бойца, достойные друг друга, демонстрировали разнообразные приемы защит и атак, стремительно наступали и ловко увертывались от ударяв, все равно симпатия толпы была на стороне Джэксона. Люди остро переживали каждую его удачу и неудачу. Стоило Сиднею перехитрить Ральда, усыпить его бдительность и провести удар, как по всему залу перекатывался одобрителный гул. А когда, наоборот, Крайк умело использовал мельчайший промах Сиднея и бросал свой кулак в незащищенное место, толпа замирала, а потом из ее тысячеголового тела вылетало тревожное «ах!»

Если бы в это время спросили мистера Норисона, который неотрывно следил за всеми перипетиями поединка, он не осмелился бы ответить, кто из бойцов лучше, на чьей стороне преимущество. Ценители боксерских поединков видели не бой, а захватывающую игру, чем-то отдаленно напоминающую схватку мастеров за шахматной доской во время цейтнота. У обоих боксеров умственное и физическое напряжение достигло предела, реакция молниеносная, каждый дорожит секундой и стремится сложными комбинациями, обманами и финтами^[2] усыпить бдительность соперника и нанести решающий, сокрушительный удар.

После двух напряженных раундов Крайк еще был полон веры в свои силы. Третий, последний, раунд Крайк начал так, как и хотел. Едва прозвучал удар гонга, он кинулся к Джэксону. Пробежав ринг по диагонали быстрыми прыжками, Ральд оказался в углу Джэксона. Сидней едва успел сделать шаг навстречу, как был атакован и оказался в углу, будто в западне.

Порой боксеры на протяжении чуть ли не всей схватки безуспешно пытались загнать друг друга в угол. Угол ринга – это угроза поражения. Обычно опытные боксеры, заставив соперника очутиться в углу, реализовывают благоприятную возможность окончить бой в свою пользу.

Тысячная толпа охнула. В наступившей тишине было слышно, как тупо ударяются перчатки о потные тела и тяжело дышат противники. Неужели Джэксон проиграет?

Максуэлл застыл на месте. Щеки его побелели. Неужели конец?

Мистер Норисон, не замечая, откусил конец сигары и стал его жевать. А Тэди беззвучно шептал:

– Сид, дружище... Сид...

Подняв руки в боевое положение, Джэксон инстинктивно отпрянул назад, защищаясь от Ральда, и оказался зажатым в угол. Крайк торжествовал. Стиснув зубы, он, смирив волнение, бросился на Сиднея. Еще никому из его противников не удавалось выскочить из угла! В воздухе мелькнули черные перчатки Ральда, которые, как удары молота, обрушились на молодого боксера.

Но тут произошло совсем неожиданное. Поймав раскрытой перчаткой удар, Джэксон сделал шаг вперед, навстречу Ральду. В следующее мгновение, приблизившись вплотную, он положил левую ладонь на правое плечо Ральда, дернул его на себя, а правой рукой резко толкнул в другое плечо. Зрители восторженно ахнули: боксеры поменялись местами!

Все произошло так быстро, что Ральд не успел сообразить, куда и зачем его толкают, как сам оказался на месте своей жертвы. Он растерялся, инстинктивно согнулся, закрывая руками лицо и корпус. Но тяжелые удары Джэксона проходили и сквозь его глухую защиту, потрясая Ральда.

Тут вмешался судья на ринге. Нарушая правила состязаний, он пытался спасти репутацию известного мастера. Судья грубо оттолкнул Джэксона от Ральда, остановил бой и сделал Сиднею замечание за удар открытой перчаткой. Замечание было несправедливым. Джэксон не нарушал правил. Сидней вспылал и попытался было доказать свою правоту, но судья не стал его слушать. Он дал команду продолжать поединок:

– Бокс!

На это самоуправство публика ответила ревом возмущения.

Однако дело было сделано. Крайк успел передохнуть и оправиться. Он негодовал: мальчишка его перехитрил! Лицо Ральда покрылось багровыми пятнами. Едва судья на ринге подал сигнал продолжать поединок, Крайк бросился на Джэксона. Вспышка злости вылилась каскадом серийных ударов. В этот бросок Ральд вложил весь оставшийся запас энергии. Наконец-то он понял, что теряет инициативу, а значит, теряет и победу.

Джэксон смело окунулся в вихрь ударов, который обрушился на него. Защищаясь уклонами, своим излюбленным способом, он дождался конца атаки и в тот момент, когда Ральд намеревался отпрянуть назад, сделал неожиданный резкий шаг вперед и сблизился вплотную с противником. Тот не ожидал такого маневра. Истратив запас сил в предыдущей атаке, Ральд искал передышки, короткой передышки, хоть на несколько мгновений, на два-три глубоких вдоха. Ему не хватало кислорода. Возраст, груз прожитых лет словно навалился на плечи, придавил, не давая свободно выпрямиться.

В зале бушевала толпа. Она неистово приветствовала успех Джэксона, который словно прилип к Ральду. Все видели, что еще минута – и сопротивление Крайка будет окончательно сломлено. Однако этого не произошло. Глухой звук гонга спас боксера от окончательного разгрома.

После короткого совещания судейская коллегия единогласным решением присудила победу по очкам Сиднею Джэксону.

Ральд Крайк, с трудом скрывая недовольство, скроил на посеревшем лице улыбку и пожал руки Джэксону.

– Поздравляю, парень. Ты можешь далеко пойти. Желаю успеха!

А в душе, проклиная все на свете, Ральд готов был съесть его живьем. В лихорадочно работавшем мозгу уже созревали мысли о реванше.

Сидней Джэксон, блестящий от пота и бесконечно счастливый, стоял в центре ринга и не знал, что делать дальше. Счастье, ощущение победы было так велико и значительно, что он растерялся. Приветственный гул толпы, который в пылу схватки он, естественно, не слышал, сейчас обдавал его с ног до головы, поднимал и окрылял.

Максуэлл, вне себя от восторга, молодо перескочил через канат ринга и, широко расставив руки, кинулся к своему любимцу, обнимая и целуя его.

Тут же состоялось и награждение победителей. Джэксону вручили небольшой серебряный кубок. Представитель парфюмерной фирмы под аплодисменты преподнес Сиднею и главный приз. (Судьи и тренеры единогласно решили, что бой Джэксона с Кранком самый лучший, а мастерство молодого боксера выше, чем у всех других участников.) Фотокорреспонденты, обступив Джэксона, щелкали аппаратами. Они заставляли Сиднея становиться в разные позы: то с

открытым парфюмерным набором, то с одеколоном в руках, то выдавливать на ладонь пасту или крем. Смущенный Джэксон машинально выполнял их капризы.

Тэди, с трудом сдерживая рвущийся наружу восторг, заглянул в лицо патрона:

– Ну как, мистер Норисон?

Тот сохранял невозмутимое спокойствие. На его круглом лице, в маленьких глазах, во всем облике можно было увидеть скорее равнодушие, чем заинтересованность. Но Тэди хорошо знал повадки своего патрона. Равнодушие и спокойствие говорили о том, что Норисон уже заинтересовался. Ведь не зря же он торчал все дни на состязаниях! Мистер Норисон не сразу ответил на прямой вопрос. Он помолчал, не спеша полез в карман, достал сигару. Тэди поднес ему огонь. Сделав глубокую затяжку, Норисон вытащил чековую книжку и ответил вопросом:

– Сколько?

У Тэди прыгнуло сердце. Он оценивал Джэксона выше других. Обычно за способного молодого боксера он получал двести-триста долларов. За Джэксона он намеревался взять не меньше пятисот. Такие таланты – редкость! Однако, зная скупость Норисона и его привычку торговаться, выдохнул одно слово:

– Тысячу!

И тут же испугался своей дерзости. Уж слишком, показалось, много запросил. Еще, чего доброго, мистер Норисон обидится. Тэди хотел было добавить, что он запросил приблизительно, что, мол, он, мистер Норисон, большой знаток бокса и сам знает цену Джэксону, но сказать этого не успел. Взглянув на мистера Норисона, он так и застыл с полуоткрытым ртом. Патрон молча выписал чек и протянул Тэди.

– Получайте.

У Тэди екнуло сердце. Он держал в руках чек на тысячу долларов, а в душе зрело ощущение опустошенности, словно его грубо и нагло провели, обворовали. Он негодовал сам на себя, на свою опрометчивость. Черт возьми, почему он так мало запросил?

ГЛАВА ШЕСТАЯ

1

Утром, едва переступив порог мастерской, он сразу оказался в центре внимания. Его обступили, расспрашивали, поздравляли. Один из парфюмерных наборов, который вручили ему за первое место, поплыл по рукам. Женщины нюхали одеколон, рассматривали крем, мыло, вертели в руках и с видом знатоков говорили о качестве пасты. Джэксон тут же раздарил все содержимое картонной коробки. Эвелин досталось туалетное мыло, отлитое в форме боксерской перчатки. Сидней сам выбрал для нее подарок.

– За работу. Трусы, что ты шила, так и ошарашили публику. Здорово!

– Если надо, еще сошьем! – нежно улыбнулась она.

– Нет, спасибо. Больше клоуном быть не собираюсь. Хватит!

– Сид, ты что ей дал? – Рита увидела в руках подружки мыло.

– Думаешь, если тебе твои перчатки в любом виде приятны, так и девушке тоже? Ей одеколон, духи нужны, а не это!

Джэксон недоуменно поднял брови. Как же он не подумал об этом? Но Эвелин стала утверждать, что фигурное мыло – ее мечта. И попросила еще отдать ей коробку:

– Если она не нужна тебе, конечно.

В мастерскую вбежал Майкл, тринадцатилетний подросток, ученик, размахивая утренним выпуском газеты.

– Сида пропечатали! Смотрите!

Все кинулись к нему, столпились, заглядывая в развернутую газету. Джэксону тоже хотелось взглянуть, но он с трудом заставил себя удержаться и даже изобразить на лице равнодушие.

– Они про всех там пишут.

– И не про всех, а только про тебя, – звонко выкрикнул Майкл. – С портретом!

Джэксон не выдержал. Он протиснулся к газете, заглянул через голову. На четвертой странице фотография: улыбающийся спортсмен держит открытой коробку парфюмерного набора. Сидней вспомнил,

как озаряли его вспышки магния, как щелкали фотографы, уставясь в него зрачками аппаратов.

– Ловко сняли, – сказала тетушка Мэри, – прямо живой!

– И весь набор можно рассмотреть, каждую вещицу, – добавила Рита.

Стали читать вслух подпись. В ней сообщалось, что это победитель боксерского первенства Сидней Джэксон с призом, учрежденным парфюмерной фирмой. Далее следовало описание приза, назначение каждой парфюмерной новинки, восхваление качества, способы ее применения. Читая подпись под фотографией, можно было предположить, что именно они, эти одеколоны, пасты, кремы, мыло, а не усиленная тренировка и способности Джэксона помогли ему завоевать первенство. Рабочие мастерской не обратили на это внимания. Для них главным было то, что они видели и читали не о ком-нибудь далеком и неизвестном, а о хорошо знакомом человеке, с кем они сталкиваются каждый день. Еще вчера Джэксон был для них просто хорошим парнем, немного странным, увлекающимся спортом. А сегодня он словно перерос их на целую голову, стал каким-то другим.

Люди по-разному воспринимают удачи своих товарищей по труду. Одни открыто радуются, другие завидуют.

– Судьба – она слепая, – можно услышать из уст завидующих. – Одаряет наугад!

Но никто из них в такие времена не вспомнит о том, что совсем недавно он же посмеивался над упорством своего товарища, над его «никчемным» увлечением. Никто из них не помнит о том, сколько пота пролито, сколько энергии затрачено, сколько вечеров потеряно. Каждый видит только награду, не думая о том громадном труде и напряжении, которыми заплачено «слепой судьбе».

Все снова поздравляли Джэксона. Смущенный и счастливый, он не знал, как себя вести.

– Теперь Сид уйдет от нас, – сказала тетушка Мэри, – чего ему торчать здесь!

– И не подумаю, – быстро ответил Джэксон. Но в этом поспешном ответе все слышали скорее подтверждение словам тетушки Мэри.

Из-за двери неожиданно выкатил Олт-Гайтман. Все сразу притихли, застыв на месте. Разбегаться по рабочим местам было уже

поздно. Но Олт-Гайтман словно не обратил внимания на то, что работницы не на своих местах. Подняв очки на лоб, он с минуту рассматривал Джэксона, словно видел его впервые, потом морщинистое лицо его расплылось в улыбке:

– Прими и мое поздравление. Очень рад!

Он долго тряс обеими руками руку Сиднею, приговаривая:

– У тебя уже есть кусочек славы. А слава – это доллары!

– Так уж и доллары, – отшутился Джэксон, вспомнив о том, что где-то читал в книгах: слава – пустой звук или яркая заплатка на грязной одежде.

– Ничего еще в жизни ты не понимаешь. Молодой человек, поверь мне, что даже за маленький кусочек славы, – Олт-Гайтман показал кончик мизинца, – люди платят очень много долларов.

– Платят, чтобы получить славу? – переспросил Джэксон, хитро сощурился глазами.

– Еще как платят.

– А сама слава? Что она дает? – И Сид, довольный своей находчивостью, выпалил: – Известность не доллары. В карман не спрячешь, за долги не расплатишься.

Олт-Гайтман снова устремил на него свой цепкий взгляд, помолчал, покачал головой.

– Слава, молодой человек, делает деньги. Да еще какие! Лучше всякого банка. Только успевай стричь проценты.

– Что-то я не совсем понимаю.

– Не понимаешь? – в сощуренных глазах Олт-Гайтмана забегали хитринки. Он кивнул на газету. – Сколько тебе заплатили парфюмерщики за эту рекламу?

Джэксон отрицательно замотал головой.

– Нисколько.

– Так-таки нисколько не заплатили?

– Я же говорю нисколько.

– Ни одного доллара? – В голосе хозяина звучало недоверие.

– Даже ни одного цента, – Сидней нахмурился. Что за дурацкие вопросы? Его сфотографировали, как победителя, вот и все. Причем тут реклама?

– Значит, тебя надули, – сделал заключение Олт-Гайтман.

– Меня?

- Конечно, не меня. Так иногда делают с новичками.
- Что делают?
- Надувают, обманывают, водят за нос. Теперь понял?
- Нисколько.
- А надо бы уже понять, – строго сказал Олт-Гайтман.

– Ты добрый парень, у тебя чугунные кулаки и отзывчивое сердце.

Но в наши дни, молодой человек, все делают деньги. Делают деньги! Из чего? Изо всего. И, безусловно, в первую очередь из человека. Ведь люди – такая замечательная руда для выплавки благородного металла! Взять, например, тебя. В твоих руках появился кусочек славы. Ты даже не знаешь, что с ней делать, ты не имеешь никакого представления о том, как из нее выжать доллары. А опытный коммерсант сразу это увидал и – делает деньги.

Сидней недоуменно пожал плечами.

– Каким образом?

– Посмотри на газету. Вот полоса рекламы. Объявление на объявлении, реклама на рекламе. Тут трудно разобраться. Так? А вот на другой странице твой портрет. Красиво, привлекательно. Могу по секрету сказать, что девушки и молодые дамы не пропустят его. Такой парень – мечта многих! И если бы была только одна твоя фотография, никакой коммерции в этом не было. Но здесь не так. Ты держишь в руках раскрытую коробку – новинку парфюмерной фирмы. Поверь старику – это не случайно. Используя твою победу, твою наружность, парфюмерщики сделали отличную рекламу. Каждая мадмуазель, увидев такого парня и в его руках духи, захочет узнать подробнее и прочтет подпись под фотографией. А в ней – описание новых марок помады, одеколona, мыла, всего того, что составляет главный предмет женского туалета. Теперь ты понял меня?

В словах Олт-Гайтмана была правда. Грубая, оскорбительная. Неужели добродетель парфюмерщиков была просто холодным расчетом, коммерческим делом?

– Молодой человек, я хочу тебе только добра. В будущем будь более осмотрительным и благоразумным. Никогда не спеши. Быстрота может быть нужна в вашем боксе, но в коммерции важен расчет. Расчет! – Олт-Гайтман поднял палец. – Пойми главное правило и никогда не отступай от него: сначала договорись, а потом действуй.

Олт-Гайтман еще долго наставлял Сиднея. За свою жизнь Олт-Гайтману приходилось видеть многое. Он был живым свидетелем ослепительного взлета многих звезд и наблюдал их падение. И по многолетнему опыту был убежден, что звезды кто-то зажигает на небосклоне, заставляет сверкать или гаснуть.

Джэксон слушал, и в его душе рождался протест. Ему хотелось заткнуть уши и бежать подальше от назойливого старика. Ведь теперь он не просто разносчик швейной мастерской, каких только в их районе можно насчитать сотни, а боксер Сидней Джэксон, имя которого стало известно многим. И не только известно, а даже привлекало внимание печати. Шутка ли сказать – его портрет опубликован в газете! А скрипучий голос Олт-Гайтмана бесстыдно раздевал, обнажал все его успехи, показывая в величии – обыденность, в славе – расчет и коммерцию.

2

Джэксон быстро шел по тротуару, неся на дом выполненные заказы. Улица, с ее шумом и многолюдьем, была его родной стихией. Сколько лет он мерил ее своими шагами, выполняя советы тренера...

Максуэлл во всем, буквально во всем, видел возможность специализированной тренировки, дополнительные упражнения и нагрузки на организм. Именно по его совету Сидней Джэксон, еще будучи подростком, отказался от транспорта и стал ходить только пешком. На первых порах совершать большие пешие маршруты было трудно, и к вечеру у Джэксона ноги становились чугунными. Но со временем, когда стала вырабатываться выносливость, когда юный организм начал бурно набираться сил, хождение стало потребностью.

Совместно с Максуэллом он разработал систему упражнений, которые выполнялись на ходу во время разноски заказов. Она совершенствовалась и дополнялась с каждым годом и со временем превратилась в сплошную цепь гимнастических движений, способствующих развитию различных групп мышц, повышению выносливости, выработке координации движений и даже резкости. Правда, встречные прохожие часто с недоумением поглядывали на

него, торопились уступить дорогу. Другие посмеивались, а пожилые горожане и дамы шарахались в сторону, бормоча:

– Сумасшедший!

А Джэксон продолжал свое дело. Изю дня в день, неделя за неделей, год за годом он с железным упорством проделывал титаническую работу. Ежедневно ему приходилось проходить пешком по людным улицам по два-три десятка километров. И не просто проходить. Доставляя заказ по адресу, Сидней знал маршрут и мысленно делил его на участки. Каждый из таких участков он проходил в определенном темпе, определенным шагом. Темп в зависимости от обстановки и поставленной задачи был от медленного, для отдыха, до стремительного марш-броска. Шаги также были различны: мелкие, средние, широкие, с подскоком, скользящие, вприпрыжку.

И, конечно, большое место отводилось спокойной ходьбе, во время которой тренировалось дыхание.

Как правило, Сидней чередовал легкие упражнения с трудными, сложные с простыми. Например, выходя из мастерской, он совершал простую ходьбу в среднем темпе. Это была разминка. Пройдя несколько кварталов, разогрев организм, Джэксон приступал к выполнению упражнений. Он мысленно намечал впереди точку, например кондитерский магазин, и шел до него только на носках, не касаясь пяткой тротуара. Потом опять простая спокойная ходьба, отдых и – следующее задание.

Описание тренировок на улице будет неполным, если не упомянуть о лестницах. Подъемы на восьмой-десятый этаж были тоже частью учебного процесса. Шагая по ступенькам, боксер отрабатывал удары ближнего боя. Он мысленно видел перед собой воображаемого противника и делал движения и повороты корпуса сообразно с ударами. Удары были самые разнообразные: боковые и снизу с переносом веса тела на противоположную ногу (например, левый удар снизу с упором на правую ногу) и без переноса, частые удары за счет быстрого движения корпусом и сильные акцентирующие, в которые вкладывается вес всего тела. Лестничные площадки тоже использовались им.

И так квартал за кварталом, день за днем, год за годом. Улица, тротуар с нескончаемым потоком пешеходов были для Джэксона

огромным спортивным залом, стадионом, где он упорно тренировал свое тело, совершенствовал нервную систему, повышал боксерское мастерство. Кто знает, стал бы он чемпионом, если бы не было этих ежедневных самостоятельных тренировок.

«Когда американская фортуна улыбается, она излучает доллары» – эту поговорку Сидней Джэксон вспомнил невольно в тот же вечер, когда, усталый и счастливый, довольный собой и жизнью, переступил порог своего дома.

В тесной комнате пахло праздником. Именно праздником и именно пахло. В старательно прибранной комнате стол был уже накрыт. На нем, в обрамлении тарелок, наполненных всякой снедью, начиная от бобов и кончая салатом, возвышалось, как остров среди прибрежных рифов, овальное блюдо с запеченной индейкой.

Блюдо было семейной реликвией и береглось пуще глаза. Сидней знал, что это блюдо, с зеленой каемкой и синими цветочками по краям, было свадебным подарком матери. Оно обычно хранилось в шкафу, и только в праздничные дни миссис Джэксон доставала блюдо и водружала его на стол.

Сидней хорошо знал, что нынче никакого праздника нет. Что стол накрыт в его честь. Едва боксер переступил порог, к нему сразу устремилась мать, сияющая, помолодевшая:

– Мой мальчик, тебя давно ждут!

И тут Джэксон увидел своего тренера Максвелла, в темном парадном костюме, с белым платочком, торчащим из бокового кармана, – нарядного и торжественного, словно он собрался участвовать в параде. Рядом с ним стоял какой-то незнакомый джентльмен, значительно уступавший тренеру в росте, но превосходящий его в полноте.

Сиднею бросился в глаза наряд незнакомца: серый клетчатый костюм модного покроя из дорогого шерстяного трико, лаковые черные туфли, шелковые полосатые носки. Золотая цепочка, поблескивающая на выступающем животе, да массивное кольцо, украшавшее пухлый указательный палец, как бы подтверждали, что

этот джентльмен принадлежит к тем, кто привык повелевать. Такие наряды простым смертным не по карману.

Джентльмен вместе с Максвеллом подкатил к Сиднею и, словно они сто лет были знакомы, дружески хлопнул боксера по плечу.

– Хеллоу, Сид! Мы уже успели без тебя познакомиться со всем семейством. У тебя, старина, замечательная мать, – он говорил быстро и просто, маленькие глаза его приятно лучились, а на розовощеком круглом лице расплывалась самая искренняя улыбка, такая улыбка, от которой на душе становится тепло.

– У нее золотые руки. Не успели мы с Максвеллом осмотреться, как она воздвигла такой стол! Просто объедение! Приглашай нас!

Незнакомца звали мистер Норисон. Максвелл сообщил Сиднею, что мистер Норисон является крупной фигурой в спортивном мире, что он смотрел соревнования и заинтересовался Джэксоном.

– Кажется, нам улыбается счастье, – шепнул тренер.

Слова тренера были ошеломляющи. Шутка ли – сам президент ассоциации! Неужели, наконец, пришло то, к чему он стремился столько лет?

Миссис Джэксон, растерянная от радости и гордости за себя и сына (ему оказывают такое внимание!), всячески хотела отблагодарить влиятельных гостей и поминутно говорила:

– Вы извините, мистер Норисон, может быть, что не так. Мы бедные люди.

Иллай сидел молча. Он не знал, куда деть руки, большие, мозолистые, рабочие руки, изъеденные химикатами, такие послушные и сильные там, на заводе, и столь ненужные и беспомощно-некрасивые здесь, за столом.

Что касается Риты, то она ничего не ела, а только смотрела на мистера Норисона. Смотрела и не верила, – неужели ее брат, Сид, – почти знаменитость!

Мистер Норисон говорил больше всех, и Сидней с радостью слушал его. Тот восхищался семьей Джэксон, трудовой, настоящей американской, не испорченной заразой социализма (Иллай криво усмехнулся и нагнул голову к тарелке), восхищался миссис Джэксон, настоящей американкой, сумевшей вырастить и воспитать детей, бодрых, жизнерадостных и трудолюбивых, восхищался Сиднеем, чей

талант и мастерство станут гордостью Штатов, его – парня из народа – вся Америка будет скоро носить на руках.

Потом мистер Норисон велел вызвать домовладельца.

– Да, да, вам надо сейчас же перебраться в другую квартиру. Подумать только: лучший боксер живет в таком чулане! Нет, нет, так не годится!

О том, что у Джэксонс нет денег, он не хотел и слушать.

Пришел домовладелец, заспанный, удивленный и услужливый. Мистер Норисон тоном, но терпящим возражения, сказал, что семью будущего чемпиона нужно поселить в приличную квартиру.

– Все расходы я беру на себя.

И тут же выдал оторопевшему домовладельцу чек с трехзначной цифрой. Тот, схватив зеленую бумажку, долго кланялся и ушел, пятясь задом к двери.

Мать Сиднея не знала, как и благодарить мистера Норисона. Она теребила в руках салфетку и повторяла:

– Зачем такие большие расходы... Мы простые люди, мы и так, как все...

Иллай и Рита молчали, словно вдруг лишились дара речи. Они не верили ни ушам, ни глазам. Не верил этому и сам Сидней. Он старался держаться свободнее, непринужденнее, однако это ему не удавалось. Руки и ноги словно одеревенели, а язык превратился в кусок жести.

– Ну что вы застыли, как мумии? – набросилась на них мать. – Откройте рты, поблагодарите!

– Что вы, что вы, я ничего особенного не сделал! – отмахнулся мистер Норисон. – Я только исполнял свой долг.

Не успели все прийти в себя от щедрости мистера Норисона, как тот стал читать пункты контракта, перечислять проценты расходов и прибыли. Из сложного каскада расчетов и процентов Сидней так ничего и не понял. Он не знал – хорошо это или плохо. Единственный, кто мог бы ему помочь разобраться в сложном вопросе, был Максвелл. Тот, сохраняя спокойствие, с невозмутимым видом молча сидел за столом. По его виду можно было сделать заключение, что все происходящее в комнате его не интересует. Но это было не так. Тренер волновался не меньше своего ученика. Еще бы! Тот выходит на самостоятельный путь, на тот, на который некогда он сам выходил вот

так же стремительно и многообещающе. Волнение тренера выдавали пальцы. Они торопливо разминали хлебный мякиш.

Сидней бросил на него умоляющий взгляд. Он просил о помощи, просил совета. А что тот мог ответить своему ученику? Сказать, что проценты занижены, что расходы завышены, а пункты составлены таким образом, что в любой ситуации пострадавшим, виновным окажется боксер? Нет, он не мог так сказать. Не мог! Много на то имелось причин. И одна из них заключалась в том, что с этим контрактом связывалась и его судьба. Мистер Норисон брал Макссуэлла тренером и секундометристом, обусловив на три года постоянный заработок и, в случае блестящего успеха, возможность получать еще больше. Что поделаешь, когда не добродетель, а доллары определяют жизнь! Что поделаешь, когда за плечами лишь груз прожитых лет, а впереди старость! Разум, расчет управляли действиями тренера. На душе было тревожно. Недремлющая совесть била тревогу, призывая спасти талантливого ученика от цепких щупальцев золотого осьминога, который, заметив жертву, вопьется в нее и не отпустит до тех пор, пока не высосет из нее всю кровь...

Да, если бы по-честному, по-справедливому, то Джэксона ни в коем случае не следовало бы отдавать в лапы добродушного на вид мистера Норисона. По-честному, по-справедливому... А где они есть, эти честность и справедливость? В американском спорте?! Нет, Макссуэлл не из тех, кто верит в справедливость. Он хорошо знает, что если удастся избежать щупальцев одного дельца, то нет гарантии, что тут же не попадешься в клещи другого, еще более алчного и кровожадного. Так было всегда. Так начинали свой путь большинство прославленных спортсменов. Да и не только прославленных. Все эти мысли проносились в голове тренера, пока он слушал мистера Норисона, читавшего с выражением пункты контракта. В содержание контракта Макссуэлл не вдумывался, ибо уже знал его наизусть. Накануне он спорил с мистером Норисоном до хрипоты, отстаивая интересы Сиднея и свои, однако почти ничего путного не добился. «Против меча надо выходить с мечом, а против золота – с золотом», говорится в ирландской поговорке. Ее не раз вспоминал Макссуэлл. Будь у него состояние, разве стал бы он совать свою шею в ярмо или надевать его на своего любимца!

– А теперь, Сидней, небольшая формальность. Поставьте свою подпись вот здесь, – мистер Норисон показал пальцем место. – И вы с Максвеллом можете начать подготовку к турне по городам Штатов. Я правильно предвидел, считая, что лучше Максвелла для вас нет тренера?

Сидней утвердительно кивнул головой.

– Он меня сделал боксером.

– О, мистер Норисон, мой сын с радостью принимает ваше предложение! – сказала мать. Она спешила отблагодарить заботливого и доброго господина.

Иллай отвернулся к окну, к своим цветам. Он не мог спокойно наблюдать, как прибирают к рукам, покупают силу и талант брата, покупают, как лошадь, как вещь. Но разве он мог возразить, помешать, предостеречь! Ему все равно это не удалось бы. Да и кто бы внял его справедливым доводам? Мать, обвороженная и обезумевшая от счастья? Рита, которая так ничего и не поняла, а только восхищенно вздыхает? Этот тренер, насупленный и хмурый, на вид прямой и честный, а на деле, видимо, из той же компании? Что же касается Сиднея, то о нем и говорить нечего. От радости тот на седьмом небе.

В комнату снова протиснулся домовладелец:

– Миссис Джэксон, прошу вас осмотреть новую квартиру. – Увидев Норисона, он учтиво изогнулся перед ним. – О, мистер, прошу вас! Без вашего осмотра просто нельзя. Вы, только вы, сможете дать настоящую оценку моим стараниям.

Мистер Норисон во главе всей компании пошел осматривать квартиру. Она была не из лучших. Обыкновенные комнаты, в которых торопливо мылись окна и клеились обои. Мистер Норисон хотел было потребовать лучшую квартиру, но, вспомнив, что чемпионы живут, как правило, в дорогих отелях, стал восхвалять старания домовладельца. Тот расцвел еще больше.

Когда, наконец, мистер Норисон вместе с Максвеллом ушли, миссис Джэксон крепко обняла своего младшего сына. По ее щекам одна за другой катились слезы.

– Ну что ты, мама... Не надо...

– Я от счастья... От счастья, мой мальчик... Был бы жив отец... Как бы он сейчас обрадовался!

А Рита внимательно рассматривала чек, читала цифру – триста долларов (это был аванс, в счет будущих успехов Сиднея) и, счастливая, повторяла:

– Ну кто бы мог подумать? А? Ведь даже и не снилось ничего подобного. Прямо как с неба свалилось!..

Новую квартиру освоили сразу. Одну комнату, с окном на улицу, заняли Сидней и Иллай, другую, что рядом с кухней, мать с дочерью, а среднюю сделали гостиной.

Сидней настаивал на покупке, пусть в кредит, новой мебели, но миссис Джэксон проявила настойчивость и, склонив на свою сторону Риту, доказала, что обстановку следует взять в комиссионном магазине.

– Пусть немного подержанная, но зато дешевле!

Миссис Джэксон привыкла экономно жить и бережно тратить каждый цент. К тому же дочь была в том возрасте, когда следовало серьезно думать о ее будущем. Рита с полунамека поняла мать, и, конечно, две женщины сумели переубедить двух мужчин.

Квартира всем пришлась по душе. Миссис Джэксон была в восторге от кухни: новая газовая плита с духовкой и водопровод с кранами для холодной и горячей воды.

Рита восхищалась своей комнатой, Иллай широким окном и просторным подоконником (теперь у него будет настоящая оранжерея!), а Сиду больше всего нравилась просторная гостиная (есть место, где можно делать гимнастику) и ванная. Впрочем, ванная понравилась всем.

ГЛАВА СЕДЬМАЯ

1

Мистер Норисон не ошибся. В первом же матче, который состоялся в Бруклине, молодой боксер блеснул своим талантом. Стремительный и неутомимый, он в первых же раундах своей четкой защитой сбил с толку могучего «молотобойца» Гренвиля. Того самого Гренвиля, который хвастался своей огромной силой, повторяя, что отработкой техники, и особенно элементов защиты, увлекаются, как правило, только трусоватые или немощные. Свою аргументацию Гренвиль подтверждал делами на ринге. Открыто пренебрегая защитой, он шел на противника, как железный таран, пробивая любую оборону своими мощными прямыми ударами, о которых ходили легенды, что каждый из них страшнее пушечного ядра.

Дружки «молотобойца», а с ними за одно и бруклинские знатоки бокса были явно ошеломлены, когда во втором раунде на полу оказался их любимец. Одни не поверили своим глазам, а другие сочли точный удар Сиднея чистой случайностью. «Молотобоец» сейчас покажет себя! Он разделает под орех мальчишку! Однако этим предсказаниям не суждено было сбыться. Бешеные броски «молотобойца» разбивались о стойкую защиту Сиднея.

Внешне Сидней выглядел по сравнению с потерявшим самообладание Гренвилем кротким и невозмутимо спокойным. Бой с громадным рыжеволосым ирландцем, казалось, доставлял ему удовольствие. Он, как бы играя, легко уклонялся от очередного броска «молотобойца» и, когда тот по инерции пролетал мимо, наносил сильные короткие удары. Внешне они не были эффектными. Многие их даже и не замечали. Но от них, точных и сильных, Гренвиль оказывался на полу.

К концу третьего раунда превосходство техники над грубой физической силой было настолько очевидным, что в зрительном зале стали раздаваться насмешливые возгласы:

– Малыш, пожалей взрослого дядю!

Судья на ринге после очередного падения «молотобойца» вынужден был остановить поединок и присудить победу Сиднею Джэксону ввиду явного преимущества. Такое решение оказалось не по душе Гренвиллю. Тяжело дыша, как загнанная лошадь, он вступил в пререкания с судьей. «Молотобоец» не хотел признать свое поражение. Судья сделал ему замечание. Под одобрительные крики своих поклонников Гренвиль, размахивая руками, стал кричать на судью. Сидней пожал плечами и отошел в сторону, наблюдая, как судья и боксер в энергичных выражениях выясняют свои отношения.

Через канаты на ринг перелезли два рослых полицейских. Красноречиво размахивая дубинками, они вежливо предложили разбушевавшемуся боксеру покинуть помещение:

– Представление окончено, сэр!

В раздевалке мистер Норисон сдержанно похвалил Сиднея, а Максвелл превратился в заботливую няню. Он расшнуровал Сиду перчатки, размотал бинты, помог разуться и, радостно хлопывая по плечу, проводил в душевую:

– Ты сегодня молодчина! Давно я не видел такого боя. Восхитительно! Порадовал ты меня, словно тысячу долларов подарил.

– Подожди, старина, будут и доллары.

– Да разве в них счастье, Сидди? Здоровье и сила не оцениваются чековыми бумажками. А талант? Талант, мальчик, – это вместе со здоровьем и силой бесценное состояние! Вот чем ты обладаешь.

Пока боксер и тренер мылись в душе и одевались, мистер Норисон занимался бухгалтерией. Приобретая еще одного боксера, чей талант был бесспорен, но, как неотшлифованный алмаз, пока не имел должной цены, мистер Норисон решил сначала создать молодому спортсмену имя, «отшлифовать» его в нескольких матчах с известными боксерами. Антрепренер знал, что организовать подобные встречи – дело далеко нелегкое, ибо каждый профессионал был весьма щепетилен в выборе своего противника и соглашался выступать только с равным или старшим по титулу. В этом заключалась своя логика: в случае поражения можно легко его объяснить и объявить о намерении взять реванш. Бой же с новичком в случае поражения грозил весьма печальными последствиями, падением репутации.

Однако Норисон, зная, что каждый профессионал жаждет как можно больше заработать, предлагал им независимо от результата

матча три четверти гонорара. На эту приманку клюнули многие. Имя Джэксона еще ничего не говорило, и, вполне естественно, у мастеров кожаной перчатки вспыхивало желание подзаработать, сорвать легкий куш, отколотив зеленого новичка.

Мистер Норисон выбирал Джэксону наиболее именитых противников, обладающих титулами чемпионов города, штата. Давая им высокие гонорары, он сам не оставался в накладе, компенсируя расходы ставками в тотализаторе. Уж он-то знал, кто окажется победителем и на чье имя можно ставить!

Победы Джэксона следовали одна за другой. Сидней нокаутирует «тигра» из Пенсильвании, выигрывает матч в Кливленде, заставляет отказаться от продолжения поединка длиннорукого «гориллу» из штата Нью-Джерси. Успех сопутствовал ему, судья на ринге неизменно поднимал вверх перчатку Сида:

– Победил Джэксон!

Многие профессиональные боксеры стали завидовать успехам молодого спортсмена. «Парню улыбается судьба», – говорили одни. «Парню просто везет!» – вторили им другие. Но только антрепренер, тренер и очень немногие из близких знали секрет «везучести» Джэксона. Он тренировался ежедневно. Его тренировки измерялись часами. Кроме того, на следующий день после боя он не бездельничал, как другие, а проводил активный отдых: колот дрова, пилил бревна или совершал многочасовые загородные прогулки.

Олт-Гайтман всячески стремился удержать Сида в мастерской. Имя молодого боксера служило отличной рекламой. О каждом его поединке писали в спортивных отчетах. Журналисты не бескорыстно восхищались талантом Джэксона. За каждую строчку, помимо основной платы, они получали двойной гонорар от мистера Норисона. И Олт-Гайтман старательно вырезал репортажи и статьи, в которых упоминался его рассыльный Сидней Джэксон, и подклеивал их в страницы альбомов мод, которые лежали на столе к услугам заказчиков.

Но Сид появлялся в мастерской ателье все реже и реже. Сначала он отвоевал время на тренировку, потом договорился с Олт-Гайтманом о том, что накануне состязаний также не будет работать. Потом не приходил по неделям. Популярность Джэксона как боксера росла с каждым новым поединком, и старик скрепя сердце шел на уступки, соглашаясь на все, лишь бы только совсем не упустить доходную рекламу. Готовые костюмы стали разносить заказчикам другие рабочие мастерской, ученики, а на долю Сида оставались только именитые, денежные клиенты, те, которыми особенно дорожил Олт-Гайтман.

Так было и сегодня. Олт-Гайтман сам упаковал в картонку выполненные заказы и, вручая Сиднею адреса, хитро улыбался:

– Для такого силача – это сущие пустяки. Одно удовольствие, а не работа.

– Мне уже начинает надоедать бегать с коробками, – хмуро ответил Сид.

– Надоедать? Почему же?

– Ну не надоедать, я не то слово сказал. Просто неудобно.

– Разве работать стыдно?

– Вроде того. Иной раз идешь по улице, и сзади тебя шепот. Или мальчишки окружают: «Сидней идет! Сидней идет!» Ну, разумеется, и все пешеходы глаза таращат. Хоть провались сквозь землю. А тут еще эта коробка. Грузчик не грузчик, рабочий не рабочий, просто что-то вроде лакея.

– Милый Сидди, я еще несколько лет назад предупреждал тебя. Помнишь? Ну скажи мне, помнишь слова Олт-Гайтмана?

– Да, помню.

– Вот-вот... Я все предвидел...

Джэксон молча пожал плечами. Потом взял корзинки и двинулся к выходу.

День был на редкость неудачным. Клиенты жили в разных концах города. Сиднею пришлось, чтобы успеть доставить за день все заказы, прибегнуть к помощи транспорта.

К вечеру у него оставались еще две картонки. Он прочел адреса. Какой-то Хлеркс из мебельного магазина и миссис Сильвия. Зная по опыту, что женщины любят подолгу копаться и рассматривать готовое платье, Сид решил сначала доставить заказ Хлерксу. Тот оказался долговязым, тощим молодым исландцем. Он попросил минуточку

подождать, пока отпустит покупателя. Минутка продлилась добрый час.

Настроение, и без того мрачное, было испорчено вконец. До каких пор он будет таскаться по городу с этими проклятыми коробками? Что он, в самом деле, держится за место? Не пора ли кончать? Гордость, сознание своего нового положения, окрыленность успехами и надеждами требовали от Сиднея пересмотреть свое место в жизни, произвести переоценку ценностей. Однако разум, основываясь на простых арифметических подсчетах, упрямо твердил, что рисковать еще рановато, что еще не настало время лишаться такой в сущности легкой работы, обеспечивающей постоянный заработок.

...Миссис Сильвия жила в новом роскошном пятнадцатипятиэтажном здании. Негр-лифтер почтительно распахнул перед Джексонем дверцу в кабину и склонил голову:

– Вам, масса, на какой этаж?

Сидней назвал имя клиентки. Негр издал какой-то звук, похожий и на восхищение и на удивление, захлопнул дверцу и нажал кнопку. Кабина бесшумно заскользила вверх. Лифт только начинал входить в моду и, естественно, вызывал у юного американца большой интерес. Джексон даже помечтал о том, что со временем будет жить обязательно в таком доме, где есть роскошный лифт. Как это здорово придумано: нажал кнопку – и ты едешь вверх, нажал другую – вниз.

На площадке десятого этажа лифт остановился. Негр поспешно открыл кабину и указал пальцем на дверь квартиры:

– Вам сюда, масса.

Сидней кивком поблагодарил лифтера. Позвонил.

Дверь открыла молодая женщина, на ней был шелковый домашний халат синего цвета с широкими рукавами, обнажавшими до локтей руки, сильные, чуть тронутые загаром. Светлые волосы, волнистые, непослушные, спадали на плечи, обрамляя овальное лицо, на котором, словно два голубых цветка, опушенные длинными ресницами, смеялись глаза.

Джексон смутился и попросил провести его к миссис Сильвии. Женщина улыбнулась пухлыми губами, обнажая белые ровные зубы, и, сделав жест рукой, пригласила его войти.

Они прошли несколько комнат, и всюду Джексон отмечал богатство и роскошь: дорогая мебель, картины в золоченых рамах, на

окнах – тяжелые портьеры. Джексон молча следовал за хозяйкой. Он уже догадывался, что миссис Сильвия и есть эта молодая женщина.

В просторной гостиной миссис Сильвия любезно предложила гостю сесть, а сама стала распаковывать коробку.

– О! Чудесно! Я так и думала. Прелестно!

Она внимательно рассматривала принесенный Сидом мужской летний костюм, прикладывая его себе к груди, заглядывала в зеркало и говорила, говорила... Голос ее, мелодичный, ровный, с каким-то приятным акцентом, был похож на голубиное воркование, и, слушая его, Сидней невольно любовался молодой женщиной.

– Дик будет в восторге. Замечательно! Такого пляжного костюма нет ни у кого из его коллег. А он так волновался, бедняжка. Дик уехал еще на прошлой неделе и ждет не дождется, когда же я приеду к нему в Гавану. Вы бывали в Гаване? Нет? Какой там изумительный пляж. А море! А солнце!

Она так искренне восхищалась и так тепло поглядывала на Сиднея, что тот невольно поддался ее обаянию.

– Это костюм Дика. А хотите взглянуть на мой? Мне его сегодня доставили из ателье. Новинка из новинок!

Она снова наградила Сида теплым взглядом своих голубых глаз и кокетливо улыбнулась.

– Нет, я не покажу вам его. Да, да. Я лучше в нем покажусь.

До Сида еще не дошел смысл ее слов, как ее голос донесся уже из соседней комнаты:

– Подождите одну минуточку. Я быстро переоденусь. Вы, конечно, извините меня за навязчивость, но я просто в безвыходном положении. Мне не с кем поделиться, посоветоваться. А вы, бесспорно, специалист и по достоинству оцените мой наряд. Только, чур, одно условие: не льстить, говорить только правду. Согласны?

– Я всегда говорю только правду.

– Даже девушкам?

– Да, миссис.

– А сколько у вас подружек?

Сидней застеснялся.

– Ни одной.

– Так я и поверила!

– Ни одной, – на этот раз уже твердо произнес он.

– Все вы мужчины так говорите, а как начинаешь докапываться до истины, у каждого не меньше дюжины. Знаю я!

– Я боксер, миссис Сильвия.

– А разве боксеры – евнухи?

Сидней чувствовал, что земля под его ногами начинает гореть. Он знал, что ему пора уходить. Знал – и не уходил. Ему было приятно и страшно, словно он бросился в незнакомую реку и, борясь с течением, стремительно плыл куда-то в неизвестное и таинственное, радостное и зовущее. В словах миссис Сильвии, в ее голосе была какая-то сила, которая покоряла его.

– А теперь войдите.

– К вам?

– Да, да, ко мне. Пожалуйста.

Едва Сидней шагнул в комнату, как остановился на пороге пораженный. Перед большим трюмо стояла миссис Сильвия, одетая в пляжный костюм. Короткие, кончавшиеся чуть ниже колен, брючки синего цвета и широкая куртка из цветной материи, с большими пуговицами и карманами. Сильвия, заложив одну руку в карман, другой поправляла непослушные локоны.

– Как вы находите этот костюм?

– Чудесно! – выдохнул Сид.

– Вы даже не успели его рассмотреть.

– Я его видел в журнале, и он мне еще тогда сразу понравился.

– У вас тонкий вкус. Мне тоже очень нравится этот наряд.

Миссис Сильвия подошла вплотную, стала рядом и, взяв его под руку, прижалась к нему. Он чувствовал ее горячее дыхание и ощущал напряженными мышцами руки ее горячее тело. Сидней, никогда еще не бывший с женщиной в такой близости, стоял как монумент, не смеядохнуть, пошевелиться. Так они простояли несколько секунд. У Сида на лбу выступила испарина.

– Мне пора, – выдохнул он.

Миссис Сильвия молчала. Глаза ее были полужакрыты.

– Мне пора, – повторил Сидней и стал осторожно освобождать свою руку.

Миссис Сильвия, недоуменно посмотрев на Джэксона, нервно передернула плечами.

– Молодой человек, как вас...

– Сид... Сид Джэксон, – ответил боксер.

– Да, да, Сид Джэксон. Вы меня, видимо, не поняли. Я возьму вам, как это сказать... – она запнулась, подыскивая подходящие слова. – Я возьму, вознагражу, то есть за все то время, которое вы потратили здесь. Вот, возьмите.

Миссис Сильвия протянула боксеру десятидолларовый банкнот.

– Пожалуйста! Сдачи не надо.

У Сиднея кровь прильнула к лицу. Это были не чаевые, не мелкая подачка за проявленную услугу, а нечто другое, оскорбляющее человеческую гордость, унижающее человеческое достоинство...

Миссис Сильвия не отходила. Она бесцеремонно разглядывала Джэксона.

– Вы так со всеми... или только со мной? – И в голосе ее уже не было голубинового воркования.

– Со всеми, – буркнул Джэксон, направляясь к выходу.

– Странно, что вас до сих пор не уволили. Весьма странно.

Джэксон, не оглядываясь, устремился вниз по лестнице.

Очередная встреча должна была состояться в Балтиморе. Накануне отъезда Сидней побывал в гостях. Сам Морис Рэнди, поседевший, но еще крепкий, приходил пригласить боксера. Пожимая сильную руку спортсмена, старый трубопроводчик заговорщицки понизил голос:

– Скажу по секрету, моя жена обещает вспомнить Францию и сварить настоящий луковый суп. Еда королей! Так что в субботу приходи, сынок. Уважь стариков.

Сидней хорошо знал, что ни Морис Рэнди, ни его жена никогда не были во Франции. Они родились и состарились в тесных кварталах рабочей окраины Нью-Йорка. Но их родители действительно были выходцами из Франции. Они покинули предместье Парижа, эмигрировали в Новый Свет, спасаясь от верной гибели. Участников баррикадных боев 1848 года ждала смертная казнь или пожизненная каторга. Однако в Новом Свете жизнь оказалась далеко не сладкой. Бедняки повсюду остаются бедняками.

В небольшой квартире трубопроводчика было уже тесно, когда туда вошли Сидней с Иллаем. Их прихода ждали с нетерпением. Об этом Сидней догадался по радостной доброй улыбке миссис Рэнди, которая приветливо, по-матерински обняла и поцеловала его, по нарядной светлой рубашке и темному галстуку, которые глава семьи обычно надевал в праздничные дни, по шумному оживлению, которое сразу возникло в комнате. Среди гостей были пожилые рабочие, друзья Мориса, друзья отца Сиднея. Они хорошо помнили старшего Джэксона, тихого, скромного, трудолюбивого. Многих из них Сидней давно не видел и был рад встрече. Старик Питер хлопал боксера по плечу, спине, ощупывал тугие мышцы:

– Дуб, настоящий дуб! А был-то какой крохотный. Ты помнишь меня, а? Играл на коленях. А теперь вот какой!

Морис Рэнди потянул боксера к столу. Шумно двигая стульями, все стали усаживаться. На столе появился знакомый большой супник с отбитой ручкой. Из отверстия в крышке поднималась тонкая струйка пара, и в комнате распространялся аромат лукового супа. Пришел Жак с корзиной бутылок. Он торжественно поставил их рядом с супником и многозначительно подмигнул Сиднею:

– Батарея готова к бою!

Боксер поспешно поднял руки вверх.

– Сдаюсь! Без боя.

– Что я слышу? – Старик Питер округлил глаза. – Джэксон сдается? Вы слышите, друзья? – и с напускной важностью стал отчитывать боксера: – Не смей даже думать так! Да еще без боя. Опозорить нас захотел, что ли? Мы привыкли слышать только одно, только о победах Джэксона!

Суп разливал сам Морис. О способностях его супруги все знали. Она отлично умела стряпать. Но на этот раз превзошла сама себя. Луковый суп оказался изумительным. Сидней, к удовольствию миссис Рэнди, дважды просил подлить.

Гости ели и пили. Пустые бутылки ставили под стол. Дешевое виски имело неприятный запах и, как утверждал старший Рэнди, «било по мозгам». Сидней, к неудовольствию стариков, даже не пригубил своего стакана. Ему налили содовой воды. Пили за его отца, который так и не увидел своего сына взрослым, сильным и знаменитым, за его мать, за профсоюзы, за лучшую жизнь.

Трубопроводчик Корзас, захмелев, в сотый раз рассказывал о том, как отец Сиднея спас ему жизнь:

– Когда лопнула труба, и газ с шипением вырвался наружу, все струсили. Ты помнишь, Морис? Меня сшибло, и я бы нахлебался газа, когда б не Луи Джэксон. Он, один он, пусть его душа будет вечно в раю, спас меня. Вынес! На своих плечах вынес!.. Пью за Джэксона! И за его сына! И за Иллая, за его светлую голову! Умница! Пьем за всех Джэксонов!

К Сиднею тянулись чокаться. Старик Питер беспрестанно обнимал боксера. Миссис Рэнди носилась как метеор на кухню и обратно, таща на стол горячие и пухлые гречневые блины. Блины тут же уничтожались. Их запивали кислым вином и кленовой патокой. В комнате плавали клубы табачного дыма. От него першило в горле. Сидней был в центре внимания, его расспрашивали о тренировках, о предстоящих боях, желали удачи, успехов, пророчили славу чемпиона Соединенных Штатов.

Он видел, что здесь рады его успехам, и в этой искренней простодушной радости не было затаенной зависти, которую Сидней уже привык видеть в глазах многих, а была добрая и щедрая радость сильных людей. Ему было приятно среди них. Крепкое виски развязало им языки, взбудоражило чувства и мысли. Говорили обо всем, спорили, соглашались и доказывали.

Морис стукнул ладонью по столу и велел Жаку принести гитару. Пели старинные солдатские и рабочие песни. Захмелевший Рэнди дирижировал своей трубкой, а его низкий грудной голос властвовал над всеми и задавал тон. Жак, склонившись над гитарой, старался изо всех сил, но звук струн тонул в нестройном хоре мужских голосов, где каждый стремился показать мощь гортани в легких.

В разгар веселья хлопнула дверь, и в комнату вбежала Рита и с нею какой-то незнакомый парень. Они оба были встревожены:

– Пожар!

Песня оборвалась на полуслове. Все повскакивали со своих мест.

На улице было людно, как днем. Все спешили в одном направлении, туда, где над крышами домов поднялось багровое зарево, окутанное черными клубами дыма. Сидней, Жак, Рита и незнакомый парень устремились вперед. По дороге Рита торопливо рассказала, что она вместе с Френком, так звали парня, направлялась в кинематограф,

когда в соседнем квартале на швейном предприятии компании «Трайэнгл Уэйст» начался страшный пожар. Пламя сразу охватило весь верхний этаж, где работало в ночной смене около четырехсот женщин.

Улица и все ближайшие переулки были заполнены возбужденными людьми. Рабочие, ремесленники, женщины, дети – близкие и родственники пострадавших – с плачем и криками негодования стремились прорваться сквозь полицейское оцепление. Расталкивая толпу, к месту пожара спешили конные полисмены, оглушительно гудели сирены пожарных машин.

– За мной! – скомандовал Сидней и, энергично работая локтями, стал прокладывать себе дорогу.

Когда им удалось протиснуться в первые ряды, огонь бушевал на всей крыше. Пожарники буквально облепили горящее здание, смело наступая на огонь, отвоевывая у разбушевавшегося пламени метр за метром.

С пронзительным воем примчались кареты скорой помощи. Люди шарахались в стороны, освобождая дорогу машинам. На оцепленную полицией часть улицы стали выносить пострадавших. Тех, кто подавал признаки жизни, спешно грузили в кареты скорой помощи и отвозили в больницы. А тех, кто уже не нуждался ни в какой помощи, клали на камни мостовой. Над толпой взлетали крики горя и отчаяния. Родственники и близкие рвались к несчастным. Группа рабочих взобралась на крышу соседнего двухэтажного дома, вслух считала жертвы:

– Сорок пять... Сорок шесть... Сорок восемь...

Несколько смельчаков кинулись помогать пожарникам в борьбе с огнем. Среди них находился и Сидней. Он вместе с Френком лез в самое пекло.

– Эй, отчаянные, посторонись!

Рослый пожарник оттолкнул Френка плечом и, прижимая к животу баллон с огнетушителем, смело пошел на пламя.

– С огнем не шутят!

А другой сунул Джэксону багор:

– Держи!

И показал на металлический шкаф, на который свалились горящие стропила.

– Оттаскивай бревна! Живо!

Сидней, закрывая лицо согнутой в локте рукой, бросился вперед. А Френк туда же направил струю, обливая и Джексона. Когда Сидней оттаскивал пылающие стропила, он услышал глухой стук. Стук исходил из железного шкафа. словно там внутри что-то упало.

– Человек!

Френк бросился ему на помощь. вдвоем, обжигая руки, они быстро раскидали головешки и освободили дверцу. Сидней ударом ноги распахнул железный шкаф готовой продукции. Оттуда прямо ему на руки вывалилась девушка. Френк обдал ее струей холодной воды. Девушка открыла рот, глотнула влагу.

– Жива!

Спотыкаясь о головешки, Сидней с пострадавшей на руках поспешно зашагал из опасной зоны.

– Где санитары?

Пробежавший мимо юркий человек махнул рукой в дальний конец крыши:

– Там.

Потом словно что-то вспомнил, резко повернул назад.

– Одну минутку!

Сидней замедлил шаг.

– Одну минутку! – Человек бесцеремонно заглянул в лицо боксера и вдруг широко улыбнулся: – Я вас знаю. Вы – Сидней Джексон!

– Да.

Сидней тоже узнал его. Это был тот самый репортер, который фотографировал Джексона с парфюмерным набором. Не задерживаясь, боксер поспешил к лестнице.

– Куда вы? Куда? Пойдите! Санитары сейчас будут здесь.

Репортер, отступив назад, стал торопливо щелкать фотоаппаратом.

– Где же санитары?

– Повернитесь к свету! Так! Еще один кадр... Замечательно!..

– Где же санитары?

– А черт их знает, где они! – ответил газетчик и так же быстро исчез, как и появился.

Он спешил, он делал бизнес: за такие кадры спортивный босс мистер Норисон не пожалеет долларов.

Снизу, с темной улицы, покрывая многоголосый шум толпы, раздался рев сирены полицейской машины, послышались предупредительные свистки. Полицейские соскакивали с грузовиков и, работая резиновыми дубинками, кинулись наводить порядок, оттесняя толпу от места пожара.

Сидней вернулся домой перед рассветом. Грязный, перепачканный сажей и копотью, злой, он долго мылся в ванной и, отказавшись от привычной чашки молока, пошел спать. Он уснул сразу и не слышал, как пришла Рита, как она рассказывала матери о страшном пожаре, о трагедии, происшедшей на предприятии компании «Трайэнгл Уэйст». Миссис Джэксон охала и причитала:

– Бедные женщины... Несчастные дети...

Утром Сидней проснулся позднее обычного. Солнце стояло высоко, и его лучи ложились светлыми бликами на пол. Вставать не хотелось. Во всем теле чувствовалась усталость, словно накануне он провел очень тяжелый поединок. Сидней заставил себя подняться и, открыв форточку, приступил к гимнастике. Однако, как он ни старался, усиленное занятие гимнастикой не успокоило его. Картины пожара по-прежнему стояли в его глазах. Не успокоил и теплый душ. Сидней без аппетита съел кусок жареного мяса, отказался от сырого яйца и не допил кружку горячего молока. Миссис Джэксон хлопотала вокруг него, заботливо заглядывая сыну в глаза. Уж не заболел ли он?

В дверях появилась Рита, веселая, жизнерадостная, с ворохом воскресных газет.

– Мама, смотри, что пишут!

Миссис Джэксон удивленно посмотрела на дочку.

– Что-нибудь случилось?

– Конечно, мама! Наш Сидди – герой!

Рита торжественно развернула страницы газет.

– Вот, вот. Видишь? Правда, похож? И вот еще.

Страницы газет пестрели крупными заголовками: «Благородный подвиг боксера», «Спортсмен помогает пожарникам», «Сидней Джэксон выносит пострадавшую из огня», «Он спас ее». Под

заголовками фотографии Джэксона, измазанного сажей, с девушкой на руках.

Рита вслух стала читать репортажи. В них сообщалось читателям не столько о причинах пожара на предприятии компании «Трайэнгл Уэйст», сколько расписывались мужество и отвага граждан, которые вместе с пожарниками боролись с огнем. И, конечно, много места отводилось героизму Джэксона.

В передней раздался звонок. Рита вскочила и бросилась открывать дверь.

– Где герой? Покажите его мне? – В комнату ворвался улыбающийся мистер Норисон. – О нем говорит весь Нью-Йорк!

Антрепренер галантно раскланялся перед миссис Джэксон:

– Примите мои сердечные поздравления. У вас такой замечательный сын! Ведь он рисковал: у него послезавтра матч в Балтиморе, но он, как истинный американец, бросился спасать пострадавших. Это подвиг. Благородный подвиг!

Сидней смущенно переминался с ноги на ногу. В своем поступке он не видел ничего необычного.

– Хелло, Сид! Сегодня вся страна гордится тобой! – Норисон хлопал его по плечу, спине, обнимал, поздравлял и быстро спрашивал: – А как руки? Целы? Кулаки в порядке? Ноги в порядке?

Пришел домовладелец с газетой в руках. Увидев мистера Норисона, он угодливо раскланялся и громко поздравил Джэксон. В дверь заглядывали соседи, поздравляли. Неожиданно появился хмурый, сосредоточенный Иллай.

– Сид, собирайся. Идем на митинг.

– Какой митинг? – спросил боксер.

– Рабочий. Всего района.

– О, вы хотите чествовать героя пожара! – сказал с покровительственной улыбкой Норисон. – Неплохая идея.

– Вы ошибаетесь, мистер Норисон. Это митинг памяти жертв пожара, митинг протеста.

– А вы читали сегодня газеты?

– Читал, – Иллай усмехнулся. – Красиво расписали поступок брата. Но о причинах возникновения пожара нет ни строчки. Нет ни слова о том, что в темном чердачном помещении надрывали свое здоровье четыреста портних. Без вентиляции и даже без запасного

выхода! Умолчали газеты и о количестве погибших. А там сгорело, если хотите знать, сто сорок шесть работников.

Норисон насмешливо сузил глаза:

– Не следует преувеличивать, мальчик, создавать трагедию.

– Не следует из трагедии делать сенсацию – создавать рекламу!

– Иллай! Ты ведешь себя непочтительно! – миссис Джэксон подняла палец. – Сейчас же прекрати!

Иллай повернулся к Сиднею:

– Пойдешь на митинг?

Боксер не успел ответить. За него это сделал Норисон:

– У вашего брата, к сожалению, нет времени, чтобы ходить на всякие сомнительные сборища. Через час он уезжает в Балтимору. Там у него ответственный матч.

5

Весь путь до Балтиморы Сидней Джэксон размышлял. Едва поезд тронулся, Максуэлл улегся спать. Сидней хотел сделать то же. Но разве уснешь, когда в голове роится столько мыслей! Газетная полоса с его портретом все время стоит перед глазами. Сегодня ее читали десятки тысяч людей. Может быть, вся страна. Все узнали о том, что он спас девушку, вынес ее из огня. Он – герой! Сидней старался убедить себя в этом, поверить в слова Норисона. Патрон знает цену славе. Он не ошибается!

Под монотонный стук колес Джэксон думал о будущем. Когда-нибудь будут так писать о нем как о чемпионе. Обязательно будут! Он уснул перед рассветом.

В Балтимору приехали утром. Едва Джэксон с Максуэллом вышли из вагона, как их сразу окружили мальчишки.

– Купите газету! Феноменальный результат Юркинга!

– Последние спортивные новости!

– Новый рекорд Чарли Юркинга!

Сидней дал им несколько центов. Схватив монеты, мальчишки устремились к другим приезжим. Максуэлл сунул газеты в карман.

– Трубач делает успехи. Прочтем в отеле.

– Какой трубач?

– Чарли Юркинг. Он был последним трубачом в захудалом оркестре, а сейчас стал первым шарлатаном в спорте.

– Это интересно, Мики!

– Противно.

Сидней посмотрел на тренера. Тот говорил совершенно серьезно. В номере гостиницы Макссуэлл быстро перелистал газеты.

– В нашем матче совсем мало поместили. Все, черт возьми, о Юркинге, о его сверхдальнем плевке.

– Он мастерски плюется.

– Тебе стыдно так говорить, Сидней. Разве это спорт? Плевков есть плевков и никакого отношения к спорту не имеет. Это шарлатанство! – Макссуэлл прошелся по комнате. – Королям жевательных резинок нужна реклама. Вот они и устраивают состязания по плевкам. А за доллары люди будут не только плевать – на животе проползут от Нью-Йорка до Сан-Франциско.

Джэксон заглянул в газеты. Действительно, тренер прав. Соревнования по плевкам на первенство штата и реклама жевательных резинок оттеснили на задний план все другие события, даже уголовную хронику. Что же касается нью-йоркского пожара, то о нем вообще не упоминалось. Словно его вовсе не было. Реклама была так заманчива, что Сиднею захотелось попробовать новинку – ароматную жевательную резинку.

– Мики, давай купим жвачку. Она, кажется, укрепляет челюсти.

Тренер не ответил. И только укоризненно покачал головой. Вошел служащий отеля и на подносе принес набор жевательных резинок.

– У нас неделя укрепления челюстей. Предлагаю вам самые лучшие сорта, последний выпуск, – он указал пальцем на голубые и розовые коробочки, – а это – новинки! Ароматные и мятные. Укрепляют десны и освежают полость рта. Сколько прикажете?

Джэксон взял по две пачки. Распечатал. В каждой из них было по дюжине резиночек, гладеньких, блестящих, как карамель.

Потом в отель вошли представители местной печати. Они засыпали Джэксона и Макссуэлла вопросами. Их интересовало все: когда начал Сидней тренироваться и сколько провел поединков, откуда родом и кто его родители. И, конечно, допытывались, какая из жевательных резинок ему больше нравится.

– Сегодня ни один балтиморец не ходит без резинки в зубах.

Сначала Сиднею понравилась неделя укрепления челюстей. Боксер с удовольствием жевал резинку и добродушно посмеивался над Максвеллом, который видеть не желал, как он говорил, этой дряни.

На улице, в трамваях и автобусах, в кафе и магазинах – всюду продавали и усиленно рекламировали разные сорта жевательных резинок. Рядом с рекламами повсюду пестрели объявления: «Король жевательных резинок Фьюльтон вручит чек на тысячу долларов тому, кто побьет рекорд Юркинга». Это было заманчиво. Взрослые люди, не говоря уж о подростках, на ходу усиленно работали зубами, собирались небольшими группами и, окружив урну, плевались, состязались в дальности и точности. Каждый мечтал заработать тысячу долларов. Ведь это так просто!

Жевательная резинка была всюду.

К вечеру она стала раздражать Сиднея. Теперь над ним подшучивал тренер, советовал купить новые сорта жвачек.

– А вот эту ты еще не пробовал!

6

Часа за два до начала поединка Максвелл уложил Сиднея в постель.

– Полностью расслабься.

Джэксон положил ноги на спинку кровати и посмотрел в окно. Небо над грязными крышами домов было охвачено ярким пламенем всех оттенков красного цвета. Сидней снова вспомнил о пожаре. Вспомнил, как пожарники выносили обугленные, скорчившиеся тела женщин. Сто сорок шесть жертв! Просто невероятно.

– Какой закат! – сказал Максвелл. – Тебе нравится?

– Что?

– Закат! Тебе нравится?

– Да. Как пожар.

– Не совсем. Пожар приносит горе, а закат – радость.

– Иллай сказал, что там сгорело сто сорок шесть работниц.

– Несчастный случай.

– Случай?! Нет. Иллай сказал, что там не было запасного выхода.

Максуэлл молчал. Он смотрел на закат. Потом задумчиво спросил – скорее самого себя, чем Джэксона:

– А у нас есть запасной выход?

Сидней посмотрел на тренера.

– Не знаю, Мики. Ты думаешь, отель может загореться?

– Нет. Я думаю о жизни.

– При чем тут запасной выход?

– Я просто так. Какой красивый закат!

– Да. Как пожар.

Каждый думал о своем.

Перед матчем состоялось взвешивание противников. Первым на весы встал балтиморец негр Ульсар. На нем были белые тусы и белоснежные боксерские ботинки. Их белизна контрастировала с темным цветом хорошо тренированного тела.

– Семьдесят два килограмма пятьсот грамм! – крикнул судья, производивший взвешивание. – Чистый средний вес!

Журналисты щелкали аппаратами, Максуэлл и тренер негра следили за правильностью взвешивания. Сидней Джэксон оказался легче своего противника на сто пятьдесят граммов.

– Оба соперника почти одного веса! – выкрикнул судья на ринге. – Пусть бой покажет, кто из них сильнейший!

Балтиморец оказался холодным и расчетливым бойцом. Даже слишком расчетливым. В этом Сидней Джэксон убедился в первых двух раундах. Ульсар не принимал вызова Джэксона вести бой в быстром темпе, не стремился к обострению поединка, хладнокровно уходил от сближения. В то же время он зорко следил за каждым движением Джэксона и не упускал ни одной возможности контратаковать, нанести два-три легких ответных удара. Таким образом, к концу раунда у него оказывалось больше очков. Ведь судьи засчитывают каждый удар, независимо от его силы.

В третьем раунде картина не изменилась. Все попытки Джэксона обострить поединок, вовлечь Ульсара в водоворот темпового боя и там, в ходе быстро меняющихся ситуаций, переиграть, добиться

преимущества за счет быстроты и техники и, развивая наступление, провести решающий удар – все эти попытки оканчивались безуспешно. Ульсар не «клевал» ни на какие приманки. Он оставался спокойным и расчетливым, словно у него в груди билось не сердце, а работал хорошо слаженный механизм. Джэксон стал нервничать. Он понимал, что проигрывает и третий раунд. Проигрывает, хотя все время атакует!

В минутный перерыв Максуэлл, водя мокрой губкой по груди Сиднея, советовал:

– Спокойнее, спокойнее. Все правильно. А теперь лови его контратаки. Лови момент, когда Ульсар бросается на тебя! Лови момент, когда Ульсар проводит свои быстрые ответные удары!

Джэксон, полузакрыв глаза, отдыхал и слушал советы тренера. Руки покоятся на тугих канатах ринга, ноги расслаблены. Расслаблены все мышцы, тело отдыхает, запасается энергией. Только мозг работает. Напряженно работает. Джэксон слушает Максуэлла и, кажется, начинает понимать его.

– Лови и не зевай, – повторяет тренер, – бей встречным ударом!

Четвертый раунд был похож на предыдущие. Все также атаковал Джэксон, а Ульсар стремительно уходил и отвечал редкими, но быстрыми и точными ударами.

В глазах негра, бесстрастных и зорких, Сидней уловил чуть заметный блеск. Тот, видимо, был доволен ходом поединка. Победа по очкам ему почти обеспечена. Из четырех раундов он выиграл четыре. Неужели из оставшихся шести он не добьется преимущества еще в двух? Конечно, добьется. Ведь все идет так, как он желает, ибо он, Ульсар, диктует ход поединка.

Четвертый и пятый раунды Джэксон атаковал, шел по-прежнему на обострение боя и – следил. Следил за каждым тактическим ходом соперника. Джэксон начал понимать сложную систему защитных средств противника и, самое главное, отмечать те моменты, когда Ульсар бросался в атаку.

К концу шестого раунда он уже хорошо освоился с тактическими приемами негра. Теперь оставалось сделать главное: нанести встречный сокрушительный удар.

Джэксон смирял свое волнение. Он чувствовал себя так, как шахматист, который начал проводить комбинацию со сложными

жертвами фигур и боится, что в последний момент противник раскроет его замысел и сделает грозный контрход.

Публика топотом ног, аплодисментами и отдельными выкриками подбадривала Ульсара:

– Давай, черный!

– Проучи ньюйоржца!

Ответные броски Ульсара становились все грознее и грознее. Казалось, он не знал, что такое усталость. Джэксон был как туго сжатая пружина. Он выжидал. Чтобы не выдать своего волнения, он старался не встречаться взглядом с противником. Сидней следил за ногами Ульсара и по их положению правильно определял его действия. Вот негр перенес все тело на правую ногу. Сейчас он бросится в контратаку!

И в тот момент, когда после очередной атаки Сиднея Ульсар хладнокровно пошел в контратаку, в тот самый момент Джэксон сделал внезапный резкий шаг навстречу. Удар был так стремителен, что Ульсар не успел от него защититься. Подброшенный вверх грозной силой, он упал на канаты ринга и, цепляясь за них, сполз на помост.

В зале наступила гулкая тишина.

Судья взмахнул рукой:

– Раз...

Джэксон, не оглядываясь, пошел в дальний нейтральный угол.

– Три... Четыре...

Ульсар не шевелился.

– Шесть... Семь...

Негр открыл глаза. Попытался приподняться на руках, но ослабевшие руки не держали. Он снова упал.

При слове «аут!» Джэксон кинулся к поверженному противнику и хотел помочь ему подняться. Но Ульсар, с ненавистью взглянув на Сиднея, грубо оттолкнул его руку.

– Проклятые белые!..

Собрав остатки сил, Ульсар сам поднялся на ноги, перелез через канаты ринга и, шатаясь, пошел в раздевалку. Вслед ему неслись ругань, свист и улюлюканье балтиморцев, которые ставили на негра и теперь шумно выражали свое недовольство.

В тесной раздевалке Сиднея встретил Норисон.

– Прелестно, мальчик! Ты показал себя мастером!

– Я старался, мистер Норисон.

Джэксон устало опустил в кресло. Максвелл поспешно расшнуровывал перчатки.

– Пальцы в порядке?

– В порядке, – Сидней размотал бинты и с удовольствием пошевелил вспотевшими пальцами.

– На, выпей, – тренер протянул стакан.

От кислоты во рту стало приятно. Лимонный сок действовал освежающе. Джэксон закрыл глаза. Черт возьми, за что его возненавидел этот негр? Что он ему сделал? Бокс есть бокс, и, даже проиграв, нужно оставаться джентльменом.

– Душ или ванну? – спросил тренер.

– Теплый дождик, Мики.

Максвелл пошел настраивать душевую установку.

Норисон, потирая от удовольствия руки, прохаживался по комнате. Еще несколько таких поединков, и имя Джэксона будет стоить дорого. С улицы донесся какой-то шум. Норисон остановился у окна.

– Ого! Балтиморцы не прощают поражения.

Сидней кинулся к окну. В бледном свете уличных фонарей было видно, как несколько полисменов сдерживали разбушевавшихся балтиморцев. Смяв блюстителей порядка, толпа кинулась за человеком, который делал отчаянные попытки догнать уходящий трамвай.

У Джэксона екнуло сердце. Он узнал его:

– Это Ульсар! Надо помочь ему!

– Как же! Только сунься. Они убеждены, что негр продался.

– Но это же неправда!

– Пойди растолкуй им! За потерянные доллары они кому угодно голову оторвут. А уж негру...

Часть вторая
В погоне за долларами

ГЛАВА ВОСЬМАЯ

1

После матча, выигранного в Балтиморе, последовали успехи в Ричмонде, Сент-Луисе, Харгфорде. Победы доставались Джэксону легко. Профессиональные боксеры, «зубры» и «волки» ринга, удивительно быстро смирились перед его кулаками. Неужели их громкие титулы и длинные списки побед – только мифы и сказки? Может быть, кому-нибудь и приходила в голову такая мысль. Но Сидней так не думал. Он познал на себе их мастерство, ощущал силу и тяжесть их ударов, чувствовал их последние отчаянные усилия, когда они пытались сломить его натиск. Но сделать это им не удавалось.

Каждая новая победа окрыляла Сиднея, и он все больше верил в свою несокрушимость.

Каждая новая победа увеличивала боевой список боксера и приближала Сиднея к славе и благополучию. Однако бурный успех не кружил ему голову. Он по-прежнему оставался скромным и трудолюбивым. Он по-прежнему усиленно работал, упорно тренировался перед каждой очередной встречей на ринге.

Тренировался он на ферме Норисона. Ферма была расположена в одной из живописных долин штата Нью-Джерси, чудом сохранившей свою естественную прелесть в век наступления огня и железа. С трех сторон ее закрывали еще зеленые, поросшие густым лесом отроги гор. Лес спускался к самой реке, прозрачной и холодной. Сидней с первого же дня полюбил реку. Он никогда не видал такой кристальной чистоты воды, если не считать водопроводной, всегда отдававшей хлором. Когда мистер Джордж, управляющий фермы, сказал ему, что воду для питья следует брать не из реки, а в роднике, Сидней недоуменно поднял брови.

– А в реке разве не чистая?

– Чистая, но мы привыкли пить из родника. Она вкуснее.

Джэксону отвели небольшую комнату на втором этаже. Широкие окна и стеклянная дверь выходили на просторную веранду. Туда же выходила и дверь комнаты тренера. Обстановка спартанская: грубая

деревянная кровать, поверх досок – плотный войлочный тюфяк, простыня и шерстяное одеяло, стол, стулья, шкаф для белья.

В саду был импровизирован небольшой спортивный зал. Канаты для лазания, шведская стенка и под тенью трех гигантских дубов – деревянный помост для тренировок. Мешок с песком и опилками висел неподалеку.

В обязанности Сиднея входили и кое-какие работы по хозяйству: доставка воды в питьевые баки и рубка дров. Дрова, как правило, заготавливались с вечера, и Сидней ежедневно после тренировки час-полтора махал увесистым колуном. Иногда, прежде чем приступить к рубке, приходилось вместе с Максвеллом братья и за пилу.

Питался Сидней не в общей столовой, где ели все работники фермы, а отдельно, в гостиной на втором этаже. Кормили отлично: свежее мясо, птица, молочные продукты, овощи и фрукты. Повариха, толстая розовощекая Бесси – жена мистера Джорджа, стряпала отлично. Джэксон, привыкший к скромной пище, чувствовал себя на вершине блаженства.

– После такой еды силы сами растут во мне, – говорил он. – Я готов драться хоть с самим дьяволом!

Перед поездкой в Чикаго, где он должен был провести бой с одним из любимцев Севера, Сидней побывал дома. Грязные, запыленные улицы, толпы спешащих людей, чахлые деревца и воздух, отравленный химическим заводом, – все это произвело удручающее впечатление. Сердце Сида сжалось при мысли, что в этом квартале он мог бы, как все другие, провести всю жизнь.

Миссис Джэксон, обрадованная приездом сына, хлопотала на кухне и, пользуясь каждой свободной минутой, сообщала Сиднею новости: Рита ушла из мастерской Олт-Гайтмана и устроилась на курсы стенографисток. Иллай по-прежнему на заводе и по-прежнему отдает все время профсоюзам. Вздыхая, она жаловалась, что опасается за Иллая. Ему уже присылают письма с угрозами: если не угомонится, то «бдительные» не оставят его в покое.

О «бдительных» Сидней уже слышал. На заводах и фабриках предприниматели стали создавать привилегированную касту из высококвалифицированных рабочих и с их помощью повели борьбу с профсоюзами, особенно с организаторами забастовок.

Сидней, слушая мать, смотрел на букет цветов, который он прислал два дня назад. Цветы уже завяли. Сидней вспомнил, что точно такие букеты стояли у него на столе по целым неделям. В чем же дело? Он осмотрелся, потянул воздух носом и понял: газ. В комнате слишком много газа, он идет из кухни, которая рядом. Отравленный воздух убил цветы. А как же люди? Иллай, мама, Рита? Сидней насупил брови. Как он этого раньше не замечал? Ничего не говоря матери, Сидней решил, что при первой же возможности переселит их в более благоустроенную квартиру.

Обедал Сидней с мистером Норисоном в ресторане «Астория». Они заняли столик в уютной нише, из которой просматривался весь зал. Норисон, как всегда, был в отличном настроении, шутил, расспрашивал о своей ферме, интересовался подробностями жизни семьи управляющего, расспрашивал об урожае. Сидней искренне восторгался фермой, и Норисон, казалось, был этим весьма польщен. Он заказал роскошный обед, себе коньяк, а Сиднею – содовой воды. Боксер чувствовал себя в обществе Норисона просто и свободно, как просто и свободно могут чувствовать себя за одним столом люди, дружески расположенные друг к другу, но стоящие на различных общественных ступеньках и не забывающие об этом.

У Норисона были хорошие манеры. Сидней внимательно наблюдал за ним, не пропускал ни одной мелочи, зная, что в будущем – в этом он был уверен – все может пригодиться. Он перенимал у Норисона его умение непринужденно сидеть за столом, держать вилку и нож, пить из бокала, вытирать губы салфеткой.

– Мистер Норисон, как правильно наклонять тарелку с супом: от себя или к себе?

– Это смотря, что ты желаешь облить, – улыбнулся Норисон. – Если скатерть, то наклоняй тарелку от себя, а если свой костюм, то на себя.

– Простите, но меня никто не учил правилам. Вы мой первый учитель.

– Насчет учителя ты немножечко преувеличил, – ответил довольный патрон. – Все это очень просто!

– Для того, кто знает и умеет. А я в ресторане чувствую себя хуже, чем на ринге. Там хоть знаешь, где тебя ждет опасность, и ты можешь

ее предотвратить. Тут же все тебе неизвестно, как внезапное нападение. На каждом шагу жди неприятностей.

– Ничего, парень, научись. Этикет постигнуть легче, чем боксерскую науку. Только мой совет – от души говорю – не торопись с этим. Не прельщайся. Если хочешь быть чемпионом, стремись чаще быть в лесу, на воздухе, чем в ресторанах и клубах.

Сидней, конечно, хотел стать чемпионом. В конце обеда мистер Норисон похвалил Джэксона за его успехи на ринге. Он сказал, что если Сидней победит Вурсинга, знаменитого чикагского «мясника», то перед ним откроется возможность выйти на большой ринг.

У Джэксона от радости захватило дыхание. «Выйти на большой ринг. Это дорога к званию чемпиона Штатов!»

– Вурсинг сильнее всех на Севере. Все профессионалы Северных Штатов ему в подметки не годятся. Победив его, ты завоевываешь право сразиться с лучшими бойцами Запада и Юга. А там, если фортуна тебе улыбнется, матч на звание чемпиона Америки. Понимаешь, чем это пахнет? Славой и долларами!

Джэксон был готов слушать мистера Норисона хоть целые сутки, но обед подошел к концу.

После обеда мистер Норисон повез Джэксона на своей машине в правление фирмы «Хорт, Шеффнер энд Маркое». Там их встретили весьма радушно. Представитель фирмы, один из управляющих огромной компании, предложил Сиднею подписать контракт. Сидней пробежал глазами отпечатанный на машинке текст и смущенно взглянул на своего шефа. Тот одобряюще подмигнул, как бы говоря: «Не теряйся, держись с достоинством. Еще не то будет!»

В контракте говорилось, что компания по пошиву готового платья заключает с ним, Сиднеем Джэксонем, договор, согласно которому фирма предоставляет известному боксеру на каждый сезон образцы лучших моделей последней моды, включая нижнее белье и спортивные костюмы, бесплатно (Сидней дважды прочел последнее слово, пока не убедился в точности написанного). Он же, Сидней Джэксон, обязан содержать белье и костюмы в надлежащем виде и появляться в них во всех общественных местах. Далее следовал длинный перечень мест, которые фирма считает общественными. Последующие пункты в категорической форме обязывали Сиднею Джэксона фотографироваться и давать интервью представителям печати только в

одежде фирмы и при любой возможности рекламировать товар и продукцию лучшей и самой крупной в Соединенных Штатах компании по пошиву готового платья.

Сидней, сохраняя спокойствие и достоинство, не спеша, подписал документ.

Тут же был вызван один из главных закройщиков-модельеров, и ему велели снять мерку с боксера.

Потом Джэксона пригласили пройти в соседнюю комнату. Из нее вела дверь в цех, который напоминал мастерскую Олт-Гайтмана, только был значительно больше. Казалось, никто не обратил на него внимания, ни один человек не оторвал взгляда от стрекочущих машин. Модельер вызвал помощников, они стали примерять на Сиднея полуфабрикаты, отмечая мелом, где убрать, где подложить.

– Сегодня к вечеру все будет доставлено вам на дом, – сказал модельер, когда примерка закончилась.

– Сегодня вечером я уезжаю в Чикаго, – предупредил Джэксон.

– Мы постараемся доставить раньше.

В то время, когда боксеру делали примерку, мистер Норисон в кабинете управляющего пил коктейль и подписывал другой контракт. Из него следовало, что он, мистер Норисон, предоставляет в распоряжение фирмы известного боксера, который будет в течение двух лет выполнять роль манекенщика, а компания по пошиву готового платья обязывается оплачивать проездные расходы, связанные с поездками вышепоименованного манекенщика по стране. Далее следовали пункты, определяющие сумму ежемесячных вознаграждений и проценты от прибылей, которые будут выплачиваться мистеру Норисону в зависимости от количества проданных костюмов рекламируемой модели. Оба – Норисон и управляющий – были весьма довольны сделкой. Лакей в черном сюртуке поднес на блестящем подносе новые бокалы с коктейлем.

– За ваше здоровье, за процветание фирмы!

– За ваше благополучие, за успехи на ринге!

Поезд прибывал в Чикаго за полночь. Сидней ехал один. Макссуэлл выехал на день раньше, чтобы ознакомиться с местом состязания и, самое главное, как он говорил, сделать «глубокую разведку» перед боем. Тренер намеревался узнать все подробности и особенности технической подготовки противника Джэксона, разнюхать его сильные и слабые стороны. У него в Чикаго было не мало знакомых среди спортсменов, и, естественно, встречи с ними могли быть весьма полезными. Перед отъездом Макссуэлл оставил Сиднею записку с номером телефона и адресом гостиницы, в которой он будет его ждать.

Джэксон ехал роскошно. Спальный вагон, отдельное купе. Первые минуты путешествия он не отходил от зеркала, любовался своим нарядом. Серый клетчатый костюм новейшей модели («Такие костюмы будут показаны только в очередном номере журнала мод», – сказал ему модельер) сидел превосходно. Он был достаточно свободен, но не широк и мягко облегал фигуру, не стесняя движений. Старый Олт-Гайтмап наверняка бы сказал, что сшит он «тютелька в тютельку». Особенно понравились Джэксону карманы. В пиджаке и брюках их было множество. Накладные нагрудные и боковые, внутренние, потайные, с застежками и без застежек. Сидней распахал все свои бумажки, записную книжку с номерами телефонов, носовой платок, кошелек с деньгами и все же не смог использовать всех карманов.

Он принимал различные позы, подражая артистам и манекенщикам, чьи фотографии видел в модных журналах. Принимал надменный вид, улыбался, хмурился, мысленно разговаривал с корреспондентами и позволял себя фотографировать.

Когда ему наскучило красоваться перед зеркалом, он стал смотреть в окно. Мимо пробежали поля и леса, поселки и города. Наступил вечер, в окно смотреть стало не интересно.

Джэксон открыл саквояж, выложил на стол провизию, не спеша открыл банки и коробки. Сначала выпил томатный сок, потом съел сэндвич с сыром, ветчиной и маслом, запивая душистым лимонным напитком. Очистил вареное яйцо, посыпал солью, положил кусочек масла. Есть яйца с маслом он научился на ферме у мистера Норисона. Кусок жареной индейки вызвал воспоминания о доме. (Мама знала, что положить сыну в дорогу. Какая она догадливая и заботливая!) Сидней не спеша обглодал ножку, допил напиток. Очистил банан и

мандарины. Догадался, что их положила Рита. Сестра обожала их. «Как приятно, – подумал Сидней, – когда у тебя есть близкие, которые любят и заботятся о тебе!» Рита провожала брата. На вокзал пришла не одна, вместе с Френком.

Сидней хотел было спросить у Френка о девчонке, которую они спасли во время пожара. Как она? Выжила? Он попытался вспомнить ее лицо, но не смог, а как зовут, он и совсем не знал.

На одной из остановок заняли соседнее купе. По шуму и голосам Сидней определил, что в купе несколько человек. Мужчины. И женщина. Ее голос выделялся среди мужских голосов. Она звонко, заразительно смеялась.

Черт возьми, он тоже мог бы находиться в шумной компании! В конце концов, чем он хуже других? Разве он не имеет права быть с женщиной, хотя бы изредка? Он завидовал своим однолеткам, которые так легко заводили знакомства, свободно разговаривали с девушками. Сидней тоже давно мечтает о девушке. Ему так хочется иметь подругу! Настоящую! Красивую! Ее образ представлялся туманно. Она не похожа на Эвелин, совсем другая, гордая, недоступная. Он так увлекся мечтами, что не слышал стука в дверь. Когда же негр-проводник стал стучать настойчивее, Сидней нехотя поднялся и раздраженно уставился на него. Тот извиняющимся тоном сообщил:

– Сэр, скоро Чикаго. Мы уже в пригороде.

Едва поезд остановился, в купе вошел негр-носильщик и, несмотря на сопротивление Сиднея, отобрал у него чемодан и саквояж. Вокзал был залит ярким электрическим светом. Джэксона никто не встретил.

– В какой отель, сэр, прикажете доставить? – спросил носильщик.

Джэксон полез в карман брюк. Записки Максуэлла там не оказалось. Он поспешно стал обшаривать все карманы. Поиски злополучной бумажки не увенчались успехом. Карманов было много, и они уже раздражали. Куда же, черт возьми, он сунул записку? Негр выжидающе стоял рядом и улыбался одними глазами.

– Имею честь представиться, сэр!

Перед Джэксоном галантно расшаркался худощавый хлыщ с деланной улыбкой на узком лице.

– Наша гостиница – лучшая в Чикаго, самая комфортабельная и знаменитая. Лучший джаз и кухня! Все известные люди делового мира

и кинозвезды останавливаются только в «Конрад Хилтон»! – Хлыщ говорил быстро и самоуверенно. Его зоркие глаза подметили, что приезжий вышел из спального вагона, что на нем шикарный костюм и, по-видимому, в Чикаго он впервые.

– Только в наш отель! Вид на Мичиган и широкий бульвар! – перебил его другой зазывала, лихо прищелкнувший каблуками перед Сиднеем. Потом шепнул: – По вашему желанию вам и девушку доставят в номер.

Джэксон с непривычки растерялся. Он не знал, кого предпочесть. Оказывается, и богатым быть не так легко! Выручила подошедшая девушка. Она так мило улыбалась и была так скромна, что невольно располагала к себе.

– У нас нет ни шикарного вида на озеро Мичиган, ни танцующих балерин, – голос ее был ласковый и обещающий, – но у нас настоящая американская чистота и уют. Все по-домашнему, и еду готовит бабушка. Только попробуйте, как она готовит!

Сидней отдал предпочтение даме. Надо было видеть, какие гримасы скорчили эти два хлыща!

– О, у нас вам будет так чудесно! Полный отдых и покой!

Не прошло и двух минут, как они ехали в такси по оживленным улицам знаменитого Чикаго, города гангстеров и предпринимателей, где и ночью жизнь не замирала. Пляшущие разноцветные огни реклам и объявлений, вывески баров и универсальных магазинов, кинематографов и ночных клубов – на все это Сидней не обращал внимания; рядом с ним такая очаровательная девушка!

Миновав ярко освещенную центральную часть города, такси помчалось по слабо освещенным улицам и скоро остановилось в темном узком переулке возле четырехэтажного здания.

– Вот мы и дома, – сказала девушка, открывая дверцу машины.

– Отлично, Мардж, – сказал Сидней. Он уже знал, как ее зовут.

Вынув кожаное портмоне, набитое долларами, он щедро расплатился с водителем такси.

– Желаю удачи, сэр! – сказал водитель, не отрывая взгляда от кошелька боксера.

Едва Джэксон вышел из машины, как перед ним выросли два рослых силуэта:

– Ни звука!

Два пистолета безжалостно смотрели в упор:

– Доллары, сэр! И костюм!

Джэксон стиснул зубы. Такси еще не уехало. Значит, вместе с шофером их уже двое. Марджори не в счет. Надо действовать! Но тут он почувствовал холод металла, приставленного к затылку.

– Живее, мальчик! – Сидней узнал голос водителя. – Не стесняйся! Дама привыкла. Тут все свои.

Через несколько минут такси скрылось. Джэксон, в одних трусах, злой и обескураженный, топтался на месте, не чувствуя босыми ногами сырости асфальта.

ГЛАВА ДЕВЯТАЯ

1

Максуэлл лег поздно и долго ворочался, прежде чем ему, наконец, удалось заснуть. Сон был неровным, тревожным. Он несколько раз просыпался. Волнение вечера не давало покоя и ночью! И все из-за Джэксона. Сидней должен был приехать одним из вечерних поездов. Максуэлл ждал его. Никуда не отлучался из гостиницы. Даже отказал себе в удовольствии поужинать в ресторане, где вечером должна была выступить Луиза Бэнк, известная танцовщица, гордость Чикаго.

Максуэлл позвонил вниз и велел подать ему ужин в номер. Ужинать одному было скучно. Не помогли и коктейли. Время тянулось томительно долго. А этот мальчишка все еще не приезжал.

К двенадцати часам тренер не выдержал. У него все навязчивее укреплялось предположение, что Джэксон остановился в каком-то другом отеле. Ведь не мог же он вообще не приехать.

Тренер раскрыл книгу телефонных абонентов. Нашел номера телефонов отелей, расположенных неподалеку от вокзалов. Ну держись, мальчик, сейчас получишь взбучку! Однако, к его удивлению, изо всех гостиниц отвечали одно и то же: нет, нет, нет...

Максуэлл стал волноваться. Утром в отель, как условились, придут спортивные журналисты и фоторепортеры. Он обещал им показать Сиднея Джэксона и дать интервью. А если встреча сорвется, то от мистера Норисона не жди снисхождения. Шеф не станет разбираться, кто прав, кто виноват.

Было уже далеко за полночь, когда тренер, злой и усталый, разделся и разобрал постель. Спал он плохо и несколько раз просыпался. Ему все снились телефонные звонки.

Проснулся Максуэлл действительно от звонка. За окном стоял серый полумрак зарождающегося дня. Звонок повторился. Он был настоящий.

– Алло! Алло! Сидней, это ты?

Нет, это был не Джэксон. Звонили снизу. Сонный портье, прося прощение за беспокойство в столь ранний час, сбивчиво и путано

говорил о каком-то шофере такси и деньгах. Макссуэлл чертыхнулся и швырнул трубку. Едва он успел броситься в постель, как телефон снова затрещал. Это опять был портье.

– Сэр, этот шофер говорит, что, если вы не спуститесь вниз, он вынужден будет обратиться в полицию.

Максуэлл насторожился. Тут что-то не то. И стал поспешно натягивать халат.

Водитель такси, пожилой, грузный шофер, нервно теребил в руках свою кожаную фуражку и бросал на портье благодарные взгляды. Седой портье, сознавая важность положения, небрежно раскинулся в кресле; в зависимости от развития действий он был готов в любую секунду в шею выгнать нахала, осмелившегося побеспокоить клиента.

Заметив спускающуюся по лестнице сонную фигуру в мохнатом спортивном халате, водитель такси бросился к нему.

– Смею надеяться, сэр, вы и будете Макссуэлл Кайт?

– Да.

– Прекрасно! У вас деньги с собой?

– Что?!

– В поисках вас мы исколесили половину Чикаго. Я сжег бочку бензина и потерял массу клиентов! И все из-за того, что вашему приятелю, как его?.. Вашему Джэксону... Да, да. Джэксону захотелось прогуляться по Чикаго в одних трусиках! Если вы мне не уплатите по счетчику, будем разговаривать в полиции! Вам от меня не отвертеться!!!

Максуэлл, перескакивая через ступеньки, ринулся вниз.

– Где он?

– Ишь, чего захотели! – усмехнулся тот. – Он у меня на ключике. Вроде заложника. Учтите, сэр, я требую только по счетчику, без надбавки. Только по счетчику!

Через несколько минут Сидней уже находился в фешенебельном номере гостиницы. Макссуэлл, все понявший с первого взгляда, старательно осматривал боксера. Его беспокоила только одна мысль: целы ли у Сиднея руки, сможет ли он боксировать?

– Все цело... Я, кажется, легко отделался – отвечал Сидней. – Только зверски устал. Все дрожит внутри.

Пока боксер рассказывал о своих приключениях и переживаниях, Макссуэлл не терял напрасно времени. Он внимательно слушал и

подготавливал ванну с теплой водой. Он знал три способа восстановления сил и снятия нервного напряжения: сон, теплая ванна или успокоительный массаж.

– Лезь в воду. Живо!

Сидней послушно выполнил приказание. Вода была теплая, ласковая. Тело стало удивительно послушным, невесомым. Его охватила нежная истома. Хотелось забыться, лежать вот так, полузакрыв глаза, ни о чем не думая, не вспоминая. Недавние события казались скорее сном, чем подлинным происшествием.

– Мне остается только поздравить тебя, – сказал Макссуэлл, выслушав Джэксона. – Ты счастливо отделался!

– Только костюм жалко. Лишь один раз надел!

– Голова дороже, – успокоил Макссуэлл.

Тренер хлопотал вокруг Сиднея, как заботливая нянька.

После ванны он напоил боксера горячим чаем с ромом и уложил спать. Купанье и ром сделали свое дело. Джэксон быстро уснул. Макссуэлл уселся рядом в глубокое кресло. Только теперь он почувствовал, как сильно устал. И все из-за него. Мальчишка! Вытянув ноги, подцепил носком столик-тележку, подкатил поближе. Налил себе половину чайной чашки рому и разбавил его водой. По телу разлилась теплая волна. «Да, кажется, древние римляне придумали пить вино с теплой водой, – подумал Макссуэлл, – видно, знали толк в напитках!» Он выпил еще одну чашку рому, разведенного водой.

Осенний день наступал медленно. В широкое окно было видно, как на бульваре порывы ветра срывали с деревьев желтые и красноватые листья, швыряли их под колеса машин, гнали их по асфальтобетону мимо статуи конного индейца. Один листок прилип к темной груди бронзового индейца и казался издали золотой медалью. Вдали, за маяком, между синей полоской озера Мичиган и нависшими над ним фиолетовыми тучами, вдруг вспыхнула ослепительная точка. Она росла и увеличивалась, рассыпая веером во все стороны солнечные лучи. Они покрыли тонкой позолотой прокопченные трубы заводов, доменные печи, заиграли тысячью зайчиков в окнах сорока трех этажей чикагской хлебной биржи, ласково затрепетали на бархатных портьерах в виллах богачей на Золотом Береге, осветили бронзового индейца и потонули в облаках пыли и дыма, которые густой тучей висели над вторым городом Соединенных Штатов.

Максуэлл очнулся от настойчивого стука. Кто-то властно требовал открыть дверь. Это был, к удивлению тренера, клерк фирмы по пошиву готового платья «Харт, Шеффнер энд Маркое». Первым делом он осведомился о корреспондентах. Узнав, что те еще не приходили, он облегченно вздохнул.

– Сегодня утром мы получили большую партию новых костюмов последней моды. Из Нью-Йорка телеграфировали, что боксер Сидней Джэксон одет именно в таком и просили проконтролировать его наряд перед встречей с репортерами, – быстро говорил клерк. – Вы извините, но я исполняю свой долг. Служба есть служба. О вашем матче уже все газеты раструбили.

Он протянул Максуэллу утренние газеты.

– Посмотрите «Чикаго трибюн» и «Чикаго дейли ньюс». Вот сюда, в спортивный отдел. Здорово? Бьюсь об заклад, что в Нью-Йорке вас так не афишировали?

Когда Максуэлл сказал, что серого клетчатого костюма у Джэксона нет, у клерка вытянулось лицо. Он, не моргая, долго смотрел на тренера, потом выдавил:

– Как... как же так?

Максуэллу пришлось выдумывать на ходу. Он сообщил, что Сидней по рассеянности забыл его дома.

– Но ведь он подписал контракт! – воскликнул клерк.

Тренер пожал плечами.

– Ничем не могу помочь.

– Мы получили огромную партию. На чей счет отнести убытки? – Представитель фирмы задыхался от негодования. – Я сейчас же телеграфирую в Нью-Йорк!

– А чего вы добьетесь? Товар-то все равно останется лежать, – Максуэлл говорил спокойно, с чуть заметной насмешкой. – Если у вас большая партия, то кто мешает вам прислать боксеру новый костюм.

– Еще?

– Во временное пользование. Только на два дня, – Максуэлл взглянул на часы. – У вас еще есть возможность. До встречи с журналистами целый час.

Клерк не прощаясь вылетел из номера.

Когда появились шумной компанией корреспонденты и фоторепортеры, Сидней Джэксон вышел к ним в сером клетчатом

костюме, новинке моды. Журналисты приветствовали его и щелкали аппаратами. Потом состоялся общий обед. Сидней больше молчал, говорил Максуэлл.

Журналисты пили, ели, расспрашивали, обменивались мнениями, спорили и в промежутках между всем этим успевали делать записи в своих пухлых блокнотах. Джексона они именовали «мальчиком», тренера – «стариком», держались, как говорится, запросто, стремились на правах друзей узнать больше того, что им рассказывали. Часа через полтора они ушли, наполнив животы и записные книжки.

Ни в этот день, ни на следующий Максуэлл больше никого не принимал и не допускал к Джексону. Все попытки наиболее назойливых разведчиков, прикидывающихся поклонниками нью-йоркского боксера, проникнуть в номер он победоносно отражал. Дверь постоянно была заперта на ключ.

После ухода журналистов Сидней хотел было развить бурную деятельность, поднять на ноги всю чикагскую полицию и разворошить гангстерское гнездо. Однако Максуэлл не поддержал его. Тренер приложил немало усилий, пока, наконец, убедил боксера в бесполезности подобных мероприятий.

– Зачем тебе тратить силы и энергию до матча? Польза весьма сомнительная, а на ринг выйдешь мочалкой. Давай условимся, что все личные дела отложим до окончания поединка. Идет?

Джэксон нехотя согласился.

Два дня он просидел в номере. Отдыхал, проводил легкую тренировку, занимался гимнастикой. Читал спортивные разделы местных газет и журналов, внимательно изучал фотографии. О чикагском чемпионе писали много. Газеты пестрели заголовками: «Новая победа „мясника“, „Первая перчатка Чикаго“, „Вурсинг – это темп и сила“. Сидней узнал, что противник выше его на полголовы, что он левша, старше на десять лет и в последнее время нокаутировал всех своих конкурентов. Судя по газетам, у него отлично получался свинг. Этот удар, длинный и хлесткий, наносится обычно сжатым кулаком тыльной стороной перчатки.

Больше всего волновало Джексона сообщение о том, что Вурсинг – левша. Об этом он знал и раньше, из рассказов Норисона и Максуэлла, но, читая газеты, он как-то по-новому ощутил всю опасность предстоящего поединка.

Как бы тщательно он ни готовился к матчу, а в настоящем бою ему еще ни разу не приходилось встречаться с боксером-левшой.

Корреспонденты бесцеремонно фотографировали Сиднея Джэксона, приставали с вопросами. Служители огромного чикагского спортивного зала приносили цветы и письменные пожелания болельщиков. Блюстители порядка блокировали двери и окна, которые осаждала толпа.

Джэксон лежал на широкой деревянной скамье, принимая разогревающий массаж, вниз лицом и полузакрыв глаза. Эластичные пальцы массажиста быстро бегали по спине, проминая каждую мышцу. Приятное тепло разливалось по всему телу, кровь быстрее устремлялась по жилам, неся свежесть, бодрость и силу.

За десять минут до начала поединка Максвелл стал тщательно бинтовать пальцы и кисти рук Сиднею. У него был свой способ бинтовки.

– Не туго? – спросил тренер.

– Отлично! – ответил Сидней и несколько раз подряд сжал и разжал кулаки. – Отлично, Мики!

Натянув на плечи халат, Джэксон сделал гимнастические упражнения, попрыгал на носках, провел несколько ударов по воздуху. Максвелл подставил свои ладони:

– Атакуй слева. Еще раз!

Сидней мягко наносил удары.

– Хорошо!

Фотографы не упустили возможности пощелкать аппаратами.

Над дверью вспыхнула красная лампочка с надписью: «Вызов».

Раздевалку заполнили рекламщики. В комнате сразу стало тесно. Художники, певцы, чтецы, продавшие свое искусство бизнесу, готовились к выступлениям. На шестьдесят секунд перерыва они становились хозяевами ринга и не теряли напрасно ни одного мгновения: рекламировали пиво и содовую воду, подтяжки и дамские рейтузы, зубную пасту и жевательную резинку...

Ринг был установлен в центре овального зала на дощатом помосте, с четырех сторон освещаемый яркими лучами прожекторов. В одном углу уже находился Боб Вурсинг. Он выглядел значительно моложе своих лет. Черноволосый, смуглолицый Вурсинг, позируя, приветствовал зрителей поднятой рукой. Зал ревел, отвечая своему любимцу. Джэксон скромно прошел в свой угол.

После представления боксеров публике судья на ринге, полный пожилой джентльмен, объявил условия поединка:

– Бой, согласно обоюдному условию, предусматривает десять полных трехминутных раундов.

Максуэлл стал шнуровать перчатки Сиднею. Они были легкие, упругие. Джэксон, не теряя времени, раздавливал подошвами новых боксерок скрипучую канифоль. На матч он вышел не в своем обычном костюме. Трусы и боксерские ботинки остались в «такси» Марджори. Пришлось срочно обзаводиться новыми.

– Не увлекайся, будь осторожен, – Максуэлл давал последние наставления. – Помни, от результата поединка зависит будущее. Победа откроет двери на большой ринг. Только не увлекайся. Следи за его левой!

Удар гонга поднял боксеров с табуреток. В полутемном зале воцарилась тишина. Вездесущие торговцы напитками и сигарами на мгновение умолкли. Они, как и тысячи зрителей, смотрели на ринг.

Боксеры сошлись в центре помоста. Пожали друг другу руки и отступили на шаг.

Едва судья дал команду «бокс!», Вурсинг принял правостороннюю стойку и заскользил вокруг Джэксона. Заскользил в правую сторону, выгодную ему и неудобную для Джэксона. Быстро выбрасывая правую руку, Боб стал издали осыпать Сиднея легкими прямыми ударами. Он вел разведку, «щупал» противника, искал щели в его защите. Левая перчатка мирно покоилась возле выступающей скулы, словно вся ее задача и заключалась именно в том, чтобы защищать уязвимое место.

Джэксон не принял предложенный темп танца. Он, стоя в центре ринга, слегка поворачивался на месте, следя за движениями партнера. И почти не отвечал на удары. Он только присматривался, следил. Внешне он выглядел спокойным и даже слегка растерянным, неповоротливым.

Осторожный Вурсинг продолжал обстреливать Джэксона с дальней дистанции. Он совсем не желал вызывать Сиднея на ответные атаки. Он просто выжидал удобного мгновения для нанесения своего хлесткого и сокрушающего свинга.

Сидней никак не мог приспособиться к противнику. То, что было легким и простым на тренировках, оказалось далеко не таким здесь, на ринге. Правда, он не раз боксировал с левшой, но те поединки были пробными. Здесь же все обстояло по-другому. Первый раунд уже подходил к концу, а он все еще не мог приспособиться, стряхнуть с себя скованность. Чувство неудовлетворенности самим собой захлестывало его.

Вурсинг хладнокровно осыпал его ударами и во втором раунде. И все с дальней дистанции. Любую попытку Джэксона приблизиться он останавливал резкими прямыми, как штык, встречными ударами. А когда Сидней, уклонившись от них, все же приближался на среднюю дистанцию, Боб пружинисто отскакивал и, продолжая кружить, сыпал и сыпал свои сухие джебы – прямые короткие удары. Они, словно острый высокий частокол, окружали и защищали его.

Чикагский «мясник» был холодным и юрким. Он, как ящерица, всячески ускользал от сближения. Однако со стороны была видна его активность. Он кружил вокруг Сиднея, его кулаки все чаще мелькали в воздухе. Болельщики «мясника» выкриками подбадривали его:

- Боб, дай ему под ребро!
- Боб, свингом!
- Разбей нос ньюйоржцу! Пусть знает Чикаго!

Второй раунд не принес желаемого результата. Поединок складывался не так, как хотелось. Сидней опустился на стул. Рингом завладели рекламаторы. Боксер закрыл глаза. Рекламщики не давали возможности сосредоточиться.

Максуэлл старательно обмахивал лицо боксера влажным мохнатым полотенцем. Массажист водил мокрой губкой по груди. Сиднею, хотя он и не устал, было приятно ощущать разгоряченным телом холодную резину. Он глубоко дышал, набирая кислород.

– Иди на сближение, иди на сближение, – шептал Максуэлл. – Забирай инициативу!

Сидней мысленно усмехнулся. Легко сказать, «иди на сближение!» Он и сам прекрасно понимает, что его успех только в

ближнем бою. Но как заставить противника принять ближний бой? Вот в чем задача.

Бой складывался не в пользу Джэксона. Это он начал понимать в третьем раунде. Фортуна, видимо, решила изменить Сиднею. В толпе раздавались нетерпеливые возгласы наиболее ярких болельщиков:

– Боб, кончай!

Джэксон попытался добиться своего. Он упрямо шел вперед, невзирая на удары. Ведь только в ближнем бою он сможет пустить в ход все свое искусство! Только так все преимущество левши можно свести почти на нет!

Джэксон упрямо наступал. Вурсинг отходил, отходил пружинистыми отскоками, не упуская случая награждать ньюйоржца одним-двумя ударами. Сидней подставлял плечи, ловил удары открытой перчаткой, но шел вперед. Уклонившись от очередного удара, он сделал большой шаг, приблизившись к Вурсингу. Сидней видел по положению ног, что тот сейчас сделает отскок назад. Вот он уже перенес вес тела на левую ногу и чуть отклонился назад. «Только бы не упустить!» – подумал Сидней. И в ту же секунду произошло что-то невероятное.

Стало темно-темно. Потом обожгла ослепительно яркая молния, ударил в уши гром, и боль разлилась по всему телу...

Он очнулся от тишины. Вокруг стояла неприятная предательская тишина. Издалека, словно из-за стены соседней комнаты, доносился чей-то голос – он считал. Хотелось спрятаться от этого назойливого скрипучего звука. Сидней нехотя открыл один глаз.

То, что он увидел, заставило болезненно сжаться сердце: «Я на полу! Нокдаун!» Эта мысль электрическим током обожгла сознание. Туман, застилавший сознание, рассеялся. Джэксон увидел над собой тучную фигуру судьи на ринге. Это был его голос, это он говорил! В глубине его рта поблескивал золотой зуб.

Судья монотонно взмахивал правой рукой, а левой, оттопырив пальцы, показывал количество секунд. И по этим пальцам Сидней понял счет:

– Четыре... пять...

Он подтянул ноги, перевернулся на живот. Рядом защелкали фотоаппараты. Вспышки магния ослепляли, вызывали отвращение.

Ноги и руки, казалось, стали ватными. Джэксон через силу, упираясь руками о пол, приподнялся, присев на одно колено.

– Шесть... семь...

Максуэлл делал отчаянные знаки руками, как бы говоря: «Посиди, не спеши, отдохни». Сидней повернул голову, увидел противника. Вурсинг стоял у каната и любезно улыбался. В его улыбке чувствовалась такая уверенность, такое превосходство, что Сидней задрожал от возмущения. Его уже считают побежденным!

При счете «девять» он проворно вскочил на ноги и принял боевую стойку. Он ждал, что Вурсинг бросится на него, чтобы добить и закрепить свою победу. Сидней приготовился к такому натиску. Но Вурсинг, к удивлению Сиднея, не бросился в атаку. Он осторожно, как и в предыдущих раундах, стал осыпать его ударами с дальней дистанции. Словно бы ничего и не было! Публика взревела.

– Боб, добивай!

Но Вурсинг не торопился. Его преимущество было очевидным. И он не торопился. Так кошка не спешит разделаться с пойманной мышью. Ее забавляет отчаяние и обреченность жертвы. Публику надо было развлекать.

Удара гонга Сидней ждал с нетерпением. Он прозвучал спасительным сигналом. Джэксон шел в свой угол тяжело, согнув крепкие плечи и опустив руки. Так идут грузчики с тяжелой работы.

Откинувшись всем телом на подушку, Сидней открытым ртом жадно глотал воздух. Максуэлл одной рукой прикладывал к его затылку губку, смоченную в холодной воде, а другой махал полотенцем. Полотенце было обрызгано нашатырным спиртом. От него щекотало в носу и освежалось сознание. Как приятно отдыхать! С каждым вдохом силы вливались в грудь, с каждой секундой восстанавливалась энергия.

– Он ударил свингом. На твоё счастье, удар попал не точно. Следи за левой рукой и атакуй! – Максуэлл говорил спокойно, отчетливо произнося слова. – Следи за левой и сам атакуй. Не давай ему возможности ускользнуть в сторону, прижимай к канатам. Твое спасение в ближнем бою. Атакуй! Только атакуй!

Сидней слушал и едва заметно кивал. Да, тренер прав. Надо атаковать быстро, но не сумбурно, стремительно, но не безрассудно. Удар не обескуражил его, не подорвал веры в свои силы, способности.

Непобедимых не существует! У каждого непобедимого есть свои уязвимые места. Надо их искать!

Есть такие люди, для которых неудача служит толчком к пробуждению новых сил, к рождению новой энергии. Чем сильнее препятствие, чем опаснее неудача, тем больше энергии и вдохновения вызывают они к жизни. К таким людям принадлежал и Сидней Джэксон.

Звук гонга, словно катапульта, выбросил Джэксона из своего угла. Не успел Вурсинг сделать и нескольких шагов, как уже был вынужден принять боевую стойку и отражать натиск ньюйоржца. Сидней атаковал. Стремительно и непрерывно. Не давая Бобу сосредоточиться, разобраться в обстановке. Все видели, что атаки Джэксона весьма рискованны. Но другого выхода у него не было. И ему, наконец, удалось прижать Вурсинга к канатам и войти в ближний бой! Вурсинг делал отчаянные попытки уйти, оторваться от Джэксона. Но тот словно прилип к нему. Вурсинг осыпал Сиднея серией ударов. Это был настоящий град. Его руки мелькали в воздухе, и удары сыпались на Джэксона снизу, сбоку, сверху. От них невозможно было укрыться, но их можно было терпеть. Опустив кулаки на уровень живота, Джэксон наносил по корпусу Вурсинга точные удары. Короткие, быстрые, тяжелые. Бил с поворотом и переносом веса тела с ноги на ногу, вкладывая в каждый удар все свои килограммы, помноженные на скорость. Удары в живот, по корпусу чем сильнее, тем скорее достигают своей главной цели: сбивают дыхание, подрывают боеспособность противника.

В зале творилось невообразимое. Зрители вскакивали с мест, орали, свистели, топали и всеми средствами подбадривали своего земляка, своего любимца. Он отлично, по их мнению, вел ближний бой, его перчатки чаще мелькали в воздухе. Лишь очень немногие, в том числе судьи и тренеры, понимали, что Бобу Вурсингу приходится не легко.

Максуэлл, чуть приоткрыв рот, с восхищением следил за своим учеником. Какая блестящая атака! Ни он сам, ни другие мастера, которых ему приходилось видеть, никогда не показывали подобного.

Вурсинг, вырвавшись из ближнего боя, быстро заработал руками, отстреливаясь своими джебами, спеша уйти в безопасную зону. Он вспотел, и на бледном лице его застыла гримаса. Нет, он уже не

улыбался! Боб открытым ртом часто, как рыба, вытасченная из воды, хватал воздух.

Джэксон тоже тяжело дышал. Однако радость успеха окрыляла и вдохновляла его. Сделав несколько глубоких вдохов, он снова ринулся на Вурсинга. Тот пустил в ход свой коронный удар. Но теперь-то Сидней успел заметить его. Вурсингу некогда было маскировать удар. Ему было важно любой ценой удержать Джэксона на расстоянии, не подпустить к себе. И когда стремительно летящий кулак Боба был почти рядом, Джэксон присел, «нырнул» под него. Перчатка прошлась над головой, шаркнув по макушке. В следующее мгновение, пока Вурсинг, промахнувшийся и потерявший равновесие, старался удержаться на ногах, Сидней снова приблизился к противнику вплотную. На этот раз ближний бой был чрезвычайно коротким. Не успел Вурсинг принять оборонительную позицию, как правая перчатка Сиднея, прочертив полукруг снизу вверх, попала в квадратную челюсть Боба.

Взмахнув руками, Вурсинг рухнул к ногам Джэксона.

– В угол! – закричал судья. – В угол!

Повинуясь правилам, Сидней ушел в дальний нейтральный угол.

Судья начал счет:

– Раз... два... три...

Вурсинг лежал на животе. Поперек его спины краснели полосы. «От канатов», – подумал Сидней и отвернулся.

При счете «семь» прозвучал гонг. Кончился пятый раунд. Джэксон, не оглядываясь, пошел в свой угол. Казалось, гонг спас Вурсинга от нокаута...

Секунданты чикагца бросились на ринг, подхватили обмякшее тело своего бойца. Ему совали в нос флакон с нашатырным спиртом, растирали какими-то снадобьями грудь, давали кислород. Несколько массажистов старательно обрабатывали руки и ноги. Но ничто уже не могло восстановить его силы. К концу перерыва он открыл глаза, туманным, ничего не видящим взором тупо посмотрел на окружающих.

Когда секундометрист перевернул песочные часы и ударил деревянным молоточком в медный гонг, возвещая о начале шестого раунда, тренер Вурсинга выбросил на ринг мокрую губку. Это был отказ от продолжения поединка.

Судья на ринге быстро подошел к Сиднею и, стараясь перекричать рев толпы, поднял его руку.

– Ввиду отказа противника победа присуждается Сиднею Джэксону!

Джэксон стоял и виновато улыбался, словно извиняясь за победу. К нему подскочил Максвелл и сгреб в объятия. Целуя, он кричал в ухо:

– Молодец! Молодец!

Сидней сразу обмяк. Нервное напряжение схлынуло, и он почувствовал страшную усталость. Ноги словно налились свинцом, их никак не оторвешь от пола. С трудом перелез он через канаты. А рингом уже снова завладевали рекламщики. Те, кому еще не удалось выступить, споря друг с другом, стремились перекричать гудящую толпу, привлечь внимание зрителей.

ГЛАВА ДЕСЯТАЯ

1

Победа в Чикаго укрепила положение Сиднея Джэксона. Газеты и журналы, соревнуясь друг с другом в определении заслуг молодого боксера, называли его «новой восходящей спортивной звездой», «будущей славой Америки», «одним из самых талантливых боксеров нового поколения», «надеждой нации». Спортивные комментаторы из южных штатов, прожженные расисты, с восхищением предсказывали «триумф белой расы» и «новый расцвет спорта». Они открыто выражали недовольство тем обстоятельством, что чемпионом страны все еще был чернокожий, а не представитель «чистых, стопроцентных американцев».

К Сиднею Джэксону, вернее к Норисону, начали поступать предложения от многих известных антрепренеров провести встречу с их боксерами. Они поступали из различных городов и штатов. Норисон потирал руки: он сделал Джэксону имя! Теперь он, видящий в спорте лишь доллары, смотрящий на бокс как на доходное мероприятие, готовился пожинать плоды своих посевов. Теперь при заключении контракта на матч он будет диктовать условия. Отныне ни один антрепренер не будет изображать на своем лице удивление, повторяя: «Джэксон? Что-то не помню такого боксера...»

Спортивный босс до сих пор только руководил событиями, оставаясь в тени. Теперь же Норисон решил принять в них, так сказать, личное участие. Он стал выступать перед представителями печати, давать интервью, устраивать торжественные завтраки и обеды. Он, как предприимчивый делец, умело расширял свое дело, вкладывая в него все больше и больше средств. Успехи Джэксона, его молодость и жажда победы, его талант и трудолюбие служили отличной гарантией. Слава его как юного и непобедимого росла с каждым новым матчем. Пропорционально росли доходы, приносимые боями на ринге.

Зима и весна прошли в поездках. Они совершали триумфальное турне по штатам Юга и Запада. Ездили вдвоем: Норисон и Джэксон.

Помощников секунданта и массажистов нанимали на местах. Эту работу выполнял Максвелл, который выезжал заблаговременно и все приготавливал к их приезду.

У Джэксона об этих поездках остались пестрые воспоминания. В каждом городе они находились не более одной – двух недель, проводили одну – две встречи. Сначала побывали на самом юге западного побережья в цветущем Сан-Диего, потом прибыли в Калифорнию, которая, как и когда-то в детстве, произвела неизгладимое впечатление. Особенно ее знаменитые леса. Огромные вечнозеленые великаны стояли величественно и, казалось, слегка насмеялись над человеком, таким маленьким по сравнению с ними.

На следующий день Норисон пожелал посмотреть лесоразработки. Он взял с собой и Джэксона. Все восхищение величием девственного леса сразу померкло в его душе, уступая место жалости и обиде. Люди, которые рядом с вечнозелеными гигантами казались муравьями, несли им гибель. Озлобленно визжали электрические пилы, дробно стучали топоры, и гордые красавцы с глухим шумом падали один за другим. Лесорубы продвигались, уничтожая лес, как саранча посева.

– Великолепно! – воскликнул Норисон над ухом Сиднея. – Клянусь Колумбом, здесь каждый ярд земли дает чистый доход! И никаких затрат, только нанимай рабочую силу и оплачивай перевозки. Впрочем, все эти расходы с охотой возьмут на себя компании по сбыту.

Сидней с удивлением посмотрел на сытое и довольное лицо патрона и молча отвернулся. Слишком деловой, утилитарный подход коробил и вызывал протест. Разве можно красоту и величие мерить долларами?..

После поездки по западным штатам направились на Юг. Плыли по грандиозной Миссисипи. Начали со штата Миссури и, спускаясь вниз по широчайшей реке мира, побывали во всех ближайших штатах: Кентукки, Арканзас, Теннесси, Миссисипи, Луизиана.

Соперники, которых выставляли крупные города, обладали неплохой технической подготовкой, но тактически были бедны. Они слишком прямолинейно вели схватку, открыто шли на силовой бой. Сидней же не признавал грубого обмена ударами. Он, не уступая большинству из них по своим физическим данным, оказывался на голову выше в смысле тактики боя. Ему легко удавалось переигрывать

соперников, захватывать инициативу и, став хозяином положения, диктовать ход поединка. На ринге он был спокоен и расчетлив. Усыпив бдительность, нащупав прореху в защите, он обрушивал в эту брешь такую атаку, после которой противник или сдавался, или оказывался поверженным.

В городе Виксберге, расположенном на левом берегу Миссисипи, боксера ждал приятный сюрприз. Его пригласили выступить в столице штата, городе Джэксоне, причем все расходы мэра города брал на себя. Сидней был польщен таким приемом, а шеф только усмехнулся:

– Они раскошелились, клянусь Америкой, только потому, что твоя фамилия – имя города. Местный патриотизм и мелкое тщеславие.

Норисон оказался прав.

Публика, заполнившая стадион, шумно выражала свой восторг. В отличие от других центров Юга, где победы Сиднея вызывали раздражение и довольно неодобрительный рев, в городе Джэксоне зрители симпатизировали незнакомому им ньюйоржцу.

Противником Сиднея оказался смуглолицый метис, горячий и упорный парень. Но его тяжелые кулаки, от которых, казалось, сыпались искры, так он ими размахивал, били чаще всего по воздуху или натыкались на плечи и перчатки Сиднея. Дав ему возможность почувствовать себя хозяином на ринге, Сидней одним встречным ударом закончил бой.

После победы Сиднея пригласили на званый ужин. Мэр города преподнес ему большую фарфоровую вазу, произнес длинную речь, которую закончил здравицей в честь Сиднея Джэксона, и от имени граждан города заявил:

– Мы всегда будем рады видеть Джэксона в Джэксоне!

Дамы и попечители местного университета, который славился футбольной командой, восторгались щедростью и остроумием мэра. Все хлопали в ладоши и поднимали бокалы. Виски и местные настойки скоро развязали им языки. Почтенные граждане лезли к Сиднею чокаться, и он, чтобы не поднимать пустой бокал, вынужден был за вечер выпить три бутылки содовой воды.

Каждый, стремясь показать себя знатоком спорта, обязательно говорил о боксе и футболе, бесцеремонно хлопал Джэксона по плечу, щупал железные бицепсы. Удовольствие, которое он испытал в начале ужина, испарилось. Он понял, что на него смотрят, как на породистую

скаковую лошадь, интересуются только его отличным телосложением и крепкими кулаками.

После этого приема Сидней долго не мог уснуть. Тогда, по совету Максвелла, он оделся и вышел подышать свежим воздухом.

Ночь была лунной и прохладной. Поеживаясь в своем модном плаще, Джэксон пошел по незнакомой улице. Она вывела его на окраину. И тут перед ним выросла человеческая фигура в белом балахоне.

– Дальше идти небезопасно, брат.

Джэксон остановился. Он догадался, что перед ним один из «братьев» тайной организации ку-клукс-клана. О ней он много слышал, но столкнулся впервые. Он назвал себя и попросил, если возможно, рассказать о том, какая опасность ему угрожает.

– Мой белый брат, я тебя узнал сразу, – ответил куклуксклановец. – Я рад пожать твою мужественную руку, которой ты сразил эту черную обезьяну.

Он разъяснил Джэксону, что их «братья» сейчас устанавливают огненный крест перед домом одного черномазого, который осмелился осквернить белую расу.

– Что же такое он натворил?

– О! Это черное чудовище пыталось изнасиловать белую женщину! Но такие вещи у нас на Юге им даром не сходят. Наши братья сегодня поставят огненный крест, а завтра совершат справедливый суд!

Пока они разговаривали, невдалеке вспыхнуло пламя. Через минуту оно приобрело форму креста. Толстые сухие жерди, облитые бензином и нефтью, ярко пылали перед окнами лачуги. Из нее выскочила седая негритянка и, ползая на коленях, молила пощадить ее сына. До Сиднея донесся ее хриплый голос:

– О, мой Сэми у нее работал целую неделю. О, она ему не заплатила и половину того, что договорились... Он стал требовать за свой труд, а его избили... О святая Мария, будь свидетельницей и заступницей...

«Братья», вооруженные винтовками и освещенные зловещими отблесками огня, стояли белыми призраками. У Сиднея сжалось сердце. Так вот в чем заключалось «оскорбление», нанесенное негром белой женщине! Он молча отстранил фигуру в балахоне и крупными

шагами направился к сбору. Его кулаки гневно сжались. Однако не успел он сделать и десяти шагов, как перед ним словно из-под земли вынырнули три балахона. Черные прорези для глаз угрожающе темнели. Три ружейных ствола уперлись ему в грудь.

– Брат, у вас слабые нервы, – сказал средний насмешливым тоном. – Советую вам лечиться, могу дать рецепт. Особенно помогают лимоны утром натощак и ложка меда перед сном.

У Джэксона пересохло в горле. Негодяи! В нем клокотала злость, душило бессилие. Что он может сделать? Голыми руками против винтовок!

– Иди спать и не мешай братьям, – сказал другой сиплым голосом. – Нашими действиями руководят самые чистые помыслы. Мы добровольно встали на защиту белой расы, и сам господь благословил нас. Наша жестокость угодна небу! Аминь!

После такой лекции, подкрепленной весьма выразительным щелканьем взведенных курков, Джэксону ничего другого не оставалось, как убраться подальше от злополучного места.

Много времени спустя его преследовали кошмарные сновидения. Он видел пылающий крест, призраки в белых балахонах и ползающую на коленях старую негритянку...

Возвращаясь в Нью-Йорк, Норисон сделал остановку в столице. Джэксон был рад. Он никогда не видел Вашингтона. За два дня они бегло осмотрели все достопримечательности, побывали в Национальном музее и библиотеке Конгресса, побродили по знаменитой Пенсильвания-авеню, главной торговой улице столицы. Посетили мемориальные мавзолеи Джефферсона и Линкольна.

Сидней с волнением поднимался по мраморным ступеням к подножию кресла Авраама Линкольна. Сидней знал по учебнику истории, что ступеней всего пятьдесят шесть – по количеству лет, прожитых президентом. Он был убит подлым наемником рабовладельцев Юга неким Джоном Уилкесом Бутсом в дни, когда демократический Север торжественно праздновал победу в великой

войне. Джэксон сосчитал ступени, благоговейно ступая по ним. Он любил Авраама Линкольна, преклонялся перед его мужеством и умом.

Когда вышли, Сидней пожелал сфотографироваться на фоне дворца. Норисон поманил пальцем, и несколько фотографов ринулись к ним. Защелкали аппаратами.

– Пока вы приедете домой, там будут уже эти снимки, – заверил фотограф, записывая в блокнот адреса.

– Линкольн был великим человеком, но и он иногда ошибался, – сказал Норисон.

Джэксон с удивлением посмотрел на патрона. Так говорить о выдающемся президенте – кощунство!

– Вы шутите, мистер Норисон?

– Нет, вполне серьезно. Да. Представь себе, наш величайший американец сказал: «Бродить с места на место мало толку».

– Ну и что же?

– А то, что мы вот с тобой исколесили почти всю страну и от бродяжничества только выиграли! – Норисон раскатисто засмеялся. – И толк есть и доллары!

Сиднею почему-то было не смешно, хотя в словах патрона была правда.

Весна 1912 года была теплой, солнечной. Ее освежающее дыхание чувствовалось всюду, даже на рабочих окраинах Нью-Йорка, где в заасфальтированных дворах появились одинокие травинки. Их топтали и давили колесами. Но они, израненные, упрямо тянулись к солнцу. А рядом, на шикарной Парк-авеню, садовники старательно стригли кустарник, подрезали ветки деревьев, высаживали цветы.

По вечерам на улицах появлялись продавщицы первых весенних цветов и проститутки.

Владельцы яхт проводили время на океанском побережье и берегах Гудзона, Генри Форд, конкурируя с крупными автомобильными компаниями, выпустил первую крупную партию дешевых автомашин.

После поездки по Западу и Югу Сидней Джэксон около месяца жил в Нью-Йорке. Норисон поместил его в одном из роскошных отелей в Манхеттене, рядом с Бродвеем, между Уолл-Стритом и Пенсильванским вокзалом.

Тренировался он в большом спортивном зале центрального клуба Христианского союза молодых людей.

В часы, когда тренировался Сидней Джэксон, в спортивном зале собиралось много народу. Среди любителей спорта часто можно было видеть журналистов и знатоков бокса, которые приходили посмотреть черновую работу Джэксона.

Он трудился с воодушевлением. Макссуэлл с секундомером в руках руководил его действиями. Старый мастер знал, что можно и чего нельзя показывать публике. Не выдавая своих секретов тактической подготовки и отработки коронных серий ударов, он так умело строил тренировку, что эффект получался потрясающий. Во-первых, он удивлял всех продолжительностью, во-вторых, разнообразием упражнений, в-третьих, строгим соблюдением времени, разбивкой его на раунды. Через каждые три минуты следовал минутный отдых.

Сидней, уже привыкший к фотографированию, не обращал внимания на вспышки магния. Журналистам нравилось это, но особенно их привлекала отзывчивость и простота боксера. Он охотно, не в пример многим спортивным звездам, выполнял их просьбы, принимал различные позы, улыбался или хмурился. Сидней понимал, что каждый из них выполняет свою работу, зарабатывает свои деньги. Зачем же мешать им?

Тренировка кончалась поздно. Сидней долго и старательно мылся под теплым душем, потом растирал тело лохматым полотенцем. Приятная усталость только повышала сознание силы. Мышцы рук и ног, груди, брюшного пресса повиновались любому приказанию, напрягались и расслаблялись, перекачиваясь чугунными шарами под эластичной и порозовевшей от растирания кожей. Какую взрывную силу они таят в себе!

Сидней, не скрывая удовольствия, позволял журналистам хлопать кулаками по своему животу.

– Броня! – воскликнул спортивный комментатор газеты «Нью-Йорк тайме», пожилой, но молодящийся и еще красивый мужчина. – Клянусь Колумбом, настоящая броня!

– А ну, дай я попробую, – вперед протиснулся плечистый щеголь из завсегдатаев клуба. – Можно? У меня бронебойный кулак.

– А если не пробьешь, – сказал Сидней, – тогда я тебя один разок... согласен?

Щеголь, прикусив язык, попятился.

– На таких условиях не согласен. Нет, нет!

4

В конце апреля Сиднею позвонил брат. Иллай настоятельно просил обязательно прийти домой тридцатого числа.

– Дома все в порядке, но ты нужен. Понимаешь, нужен!

– Кому это нужен?

– Такие вещи по телефону не говорят, – в голосе старшего брата звучали нотки раздражения. – Если не можешь, лучше сразу откажись. Будем знать.

– Кто это будет знать?

– Мы все. Профсоюз химиков.

– Теперь ясно, – Сидней улыбнулся. – Кончу тренировку и приду.

– Хорошо, Сид. Будем ждать!..

Однако выполнить свое обещание Сидней не смог. Утром тридцатого апреля в номер отеля явился Норисон.

– Собирайся. Внизу ждет машина. Довольно рекламных тренировок. Пора за дело!

– Вы заключили хороший контракт?

– Еще нет, мальчик, но все идет к тому, чтобы заключить. Так что тебе надо по-настоящему, – он понизил голос, – тренироваться. Скажу по секрету, на этот раз твоим противником будет один из сильнейших боксеров Америки.

ГЛАВА ОДИННАДЦАТАЯ

1

Через несколько часов Джэксон находился уже далеко от Нью-Йорка. Машина мчалась по широкому бетонированному шоссе и увозила его из города на ферму Норисона.

Дорога была довольно длинной, и Сидней, откинувшись на заднюю спинку мягкого кресла «линкольна», думал об Иллае. Брат, видимо, обидится. Но что он мог сделать? Позвонил домой, предупредил маму. Не будет же он, Сидней, ради какого-то профсоюзного собрания портить отношения с Норисоном!

На ферме его встретил мистер Джордж. Он, видимо, был предупрежден. Попыхивая трубкой, управляющий приветливо поздоровался и провел боксера в его комнату. Там было все по-старому, словно он и не уезжал отсюда.

Джэксон принял теплый душ и вышел в гостиную. Жена управляющего, розовощекая и полная Бесси, уже накрыла стол.

– Садись, Сидней, садись. Я тебя часто вспоминала, особенно по утрам, когда печь растапливала. Уж поверь мне, лучше тебя никто дрова не колот!

Джэксон улыбнулся, пододвинул к себе чашку с бульоном:

– Сегодня же вечером приготовьте мой колун. Я тоже соскучился по такой работе.

– Что ты, Сидди! – Бесси всплеснула руками. – Сегодня отдохни: устал с дороги. Есть нарубленные. Я просто к слову вспомнила.

К обеду пришел управляющий. Он ел много и шумно. Когда была уничтожена курица, Бесси подала любимое блюдо Сиднея: гречневые блинчики и кленовую патоку.

– Я словно чувствовала, что ты приедешь, – сказала она.

– Спасибо за блинчики, – ответил Сидней, наливая себе в чашку из кувшина тягучую жидкость. – Я так давно их не ел!

– Кушай на здоровье.

После плотного обеда хотелось побыть одному, полежать, отдохнуть. Но управляющий, по-видимому стосковавшийся по людям,

не отпускал боксера. Он выбил свою массивную трубку, набил ее табаком и повел Джэксона показывать хозяйство, хвастаться новшествами, которые он ввел. Его гордостью был коровник. Тут его хозяйственная смекалка проявлялась наиболее ярко. Джэксон не узнал коровника, который словно вырос. Он стал двухэтажным.

– А как же коровы забираются на второй этаж? – удивился боксер.

Управляющий, видимо, ждал такого вопроса. Он усмехнулся в усы и молча пригласил следовать за ним. По небольшой лестнице они поднялись наверх. Второй этаж предназначался для кормов. Тут лежали спрессованные тюки сена, просторная тачка для перевозки силосной массы, мешки с кормовой мукой.

– Осторожнее, не провались в кормушки, – предупредил управляющий.

По обеим сторонам вдоль стен темнели отверстия. Потом они прошли по всему верху, и Джордж распахнул двери, широкие, как ворота. Боксер снова изумился. Со второго этажа вниз вел широкий помост, по которому свободно мог проехать фургон.

– Такой спуск и с другой стороны, – рассказывал управляющий. – Теперь корм доставляем прямо наверх и там разгружаем. А когда приходит время кормить скотину, с этим делом справляются всего два человека. Они идут вдоль стен и спускают в отверстия над кормушками сено, силос или другой корм.

Джэксон слушал его и невольно вспоминал о брате. Тот действительно, будь он на месте Сиднея, смог бы по достоинству оценить изобретательность и усовершенствования управляющего. «Иллая бы на такую ферму, – подумал боксер. – Он тоже не хуже Джорджа сумел бы хозяйничать».

На следующий день утром прибыл Максвелл. С ним вместе приехали двое незнакомых. Один, старший по возрасту, был кряжист, приземист, в его коротко остриженных волосах уже утвердилась седина. Другой был выше ростом, хорошо сложен, смуглолиц, черные вьющиеся волосы ниспадали на высокий лоб.

Максуэлл долго и восторженно мял Сиду в своих объятиях, хлопал ладонями по спине и, словно что-то вспомнив, лукаво сощурил глаза:

– Угадай, что я тебе привез?

– На такие вещи я не способен, – ответил, шутя, Сидней.

– А все же?

– Не знаю, – Джэксон пожал плечами.

– Не догадываешься?

– Нет.

– Нет?

– Ну хватит разыгрывать, Мики, – взмолился Сидней.

– Тогда пляши победный танец индейцев! – Максуэлл сделал паузу и выдохнул. – Норисон заключил контракт с менажером Харвея Таунсенда!

Джэксон не поверил ушам.

– Ты... ты не шутишь?

– Провалиться мне на этом месте, если лгу! Могу даже сообщить, по секрету конечно, дату встречи, – тренер встал в позу и придал своему голосу торжественность: – Матч между нынешним чемпионом Америки Харвеем Таунсендом и знаменитым боксером Сиднеем Джэксонном состоится четвертого июля.

– О, в день национального праздника?

– Ну да! Один из вас этот день действительно будет праздновать.

– Гип-гип, ура! – рявкнул Джэксон и, обхватив тренера, приподнял его и легко закружил.

Приезжие стояли в стороне и молча наблюдали. Кряжистый скептически улыбался, а в больших черных глазах смуглолицего сквозила затаенная зависть, похожая на грусть.

Максуэлл представил их Сиднею.

– Знакомься, это твои спарринг-партнеры.

Кряжистый с достоинством назвал свое имя:

– Оргард Джефрис.

– Джефрис? – спросил Сидней, пожимая протянутую руку. – Я знал одного боксера с такой фамилией. У него была, как писали газеты, кличка Кувалда. Я тогда был мальчишкой и страстно мечтал стать таким же знаменитым боксером.

На круглом приплюснутом лице Оргарда появилась теплота. Ветеран ринга был польщен. Он сказал:

– Оказывается, мы давно знаем друг друга.

– Так вы и есть тот самый Кувалда?

– Тот самый. И я постараюсь сделать все возможное, чтобы твоя мечта, наконец, осуществилась.

Второго боксера звали Фиорелло Боноски. Он был американцем итальянского происхождения. За его плечами не было больших побед и громких титулов, но, как Сидней убедился впоследствии, Боноски обладал незаурядными способностями и превосходной техникой.

Спарринг-партнеров поместили в нижнем этаже, в небольшой комнате, расположенной под гостиной. Максуэлл составил расписание тренировок и учебно-тренировочных поединков. Управляющий наметил работу, которую должны выполнять приехавшие. Во всем этом чувствовалась незримая воля главного хозяина, мистера Норисона. Тот не любил напрасно тратить деньги. Джэфрис и Боноски не только были партнерами Сиднея, выполняя роль живых тренировочных мешков, но еще и трудились на ферме в качестве подсобных рабочих.

Думал ли когда-нибудь Сидней о том, что ему придется встретить Оргарда Джеффриса, знаменитого Кувалду, да еще в такой незавидной роли!

Невольно нахлынули воспоминания детства. Как давно это было! Сидней снова видел себя обтрепанным и босоногим. Вместе с таким же, как и он, Жаком Рэнди они, затаив дыхание, перелистывали страницы спортивного журнала, который принес в школу Блайд, сын владельца универсального магазина. Тогда, кажется, Джеффрис должен был встречаться с негром Рольсоном. Сидней хорошо помнит, что он вместе с Жаком болел за Рольсона, не зная, что тот – чернокожий. Перебирая в памяти давно минувшие дни, Сидней грустил. Он с жалостью смотрел на Джеффриса.

Жизнь на ферме текла размеренно и однообразно. Один раз в три дня Джэксон надевал пухлые перчатки, которые были в два раза тяжелее обычных, боевых, и перепрыгивал через канаты ринга. Применяя тяжелые перчатки, тренер преследовал две цели. Во-первых, он смягчал удары Сиднея, достававшиеся спарринг-партнерам. Во-вторых, увеличивая тяжесть рукавиц, он, таким образом, усиливал

физическую нагрузку на мышцы рук, что, бесспорно, укрепляло и повышало выносливость.

Партнеры выходили на ринг по очереди. Они натягивали на головы защитные кожаные шлемы, набитые войлоком и морской травой, шнуровали перчатки и по сигналу Максвелла вели бой в заданном темпе, проводили определенные серии ударов, защищались или атаковали. Максвелл с секундомером в руках носился вокруг ринга или стоял в тени и отдавал указания, настойчиво требуя, чтобы поединок проходил, как он говорил, с «душой» и по своей напряженности был близок к предстоящему матчу.

Джэксон добросовестно выполнял указания тренера и так энергично работал руками, что его опытные спарринг-партнеры скоро выдыхались. Как они ни старались, но устоять перед натиском Сидней им не удавалось. Отработает три раунда Боноски и, тяжело дыша, опускается на скамью под дубом, а его место на ринге занимает Оргард. Так, сменяя друг друга, они сначала проводили двенадцатираундовые поединки, потом Максвелл, постепенно увеличивая нагрузку, довел количество раундов до двадцати четырех.

Боксировать с итальянцем было легко, особенно при отработках отдельных тактических приемов. Фиорелло вкладывал в каждый раунд весь свой темперамент и, казалось, неистощимый запас терпения. Он обладал быстрой реакцией и сообразительностью, сразу вникал в замысел тренера и добросовестно старался выполнить его. Он никогда не забывался и во время боя успевал следить и за действиями Сидней. Если у того не все гладко получалось, он в ходе поединка давал правильные пояснения, добрые советы и всячески помогал молодому боксеру.

Отдельные звенья комбинаций Фиорелло повторял бесчисленное количество раз, до тех пор, пока Сидней не усваивал их. Естественно, что Максвелл по достоинству оценил способности Боноски и поручал ему самые сложные задачи.

Сидней, так же как и тренер, был дружески расположен к итальянцу, в больших черных глазах которого никогда, казалось, не потухала грусть. Джэксон знал ее причину. Фиорелло Боноски был неудачником. Ему не повезло в жизни. Не повезло с самого начала. Сидней знал историю его жизни.

Фиорелло родился на Западе, в Сан-Франциско, в семье небогатого судовладельца, чья жизнь и благополучие зависели от капризного океана. Но старший Боноски не отчаивался. Он был набожным католиком и был убежден, что в случае неудач и трудной жизни на грешной земле ему, по обещанию папы Римского, обеспечено блаженство на том свете. А, кроме того, он верил, что сын его обязательно выбьется в люди.

Возвратившись из очередного рейса, Боноски качал люльку сына и предавался мечтам. На его глазах происходили невероятные вещи: предприимчивые дельцы наживали огромные состояния. Бурная жизнь страны казалась ему гигантскими соревнованиями, в которых принимают участие миллионы людей. Подумать только, каждый сопливый мальчишка автоматически становится участником грандиозного состязания! Перед ним открывается возможность на равных правах с другими проявить свои способности и добиться первенства, завоевать главный приз – стать президентом Соединенных Штатов.

В случае неудачного финиша можно получить приз поменьше: стать губернатором, депутатом конгресса, мэром города, сенатором, судьей, генералом, адмиралом, шерифом. Кроме этого, Боноски-старший видел и другую возможность выбиться в люди. Но тут нужны были деньги. Обладатели капитала становились не участниками массового состязания, а его организаторами. Эти организаторы клали львиную долю доходов в свой сейф и таким образом становились миллионерами.

Что же касается своих неудач, то Боноски-старший объяснял их просто: он с самого начала запоздал на старте, отстал от своей эпохи. Фиорелло он прочил блестящее будущее и не жалел средств на его образование.

Мальчик прилично окончил школу, при содействии отца поступил в университет и вскоре увлекся спортом. О его победах на ринге стали писать в местных газетах. А когда восемнадцатилетний Фиорелло завоевал звание чемпиона западных штатов, к Боноски-старшему явился влиятельный антрепренер и предложил заключить контракт.

– Я из вашего сына сделаю чемпиона мира, – сказал он.

Но отец и слушать не хотел об этом. Разве такую карьеру он прочил сыну?

Однако судьбе было угодно, чтобы Боноски-старший переменил свое мнение. Разбушевавшийся океан отправил на дно два старых торговых судна, а единственный уцелевший корабль требовал капитального ремонта. Отец Фиорелло провел ночь в тяжелом раздумье, а к утру принял решение. Он продал корабль и нанял сыну лучших тренеров, надеясь, что, став знаменитостью, сын его легко выйдет в люди, женившись на дочери промышленника или банкира.

Взяв в свои руки руководство спортивным воспитанием сына, отец совершил вторую ошибку. Ведь он плохо знал спортивный мир, а тем более его закулисную сторону. Ему казалось, что достаточно обладать талантом и иметь соответствующую подготовку, чтобы в честном поединке завоевать звание чемпиона. Лишь непосредственно столкнувшись с деловыми людьми спорта, он понял смысл тех слов, которые ему некогда сказал антрепренер: «Я из вашего сына сделаю чемпиона мира».

Годы шли. Фиорелло уже перевалило за двадцать. Он был красив, силен, обладал высоким мастерством и жаждал сразиться с чемпионом. Наверстывая упущенное, отец стал призывать на помощь известных на Западе антрепренеров, спортивных дельцов. Те охотно принимались за дело, организовывали шумные боксерские поединки с сильнейшими боксерами отдельных штатов. Победы следовали одна за другой. Однако ни один из антрепренеров не мог добиться главного — организовать матч с настоящим чемпионом.

Дело в том, что все чемпионы жили в северных штатах и их менеджеры не желали вступить в контакт с неизвестным боксером с Запада. По правилам, каждый чемпион обязан раз в полгода защищать свой титул. Однако за антрепренерами чемпиона остается право выбора противников и претендентов на титул чемпиона. Таким образом, антрепренер фактически является единственным человеком, который и решает судьбу чемпионского титула.

Пять лет потратил Боноски-старший на организацию матча, но так ничего и не добился. Сначала он хотел сразу организовать встречу с чемпионом Соединенных Штатов. Однако все его попытки заключить контракт оканчивались безуспешно. Спортивные боссы в один голос восторгались способностями Фиорелло, считали его

блестящим талантом, необыкновенным спортсменом, но дальше комплиментов дело не двигалось.

Боноски-старший, зная, как быстро проходит молодость, был согласен на все. Он предлагал антрепренерам большие проценты и крупные суммы взяток, конечно из будущего гонорара, но перед ним был замкнутый круг тайных связей, и прорваться через него ему так и не удалось. Потеряв всякую надежду, отец пал духом, слег и вскорости отправился в тот мир, где ему было заготовлено место, гарантированное папой Римским. Сыну он не оставил в наследство ничего, кроме возможности выбиться в люди, гарантированной конституцией страны...

Упрямому претенденту на титул чемпиона шел двадцать седьмой год – возраст, прямо скажем, критический. Даже для тех, кто уже стал известным боксером. Однако он по-прежнему верил, что в спорте, так же как и в жизни, существуют честные законы. Окружавших его антрепренеров он считал жуликами, вымогателями, но думал, что не все такие!

Попрощавшись с матерью, он отправился через весь континент в Нью-Йорк искать счастья, но и здесь очень скоро пришел к печальному выводу: добиться успеха честным путем практически невозможно.

У Фиорелло кончились деньги, у него не было имени, а единственное богатство – молодость – постепенно оставляло его. Как быть? Отказаться от своей мечты и спешно переквалифицироваться? Нет, отступать он не хотел. Слишком много было вложено здоровья, затрачено лет, растрачено средств.

После некоторого колебания Фиорелло Боноски решился на отчаянный поступок. Он решил любыми средствами вызвать недостижимого чемпиона на поединок, заставить его принять бой. Хотя бы вне ринга. Не зря же говорит американская пословица: «Побеждает тот, кто меньше стесняется».

Оставалось выбрать чемпиона. Он остановил свой выбор на чемпионе мира в полутяжелом весе Юлиусе Шиллинге. Разыскать его местожительство оказалось делом несложным. Газеты и журналы посвящали ему целые страницы и подробно описывали каждый шаг знаменитого чемпиона.

В одно солнечное утро служащие и обитатели фешенебельного отеля «Астория» оказались невольными свидетелями необычной истории. В роскошном вестибюле под сенью пальм, растущих в огромных ящиках, вспыхнул скандал. Какой-то смуглолицый, провинциального вида молодой человек, прилично одетый, пристал к Юлиусу Шиллингу и начал осыпать его оскорблениями, явно провоцируя драку.

Чемпион мира, как всегда, находился в окружении своей свиты, состоящей из его поклонников и большой группы спортивных репортеров. Газетчики попытались было урезонить зарвавшегося простачка.

– Щенок, тебе надоело носить свою челюсть? – высокомерно сказал один из репортеров. – Да ты знаешь с кем пререкаешься? Это сам Юлиус Шиллинг, чемпион мира в полутяжелом весе.

– Невежда, ты что, газет не читаешь? – набросился другой. – Сейчас же проси прощения!

К их безмерному удивлению, «простачок», не умеряя дерзости, безапелляционно заявил:

– Плевал я на вашего Юлиуса! Подумаешь, фигура! Чемпион! Ха-ха!

Наглость задиры переходила все границы дозволенного. Чемпион привычным театральным жестом сбросил пиджак. Все действия его были явно рассчитаны на эффект. В самом деле, он производил довольно устрашающее впечатление. Широкогрудый, с покатыми плечами, покрытыми толстыми бугристыми мышцами, похожими на морские канаты, низко, по-бычьи нагнув квадратную голову, Юлиус готов был ринуться и стереть с лица земли любую преграду. Несколько человек бросились его удерживать, умоляя пощадить «мальчика».

Но рассчитанный театральный жест на сей раз не возымел никакого действия. Фиорелло Боноски словно ждал этой минуты. По-прежнему презрительно усмехаясь, он, словно размахивая красной тряпкой перед разъяренным быком, лениво-небрежным движением сбросил свой старомодный пиджак. Репортеры, предвидя очередную сенсацию, приготовили блокноты, защелкали фотоаппаратами.

Юлиус, задетый за живое, вырвался из рук. Ничего не подозревая, он ринулся вперед, надеясь жестоко проучить зарвавшегося наглеца. Невольные свидетели скандала с нескрываемым ужасом смотрели на

провинциала. Это его последние минуты! Они знали свирепый нрав чемпиона и мысленно уже видели дерзкого парня в больнице...

Но события, развернувшиеся с молниеносной быстротой, опрокинули самые невероятные предположения. Едва чемпион ринулся вперед, стремясь единым махом покончить с нахалом, как получил такой встречный удар, от которого у него зазвенело в ушах. Отлетев в сторону на несколько футов, он шлепнулся задом в сырую землю квадратного ящика. Роскошная пальма закачалась – и на взбешенного чемпиона посыпались сухие пыльные листья. Раздался взрыв дружного хохота. Вид у Юлиуса был явно не чемпионский. Престиж «непобедимого», бесспорно, оказался под ударом. Вспышки магния помогли запечатлеть на фотопленках сенсацию номер один.

Взревев, Юлиус кинулся, как разъяренный тигр, на своего обидчика. Фиорелло Боноски этого только и ждал. Годы, проведенные в университете, не прошли даром. Он хорошо знал федеральные законы и предпочитал быть оскорбителем, нежели нарушителем порядка – зачинщиком драки. К тому же он не желал преждевременно раскрывать свои карты...

Фиорелло отвечал только контратаками, умело парируя бешеные броски чемпиона. Красивыми, экономными движениями, четкой и эффектной защитой, точными и грозными ударами он сразу же завоевал симпатии зрителей. Спортивные репортеры, издавшие виды, были поражены. Грозный Юлиус Шиллинг, непобедимый чемпион, не в силах победить такого противника! А знатоки спорта с нескрываемым восхищением следили за поединком, неповторимым по своей драматичности.

Мобилизуя все свое умение и знание многочисленных запрещенных приемов, Юлиус без зазрения совести применял их, стремясь любой ценой и любыми средствами скорее свалить, растоптать дерзкого смельчака. Но поединок затягивался. Юлиус с надеждой поглядывал на сержанта полиции, моля бога, чтобы тот поскорее вмешался. Но представитель власти, знаток бокса и поклонник Шиллинга, невозмутимо покручивал увесистой резиновой дубинкой, давая возможность своему кумиру разделаться с неудобным соперником.

Бой окрылил Фиорелло. Никогда прежде, ни в одном матче, он не боксировал с таким энтузиазмом и вдохновением. Он видел, что

инициатива в его руках, чувствовал свое превосходство и демонстрировал перед изумленными зрителями виртуозное мастерство защиты и разнообразие контратак. Он, казалось, не чувствовал ни боли, ни усталости, в нем кипела радость. Он не заметил, как стал заплывать левый глаз. Вытерев тыльной стороной ладони кровь, которая сочилась из разбитого носа и предательски затрудняла дыхание, Фиорелло продолжал вести бой, тот самый бой, ради которого отец растратил остатки состояния, ради которого он, Боноски-младший, исколесил чуть ли не весь континент, бой, которого он так безуспешно добивался в течение десяти лет! Ставка была очень высокой, и упустить единственную возможность Фиорелло ни за что не хотел. Разве мог он не победить?! Выбрав удачный момент, Фиорелло провел свой коронный удар. Это был страшный удар снизу вверх по подбородку с поворотом корпуса и упором на левую ногу, удар, который он отрабатывал многие годы, добиваясь умения вкладывать в него всю тяжесть тела, становую силу спины и пружинистую энергию ног...

Зрители замерли с открытыми ртами. На полу неподвижно лежал их знаменитый чемпион.

– Воды! – крикнул Фиорелло, а в груди у него все ликовало. – Воды! Скорее плесните на него!

Наконец-то свершилось то, о чем он мечтал: у его ног лежит распластанный чемпион.

Репортеры, опережая друг друга, кинулись к Фиорелло.

Сержант полиции, выплюнув окуроч, растолкал газетчиков. Фиорелло дружески улыбнулся разбитыми губами и протянул руки:

– С представителями власти предпочитаю находиться в дружбе.

Сержант ловко защелкнул наручники. Фиорелло, не теряя времени, проводил свою единственную пресс-конференцию.

– Мое имя Фиорелло Боноски! Фиорелло Боноски из Сан-Франциско, – повторял он. – Запишите, что я готов сразиться с любым чемпионом! Мое имя Фиорелло Боноски. Я стопроцентный американец и готов защищать честь Соединенных Штатов на любых состязаниях! Мое имя Фиорелло Боноски!

Он шел в сопровождении молчаливого сержанта и улыбался в направленные на него темные зрачки фотообъективов. Он думал, что фортуна, наконец, улыбнулась ему. Завтра все газеты будут кричать об

этом необычном поединке, создавая ему громкое имя и славу. Фиорелло ехал в полицейский участок и верил, что ему обеспечен выход на большой ринг.

Однако неудача следовала за ним по пятам. Он не спал ночь. И перед рассветом отдал последние два доллара надзирателю с просьбой принести ему свежие номера газет. Он с трепетом разворачивал страницы и жадно всматривался в фотографии. О нем не было написано ни строчки! В ожидании выхода очередных выпусков он до мяса искусал ногти. Но ни в вечерних выпусках, ни в последующие дни никаких сообщений о поединке он не находил. Даже в разделах происшествий и местной хроники. Словно ничего и не было. У Фиорелло защемило под сердцем, и он заплакал. Беззвучно, по-мужски. Скупые слезы медленно катились по щекам, и он не стыдился их.

Лишь пять лет спустя, после отбытия наказания за покушение на жизнь мистера Юлиуса Шиллинга, он узнал правду. Менеджер чемпиона, опасаясь скандальной сенсации и развенчания непобедимого Шиллинга, выбросил несколько тысяч долларов. Он в ту же ночь, когда Фиорелло с надеждой ждал выхода газет, побывал во всех редакциях и выкупил за баснословную цену у спортивных репортеров и редакторов фотопленки, снимки, заметки, листки блокнотов, напечатанные на машинке и выведенные от руки отчеты, гранки статей, написанные и ненаписанные репортажи. Кроме того, менеджер дал крупную взятку судье и присяжным, чтобы те упрятали ненавистного наглеца подальше и на длительное время.

После всего пережитого в черных вьющихся кудрях итальянца начала пробиваться седина, а в больших глазах появилась непотухающая грусть. Боноски навсегда расстался с мечтой о карьере чемпиона. Помогая другим выбиваться на большой ринг, он тайно завидовал счастливым, но чистосердечно отдавал им свои знания, опыт и мастерство. Он часто говорил:

– Я типичный неудачник! Так случилось, что с самого начала я взял неправильный старт... Я типичный неудачник!

Его так и прозвали «Фиорелло-неудачник».

ГЛАВА ДВЕНАДЦАТАЯ

1

Во второй половине мая Норисон вызвал Сид-нея Нью-Йорк для проведения, как он сказал по телефону, деловых встреч. Что собой представляют подобные встречи, Джэксон уже хорошо знал и без особого энтузиазма отправился в вояж. Вместе с ним поехал и тренер.

Норисон встретил Джэксона в номере гостиницы и, заставив боксера переодеться в нарядный костюм, повез его на «смотрины».

Они встречались с какими-то незнакомыми Сиднею господами, важными и чванливыми. Сидней с болью в сердце видел, что с ним обращаются, как с дорогим товаром: восторгаются, ощупывают, оценивают... Каждая такая встреча поднимала в его душе бурный протест. Но он терпеливо сносил все, ибо верил Норисону, который утверждал, что такие встречи – необходимые формальности на пути к титулу чемпиона.

Антрепренер по-прежнему относился к Сиднею любезно и покровительственно, щедро угощал дорогими обедами и выписывал чеки. Но в его поведении стали пробиваться властные нотки хозяина. По всему было видно, что первая часть пьесы окончилась, что хорошо разыгранная комедия с «парнем из народа» привела к желаемым результатам. Теперь закреплялись достигнутые успехи. Приближалось время основного действия.

Максуэлл, который не сопровождал боксера на встречи и приемы, ворчал и просил Норисона не срывать график тренировок, особенно в вечерние часы. В отсутствие шефа он учил боксера тому, как надо независимо себя держать на таких встречах, и повторял:

– В наш век, малыш, судьба чемпионатов решается не на ринге, а в тихих кабинетах, за чашкой кофе или бокалом коктейля.

Максуэлл и раньше говорил об этом, но тогда Сидней просто не придавал этому значения. Теперь же слова тренера стали доходить до него. Не зря же его таскают по приемам...

Только на третий день Норисон разрешил Джэксону навестить своих родных.

Дома все было по-прежнему. После просторного многокомнатного номера отеля квартира показалась ему еще более тесной и бедной. «Как только стану чемпионом, – подумал Джэксон, – первым делом перевезу семью в новую квартиру. Хватит им жить в такой тесноте».

Миссис Джэксон ласково встретила сына.

– Какой ты стал элегантный! Смотрю на тебя и не нарадуюсь. Вот бы отец дожил до этих дней.

Торопливо накрывая на стол, она рассказывала домашние новости.

– Как хорошо, мой мальчик, что тридцатого апреля ты не приехал. Видимо, самой пресвятой деве было так угодно. Она отвела беду от твоей головы. Уж я молилась ей за тебя, благодарила.

– Что же случилось? Я ничего не знаю.

– Иллай со своими профсоюзами устроил забастовку. Как раз Первого мая. Собрались все около завода и пошли с плакатами в Манхеттен на какой-то митинг. Сколько народу собралось! Как в национальный праздник. Идут, песни поют, радуются. А на них полиция и солдаты... На безоружных-то. Что было! Бьют, хватают, стреляют... Страх! – Миссис Джэксон смахнула слезу. – Многих покалечили, многих в тюрьму бросили. Иллаю, бедному, тоже досталось. Голову ему разбили и посадили за решетку. Что я пережила!.. Сколько слез выплакала...

Сидней сразу понял, какая опасность нависла над братом.

– Где сейчас Иллай? В какой тюрьме?

– Что ты, мой мальчик, Иллай не в тюрьме. Он на заводе. Спасибо мистеру Норисону, спас его.

– Мистер Норисон? – переспросил Сидней.

– Да, мой мальчик, мистер Норисон.

Она рассказала, что сразу же после демонстрации позвонила в гостиницу, но Сиднея там уже не было, трубку взял Норисон. Он внимательно выслушал и обещал помочь.

– Только просил, чтобы мы тебе не рассказывали, не беспокоили. Мистер Норисон так и сказал: «Сиднея не тревожьте напрасно. Он сейчас готовится к очень большому матчу».

Джэксон слушал мать и думал о Норисоне, о его благородном поступке. Как он заботится о нем, о его семье! Сиднею даже стало совестно, что он иногда плохо думал о своем антрепренере.

– А Иллай после забастовки похудел. Такой раздражительный, нервный, – в глазах миссис Джэксон была затаенная тревога.

Вошла Рита. Нарядная, самоуверенная. Увидав брата, она бросилась к нему:

– Сидди!

Узнав, что Сидней приглашен центральным клубом Христианского союза молодых людей на «Бал молодых знаменитостей», она повисла на шее брата:

– Я обязательно должна быть там, Сидди!

– Меня пригласили с девушкой.

– Чудесно! Мы и пойдем. Мама, ты слышишь? Мы с Сидди пойдем на бал! Надо заняться подготовкой. Немедленно!

– Но ты же просто сестра. Как же я там буду с тобой?

– Ну и что из того, что сестра? – вспыхнула Рита. – Милый Сидди, ведь моя судьба зависит от тебя. Там можно завести такие знакомства, которые, может быть, решат мою судьбу!

– А Френк что на это скажет?

– Он мне совсем не пара. Неужели ты не понимаешь?

Когда заговорила миссис Джэксон, Сидней понял, что и мать на стороне дочери. Он сдался.

– Ладно.

Сестра наградила его поцелуем и убежала в свою комнату.

2

Накануне бала у Риты уже был самый модный наряд, такой же, как у знаменитой голливудской кинозвезды с фотографии в журнале «Лайф».

Сидней был буквально ошарашен, когда к нему в гостиницу явилась взбудораженная и счастливая Рита в сопровождении негра, который нес два огромных картонных короба.

– Наконец-то я тебя нашла!

– А дома ты не могла собраться?

– Что ты, Сидди! – Рита подняла на него удивленные глаза. – В таком наряде быть в нашем районе? Ну как ты этого не понимаешь?

– Ты мне срываешь тренировку.

– Подумаешь, какая важность! Один день ради меня можешь и не помахать руками.

Спорить с ней было бесполезно. Сидней направился в ванную. Когда он, закутав шею полотенцем, вышел из ванны и попытался открыть дверь в гостиную, его остановил раздраженный голос сестры.

– Неужели трудно побыть там еще немножко? Я же просила тебя!

Сидней не помнил, о чем она просила. Скрепя сердце он еще четверть часа томился в узком коридоре.

– Можешь входить.

Первое, что бросилось в глаза боксеру, был газовый ком, голубое облако, из которого выглядывала всклокоченная голова сестры. Модная короткая прическа делала ее чужой, незнакомой. Туфельки узконосые, на тонких каблочках, продолговатая сумочка были одного цвета и даже из одной кожи. Длинные, до локтей перчатки и широкий шарф дополняли ее наряд. При каждом движении пышное платье из натурального тонкого шелка приятно шуршало.

– Ну как? – спросила она, не отрывая взгляда от зеркала.

Сидней молча любовался сестрой.

– Что ж ты молчишь? Или тебе не нравится?

– Нет, что ты, нравится. И даже очень!

– Правда? – Рита оторвалась от зеркала и, шурша платьем, подлетела к брату. – Честное слово?

Бал был уже в разгаре, когда они, наконец, переступили порог клуба.

В просторном зале, украшенном национальными флагами, зеленью, разноцветными флажками, лентами, цветами, уже толпилась молодежь. Оркестр, составленный из трех джазов, раскатисто гремел. В широко распахнутых дверях стояли нарядные девушки. Они вручали гостям небольшие букетики живых цветов.

Сидней с Ритой медленно прошлись по залу. Молодые богатые джентльмены и роскошно одетые девушки стояли группами, оживленно беседовали.

– Сиди, взгляни. Это Юркинг, – шепнула Рита. – Самый знаменитый спортсмен, как пишут газеты.

– Он шарлатан, – Сидней повторил слова тренера.

– Сид, ты просто ему завидуешь. Он настоящий спортсмен! За последние годы еще ни один человек в Америке не сумел плюнуть

дальше, чем он. Ему принадлежат все рекорды по дальности и точности.

Спорить с Ритой и доказывать ей, что чемпион по плевкам не может быть настоящим спортсменом? Объяснить ли ей, наконец, что такое настоящий спорт?! Но она уже схватила его под руку и тащила куда-то в глубь зала.

– Сид! Конечно, это Сид! – От группы богато одетых молодых людей отделился один и направился к Джэксону. – Рад приветствовать тебя, старина!

Рита незаметно ущипнула брата и зашептала:

– Не будь дубиной.

Сидней взглянул на того, кто его дружески окликнул, и обомлел. Он узнал его. Это был Блайд. Блайд Букспурд. На нем был черный смокинг, в галстук сверкал крупный бриллиант.

– Ты делаешь большой бизнес, старина! Твоими победами гордится Нью-Йорк!

Джэксон на мгновение растерялся. Он не знал, что делать: улыбаться или хмуриться. Блайд говорил так, словно встретил лучшего друга. Пока боксер разбирался в этом вопросе, Блайд захватил инициативу.

– Друзья, вы слышали? – Блайд обнажил в улыбке свои крупные белые зубы. – Знаменитый боксер пришел на бал со своей сестрой! Я спасен! Мы с Сиднеем меняемся местами.

Компания одобрительно загудела. Джэксон не понял.

– Как это меняемся местами? Ты хочешь стать боксером?

– Нет! Что ты! Просто, я отбираю у тебя сестру, так как я в настоящий момент один, а без дамы быть не положено.

Рита наградила Блайда улыбкой. Ободренный, он щелкнул каблуками, подражая военным, подставил ей руку:

– Прошу, миледи! – а Сиднею бросил шутя. – Ты можешь блуждать в этой пустыне в поисках очаровательного пола и отбивать любую.

– Только не кулаками, – добавил тощий высокий студент, и компания дружно захохотала.

Их непринужденная пустая болтовня и беззаботная веселость сбивали Джэксона с толку. Он, привыкший всегда быть серьезным и целеустремленным, терялся и шел, как говорят, не в ногу. Особенно

мучил его вопрос о Блайде. Почему тот так к нему отнесся? Потому что он стал известным боксером? Сидней не верил ему ни на йоту и все время был внутренне начеку. Мало ли что тот может выкинуть! Особенно он опасался за сестру. Такие пройдохи не одну девушку заставили проливать горькие слезы и дорого расплачиваться за краткие радости. Но ничего опасного в поведении компании он не замечал. Наоборот, все открыто восторгалось им, его силой и славой. И завидовали ему. Это он видел по их глазам.

Блайд не отходил от Риты. В его взглядах, которые перехватывал Сидней, светилось восхищение.

Широко распахнулись высокие двери, ведущие в соседний зал, и распорядители бала торжественно пригласили гостей к праздничному столу. Оркестр грянул туш. Все устремились в открытые двери. К Сиднею подошел лакей в расшитой золотыми галунами ливрее и поклонился:

– Сэр, вас просит к себе верховный глава Христианского союза. Я провожу вас, сэр.

Джэксон последовал за ним. Они прошли вдоль праздничных столов к возвышению – к самому почетному месту. За продолговатым столом восседали важные и солидные американцы. Среди них, к своей радости, Сидней увидел Норисона. Тот улыбкой ободрил боксера, встал и представил его двум джентльменам. Один из них, седой и тощий, долго смотрел на Джэксона подслеповатыми глазами сквозь очки в золотой оправе, потом сказал:

– Хорош!

Другой, в два раза толще Норисона, с головой, круглой, как голландский сыр, долго тряс руку Сиднею.

– Стопроцентный американец!

Сидней осторожно держал в ладони пухлые пальцы джентльмена, унизанные массивными кольцами. Потом его усадили рядом с толстяком. Норисон находился тут же. Он успел шепнуть Сиднею:

– Тебе везет! От этих людей в большой степени зависит судьба чемпионского титула.

Джэксон по-новому посмотрел на своих соседей. Так вот они какие, сильные мира сего! Гости меж тем шумно рассаживались.

Первый тост предоставили тощему старику. Все сразу смолкли. Он сдернул с груди салфетку и начал шамкающим голосом речь о

величии Соединенных Штатов, о прогрессе и технике, о благородной и возвышенной нации – американцах, представителях белой расы, которой сам всевышний преопределил руководящую роль в этом мире.

Когда он кончил, оркестр грянул «Жил был весельчак Джон». Сиднейпил безалкогольный напиток, составленный из фруктовых соков. Он уже догадался, что его сосед, тощий старик, и есть верховный глава Христианского союза.

После нескольких общих тостов в зале началось оживление. Джэксон с возвышения хорошо видел Риту. Она, счастливая и веселая, упивалась успехом.

Полный джентльмен поднял бокал и, предложив выпить за успех белой расы, повернулся к Сиднею:

– За ваш успех!

К Сиднею потянулись бокалы.

Вскоре верховный глава в сопровождении своих приближенных покинул зал. Норисон ушел вместе с ними.

Начались танцы. Молодежь устремилась в соседний зал. Джэксон попытался предупредить Риту, чтобы она была осторожнее. Но сестра зло сверкнула глазами:

– Не твое дело. У меня своя голова на плечах.

И, положив руку на плечо Блайда, закружилась с ним в вальсе.

Сидней отошел к стойке, уселся на высокий стул. Онпил фруктовый коктейль и смотрел на проплывающие мимо пары. Рядом шумно беседовали подвыпившие джентльмены.

– Клянусь Девой, наша мисс Кальвира купила своему бульдогу бриллиантовый ошейник. Он стоит почти двадцать тысяч долларов.

– Ерунда! Мой дядя закатил званый ужин в шахте, которая дала ему первый миллион, – вот это была сенсация!

Сидевший рядом высокий юноша наклонился к Джэксону.

– Плутократия! Скоро бриллианты жрать станут. А мне еще два года на карачках ползать...

– Вы тоже знаменитость?

– А что прикажете? Если я перестану ползать на четвереньках, то подохну с голоду. А мне еще два года до окончания университета.

Сидней мысленно представил себе этого долговязого парня, бегущего на карачках по грязному полу под свист и улюлюканье

пьяной толпы. И ему стало жаль его.

На следующий день после бала Сидней был снова на ферме и с жаром тренировался. В гимнастике и беге, в прыжках со скакалкой и работе со спортивными снарядами он находил не только удовлетворение, но и внутреннее спокойствие. Тренировочная площадка и помост ринга стали для него тем местом, где он становился самим собой. Тут не нужно глупо улыбаться и заискивать перед теми, кто оценивает тебя, как фермер, покупающий лошадь. Тут если кто-нибудь и рассматривает тебя, то робко стоит в стороне, замороженный силой и ловкостью, следя восхищенным взглядом за каждым движением!

Джэксон недавно прочел биографию механика, который стал автомобильным королем – одним из богатейших людей Америки. Джэксон тоже мечтал о славе и богатстве. В сущности, чем он хуже Форда? Тот сделал бизнес, строя своими руками самокаты – «коляски без лошади», а он, Джэксон, тоже делает своими руками бизнес на ринге. Значит, и у него должен быть свой миллион. Миллион может быть у каждого человека, об этом пишут в журналах и газетах. Он сам видел фотографии преуспевающих американцев, которые в прошлом были бедными.

Правда, он знал человека, чья тропа к миллиону пролегла через ринг, и который так ничего и не добился в жизни. Но при одной мысли о Фиорелло Сидней только грустно улыбался и пожимал плечами. Что может быть общего между ним, любимцем фортуны, и этим типичным неудачником, чья жизнь с самого начала пошла кувырком?

Что же касается второго спарринг-партнера, то о жизни Оргарда Джефриса Сид не знал ничего. Джефрис не любил распространяться о своем прошлом, предоставляя окружающим его людям право удовлетворять любопытство догадками и предположениями. Джэксон не раз задумывался о его судьбе: как же мог бывший чемпион так опуститься и стать «человеком для избиения»?

Спросить Оргарда Сидней не отважился – их отношения были далеко не дружескими. Недавний чемпион держался независимо и

часто подчеркивал свое превосходство. Да и на ринге, несмотря на то, что Сидней был в десять раз сильнее его, Оргард не раз угощал Сиднея неожиданными и коварными ударами. В подобных случаях Боноски останавливал поединок и, медленно повторяя удар, объяснял Сиднею его ошибку и показывал, как лучше и эффективнее защищаться. Когда же удавалось провести удар Оргарду, тот только усмехался и рычал:

– Защищайся! Неужели тебя не учили азбуке бокса?

На самом же деле его удары были не азбукой, а высшей математикой бокса. Когда же тренер требовал медленно повторить удар, Оргард только злился и делал совсем не то.

Джэксон с первых же встреч на ринге раскусил коварство Оргарда и платил ему той же монетой. К концу тренировочного поединка Оргард иногда получал столько, что еле уползал за канаты. Особенно много хлопот доставлял Оргард во время учебных боев, когда отрабатывался тот или иной вариант защиты или тактическая комбинация. Боноски мог сотни раз повторять одно и то же, спокойно, ритмично, постепенно увеличивая темп и силу. Оргард после двух-трех медленных движений увлекался боем и, забывая обо всем, проводил удары в полную силу. Напрасно тренер останавливал поединок и делал ему замечания. Он улыбался, обнажая крупные зубы.

– Бокс – это не балет!

Чем ближе подходило время поединка с чемпионом Соединенных Штатов, тем тверже у Сиднея зрело решение, что после боя он навсегда расстанется с Оргардом. Когда на эту тему он стал говорить с Макссуэллом, тот неопределенно ответил:

– Все зависит от шефа.

Прилив энергии, накапливавшейся в мышцах Джэксона, ощущали на себе спарринг-партнеры. Они стали «слишком быстро» выдыхаться. По просьбе Макссуэлла, шеф прислал еще одного боксера – Дарроу.

Дарроу был типичным «человеком для битья». Он был вынослив, гибок, казался нечувствительным к ударам, словно сделанным из резины. У Дарроу были сильные руки и легкие ноги. Он выходил на помост после Оргарда и Боноски и боксировал четыре раунда. Потом отдыхал и снова работал. Его молодое, но уже огрубевшее лицо с плоским боксерским носом и вспухшими губами хранило следы трудной и опасной профессии.

За неделю до матча Макссуэлл отменил тренировочные бои.

Лето вступало в свои права. С полей доносился аромат цветущих луговых трав. Склоны гор оделись в густую зелень. Зацвели каштаны. Их запах, чуть пряный и медовый, насыщал воздух.

Сидней с удовольствием бродил по узким тропинкам среди леса. Купался два раза в день. Он любил плавать в маленьком уютном водохранилище, образовавшемся благодаря насыпной плотине, на которой была построена небольшая гидростанция.

Но и в воде Сидней подчинял все главной цели – подготовке к решающему матчу. Купаясь, он вел бой с воображаемым противником, отрабатывал удары, особенно боковые и апперкоты, удары снизу. Двигаться в воде было труднее, хотя тело как будто становится легче и послушнее.

Как приятно сознавать свою силу, ощущать каждый мускул, радоваться и наслаждаться своей гибкостью, быстротой, ловкостью и выносливостью! Тот, кто никогда в жизни не занимался спортом, не поймет этих чувств и ощущений, этого вдохновенного сознания полноты жизни!

Тренер следил за тем, чтобы Джэксон реже оставался наедине с самим собой, развлекал его, чем мог, давал читать занимательные книги, старался всеми способами отвлечь мысли боксера от предстоящего матча и добивался того, чтобы Сидней относился к нему, как к обыкновенному рядовому матчу. Все это входило в программу психологической подготовки боксера.

Максуэлл без охоты встретил распоряжение Норисона прибыть в Нью-Йорк за три дня до матча. Не считаясь с мнением и планами антрепренера, он привез Джэксона накануне поединка. А на вопрос патрона, в котором чувствовалось раздражение хозяина, ответил с достоинством специалиста:

– Я делал все так, как надо для победы, мистер Норисон.

ГЛАВА ТРИНАДЦАТАЯ

1

В день национального праздника Рита долго не отходила от зеркала, сменила несколько платьев, пока ее выбор не остановился на серебристо-сером модном костюме. Миссис Джэксон не отходила от дочки, помогая ей собраться.

– Ма, сейчас должен приехать Блайд, – сказала Рита, взглянув на часы. – А я еще туфли не зашнуровала!

Миссис Джэксон открыла нижний ящик гардероба.

– Какие достать? Коричневые?

– Что ты, ма! Только черные.

Через несколько минут Рита была готова к выезду. Но Блайд не являлся. Он где-то задерживался. Рита устроилась у окна.

– Ма, понимаешь, нас пригласил его друг. У него в Нью-Джерси шикарная вилла. Правда, прелестно провести праздник за городом?

Раздался звонок. Рита бросилась открывать дверь. Но это был не Блайд, а молодой негр. Робко улыбаясь, он вежливо спросил:

– Прошу прощения, здесь живет мистер Сидней Джэксон.

– Да. Я его сестра.

– Мэм, я вас сразу узнал, вы стали такой красивой, – негр улыбнулся, обнажая белоснежные зубы. – А вы меня не помните, мэм. Конечно, нет! Меня зовут Роб. Роб Гриберст. Вы со своим братом приезжали к нам, в Гарлем. Помните, мэм? Привезли тогда пять, долларов. Как они намгодились! Моя мама столько раз молилась за вас, мэм, за вашу семью.

Подошла миссис Джэксон. Она пригласила Роба в квартиру.

Негр робко вошел. Он держался застенчиво и постоянно оглядывался, видимо боясь переступить ту незримую заветную черту, которая отделяла белых от чернокожих.

– Мы сейчас все работаем, мэм. Даже младший братишка, он устроился чистильщиком в порту. – Гриберст с нескрываемой радостью рассказывал о своей семье. – Мы с мамой и решили в День национального праздника вернуть вам пять долларов, которые вы так

любезно тогда дали. Большое вам спасибо! Мама передает вам еще этот подарок. Она сама его вышила, мэм.

Роб протянул небольшой сверток. Рита развернула его и не смогла удержаться от восхищения:

– Ах! Какая красивая скатерка!

С улицы слышались продолжительные автомобильные гудки. Настойчивые, требовательные. Миссис Джэксон выглянула в окно.

– Рита, это, кажется, за тобой.

Рита подлетела к зеркалу, поправила прическу, еще раз осмотрела себя и стремительно побежала к выходу.

– Я пошла, мама!

Блайд сидел за рулем в роскошном двухместном «бюике» последней марки. Он небрежно открыл дверцу:

– Ты заставляешь себя ждать. Я полчаса сигналю.

Рита стала оправдываться и рассказала о негре.

– А где этот черномазый? – Лицо Блайда стало жестким.

– Сейчас выйдет. Ты хочешь на него посмотреть?

– Даже больше. Хочу узнать, где он живет.

– Стоит ли тратить праздничное время на такие пустяки?

Когда негр вышел из подъезда, «бюик» медленно двинулся за ним.

Снова отель «Пенсильвания», хорошо знакомый Джэксону. На сей раз Норисон снял фешенебельный номер в пять комнат. На этом восемнадцатом этаже обычно останавливалась богатая публика: крупные коммерсанты, конгрессмены, приезжие банкиры, кинозвезды и прочие знаменитости. Сиднею, уже привыкшему к комфорту, было приятно видеть цветы в дорогих китайских вазах, ходить по толстым мягким коврам, делать на них гимнастику, спать на широкой дорогой кровати.

Утром, в день матча, он проснулся рано. Долго ворочался, пытаясь снова уснуть, но напрасно. Да разве можно уснуть, когда часы с каждой отсчитанной секундой приближают минуту, которой он посвятил свою жизнь?

Джэксон встал, поднял шторы, распахнул форточки, долго и старательно делал гимнастику. Посмотрел на часы и вздохнул: все еще рано, только восемь утра. Подошел к окну. Долго любовался городом. Высокие небоскребы в 28–30 этажей обступают переулки, маленькие площади. Дома громоздятся тесно друг к другу и, кажется, стремятся подняться к небу. Рядом с грубо практичными кирпичными коробками, которые похожи на колоссальные ульи с бесконечным числом сот, поднимаются ослепительно белые здания, украшенные грациозными башнями или тремя-четырьмя красивыми повторяющимися выступами. А в глубине, там и сям, в утренней дымке высятся каменные Эвересты: башенное здание страхового общества «Метрополитен», величественная пирамида компании Банковского треста, многоэтажный Вульворст-билдинг и другие небоскребы, принадлежащие различным компаниям, трестам и синдикатам. Вдали, за зубцами домов, в просветах между ними, синее голубая лента залива, который опоясывает город.

Повсюду, где только возможно, на стенах зданий, крышах, куполах, укреплены рекламные щиты, буквы, цифры, плакаты, сверкают объявления концертных залов, ресторанов, кинематографов, торговых домов.

Пришел Максвелл и принес ворох утренних газет.

– Видел главный приз, который получит победитель?

– Нет, – ответил Сидней.

– Смотри! – Максвелл развернул газету.

– Что-то не похоже на приз, – сказал Сидней, разглядывая снимок продолговатой бумажки.

– Не похоже? – изумился Максвелл. – Прочти подпись.

Джэксон прочел вслух:

– Этот чек, достоинством в пятьдесят тысяч долларов, будет сегодня торжественно вручен лучшему боксеру Соединенных Штатов, победителю матча, – последние слова он произнес шепотом.

– Ну как? – спросил тренер.

Сидней не ответил. Он знал, что со званием чемпиона приходит и слава и богатство, но не предполагал, что сразу получит такую уйму денег. Сумма была сказочно огромна. Что он станет делать? Мысли проносились с лихорадочной быстротой и так явственно, словно этот

чек был не на снимке в газете, а у него в кармане. Поборов волнение, Джэксон постарался сказать как можно безразличнее:

– Это же реклама.

– На сей раз не реклама. Ты знаешь, сколько огребет Норисон и другие устроители матча? Тут, малыш, пахнет цифрами с шестью нолями. Вот послушай, что пишут. – Макссуэлл взял другую газету: – «Все билеты давно проданы, а желающих попасть на самый грандиозный поединок этого года с каждым днем становится все больше. Цена билетов возросла в два-три раза, и их расхватывают у перекупщиков». А еще тотализатор. Ты разве забыл о нем?

Максуэлл листал газеты и в каждой находил статью, репортаж, снимок, посвященные предстоящему поединку. Многие газеты публиковали портреты Сиднея и негра Харвея Таунсенда. Джэксон рассматривал свои изображения. Вот она, известность! Его имя уже повторяют миллионы читателей.

– Прошу прощения, сэр, – в номер, кланяясь, вошел бой в форменном синем костюме. – Прошу прощения, сэр, вам телеграммы и письма.

Он выложил на стол пачку бумажек и конвертов

Максуэлл стал читать письма вслух. Незнакомые люди с разных концов страны поздравляли с национальным праздником боксера Сиднея Джэксона и желали ему победить Харлея Таунсенда. Письма из южных штатов были написаны в темпераментных выражениях, пестрели оскорблениями в адрес «паршивого негра».

– Ого, сам император ку-клукс-клана тебя приветствует! – воскликнул Макссуэлл, распечатывая конверт и вынимая красочно оформленную картинку.

– Какой император?

– Великий Дракон, Маг Невидимой Империи, как они называют свою организацию.

– Выброси в корзину.

– Бросить всегда успеем. Ты вот послушай, что он пишет. – Макссуэлл стал читать. – «Здесь, Вчера. Сегодня и Навсегда! Мчится ку-клукс-клан! Господь посылает нам людей! От имени всех подданных Невидимой Империи приветствую и желаю тебе, белый человек, защитник чистоты расы, успеха и победы над паршивым черным отродьем. Огненный крест и наши сердца с тобой. Помни,

твоими руками господь бог творит праведный суд. Да не обманешь нас в этом!» И подпись: «Его Величество Маг Невидимой Империи».

Сидней вспомнил ночь в городе Джэксоне, огненный крест – и выругался.

– Хотел бы я сейчас встретиться с этим, как его, Великим Драконом на ринге.

– Не советую связываться, – сказал Максуэлл.

3

За час до начала матча они были уже готовы к выходу. Сидней нарядился в новый черный костюм, который ему сшила фирма «Харт, Шеффнер энд Маркос», надел лакированные черные туфли, изготовленные для него «Американ шу компани», надушился новым одеколоном: компания «Проктер энд Грембл» любезно прислала боксеру огромный парфюмерный набор.

Джэксон подошел к зеркалу, критически оглядел себя. Он знал, что, едва покажется в спортзале, сразу попадет под обстрел фотокорреспондентов.

Максуэлл поглядывал на часы. Пора! Снизу позвонили:

– Мистер Джэксон, машина ждет у подъезда.

Через несколько минут шофер Норисона открыл им дверцу роскошного «линкольна»:

– Прошу.

Машина сразу рванула вперед. Развивая скорость, шофер умело лавировал в потоке машин. Но на углу сорок пятой стрит он не рассчитал. Едва успел развернуться, как в «линкольн» врезался спортивный гоночный автомобиль. Все произошло мгновенно.

Оглушительный треск, скрежет... Подброшенный невероятной силой, Джэксон ударился о спинку переднего сиденья...

Он тут же пришел в себя:

– Максуэлл!

Лицо тренера залито кровью. В глазах боль и страх. Он выдавливает из себя:

– Сид... ты цел?

– Кажется...

Шофер безжизненными руками обнимал руль.
К месту аварии уже спешили полицейские. Толпа любопытных окружила машины, на улице образовалась пробка.

Максуэлл вытер ладонью лицо.

– Сид, скорее... а то опоздаешь!..

– Сначала отвезу тебя в больницу. Ты весь в крови.

– Глупости!.. Скорее на матч!

4

Мистер Норисон прибыл в Мэдиссонклуб за полчаса до состязания. К своему удивлению, он узнал, что Сидней все еще не приехал. Норисон позвонил в отель, но к телефону никто не подошел. «Странно, – подумал антрепренер. – Сидней всегда был аккуратен. Видимо, это опять Максуэлл выкинул какой-нибудь трюк. Он вечно лезет со своими советами, не выполняя то, что положено». В последнее время Норисон все чаще и чаще был недоволен работой тренера.

Норисон поднялся наверх и хотел было пройти в ложу, как к нему подошел служащий клуба.

– Прошу прощения, мистер Норисон, на ваше имя поступила телеграмма.

– Давай!

– Она в кабинете управляющего, сэр, – ответил служащий с поклоном. – Извольте пожаловать туда.

В кабинете никого не было. Подойдя к столу, антрепренер распечатал телеграмму. В ней было всего три слова: «Твой козырь бит». Ничего не понимая, но уже предчувствуя что-то неприятное, Норисон проверил адрес. Телеграмма адресована именно ему. Скомкав почтовый бланк, он двинулся к выходу. Дверь оказалась запертой. Он подергал ручку.

– Откройте!

Из-за двери никто не отозвался.

– Что за шутки! – Норисон выругался.

Ответом было молчание. Антрепренер вернулся к столу и нажал кнопку звонка, вызывая секретаря. В ожидании его прихода он уселся

на кресло. Закурил. Прошло минуты две, никто не появился. Он еще несколько раз нажимал на кнопку звонка, но безрезультатно. Тогда антрепренер решил позвонить по телефону. Подняв трубку, он убедился, что телефон отключен. У него тревожно екнуло сердце. Заманили! Вытерев белоснежным платком крупные капли холодного пота, выступившие на лбу и подбородке, Норисон задумался. Потом стал отчаянно барабанить в дверь.

Как все хорошо складывалось! В последних числах апреля у губернатора штата Нью-Йорк состоялось заседание руководителей различных спортивных и молодежных организаций. Обсуждали один вопрос: организация массовых мероприятий в день национального праздника.

Губернатор сказал:

– Неплохо бы еще что-нибудь. Сенсационное и не парадное.

Вот тогда-то и взял слово подготовленный Норисоном верховный глава Христианского союза молодежи. Он предложил устроить матч на звание чемпиона Америки.

– Кстати, тут присутствуют два крупнейших менеджера, мистер Норисон и почтенный Сэмюэль Эсбери.

Норисон и Эсбери, польщенные вниманием, встали и поклонились.

– Прекрасно! – Губернатор радостно хлопнул в ладоши. – Прекрасно! Полагаю, что у джентльменов достаточно высок дух патриотизма, и они понимают значение национального американского праздника.

Норисон, словно подброшенный пружиной, вскочил с места и сделал театральный жест в сторону Эсбери:

– От имени моего боксера Сиднея Джэксона, стопроцентного американца, я вызываю на поединок нынешнего чемпиона Америки негра Харвея Таунсенда.

Сэмюэль почувствовал, что попал в волчий капкан. Ему ничего другого не оставалось сделать, как принять вызов и скрепя сердце под общие аплодисменты пожать руку Норисону.

В перерыве Эсбери увлек Норисона в буфет. Ему не терпелось поставить свои условия. Он стал покровительственно диктовать пункты будущего контракта.

– Вы понимаете, что уступать вам титул чемпиона я не собираюсь. Мы проведем два матча! И мой Харвей позволит один раз победить себя. Для вашего мальчика это будет большая честь.

Норисон выражал смирение и покорность. Он соглашался на все. Однако когда через неделю они встретились вновь для подписания контракта, Эсбери побледнел. В контракте говорилось только об одном поединке. На его недоуменный вопрос Норисон ответил:

– Неужели вы не понимаете? Все ясно, как день. Если победит ваш чернокожий, то второй матч не нужен, на него никто не пойдет. Ну, а если победителем станет стопроцентный американец, у вас есть возможность потребовать реванш.

Сэмюэль вспыхнул. Он изрыгал ругательства. Еще бы, в течение семи лет он держал в своих руках чемпиона и извлекал из него колоссальные барыши! Сколько охотников из числа белых стремились сбить корону чемпиона с чернокожего боксера! Спекулируя на этом ажиотаже и разжигая его, Сэмюэль выбирал своему подопечному слабых противников или заранее обуславливал итоги матча.

– Как, вы уверены, что этот сопляк победит моего тигра? – ревел он.

– Ринг покажет, – ответил Норисон.

Эсбери отказался подписать документ. Он упирался несколько дней, но все же, в конце концов, вынужден был поставить свою подпись. Ведь он дал слово самому губернатору!

Что касается печати, то, конечно не без содействия Норисона, все газеты начали трубить о предстоящем поединке. Подписывая контракт, Сэмюэль злорадно усмехнулся. Норисон не придавал тогда этому особого значения. Только теперь он понял, что ошибся. Эсбери и не думал сдаваться. В то время, как Норисон отчаянно метался по кабинету, Сэмюэль Эсбери спокойно выслушивал сообщение подкупленных гангстеров:

– «Линкольн» вдребезги!.. Нас тоже помяло. Мы еле унесли ноги от полиции.

ГЛАВА ЧЕТЫРНАДЦАТАЯ

Норисон был отрезан от внешнего мира. Он не знал, что происходит за стеной, в огромном зале, заполненном любителями спорта. О чем он думал? Только об одном. Об убытках. Норисон затратил массу денег на то, чтобы устроить матч с чемпионом. Джэксон должен был стать чемпионом Америки и победить нескольких сильнейших боксеров других стран Американского континента и Западной Европы. Еще вчера Норисон подсчитывал огромные доходы от будущих сенсационных матчей, а сегодня – все рухнуло...

Вереницу этих горьких размышлений прервал голос, вдруг раздавшийся из репродуктора, стоявшего рядом с телефоном:

– Внимание, внимание! Леди и джентльмены! Наш микрофон установлен в Мэдиссонклабе, куда собрались тысячи любителей бокса и стянуты значительные силы полиции. Мы начинаем транслировать боксерский поединок между знаменитым стопроцентным американцем Сиднеем Джэксоном и нынешним чемпионом Соединенных Штатов Америки негром Харвеем Таунсендом... Передача организована крупнейшими студиями Манхаттена и Бронкса и транслируется многими радиостанциями Америки.

Уважаемые слушательницы и слушатели! В наш век стремительного роста техники вы уже имеете комфортабельную возможность, сидя дома, знать все величайшие новости. Радио вполне может заменить нудное чтение газет и более подробно рассказать о всех событиях. Не отставайте от своей эпохи, приобретайте радиоприемники «Радио корпорейшен оф Америка».

Итак, мы начинаем! Слушайте наш репортаж крупнейшего спортивного поединка этого года. Репортаж ведет известный спортивный деятель, в недавнем прошлом чемпион по боксу, а ныне почетный член сорока восьми спортивных ассоциаций различных штатов и постоянный председатель Всеамериканской коллегии спортивных судей, мистер Альберт Шуртанг. Пожалуйста, мистер Шуртанг.

– Дорогие сограждане, – раздался глухой голос. – Мне выпала великая честь быть свидетелем этого грандиозного состязания и рассказывать вам о нем. Вы, конечно, знаете, кто такой Харвей Таунсенд. Его противником выступает Сидней Джэксон. Это восходящая звезда и надежда Америки.

До начала матча остались считанные минуты. Вспыхнули прожекторы и осветили ринг. Пол ринга устлан дюймовым слоем резины и покрыт брезентом.

Диктор: – Резина подготовлена фирмой «Гудвир тайр энд риббер компани». Это чудесная резина. Калоши и дождевые плащи, выпускаемые фирмой «Гудвир тайр энд риббер компани», не имеют себе равных.

Шуртанг: – Белоснежные канаты ринга туго натянуты и образуют точный квадрат.

Диктор: – Канаты сделаны фирмой «Стенли энд Рикс». Это чудесные канаты! Они могут выдержать любые грузы. Приобретайте для вашего хозяйства канаты и веревки фирмы «Стэнли энд Рикс».

Шуртанг: – На помост поднимается судья на ринге. Заняли свои места судьи и главный арбитр поединка.

Рефери вызывает претендентов на титул чемпиона. Вы слышите шум в зале? Это приветствуют Харвея Таунсенда. Он проходит по диагонали через ринг и останавливается в своем углу. На нем белый мохнатый халат, белые трусы и белые боксерские ботинки.

Рядом с ним находится его тренер Боб Чинсей, в прошлом знаменитый боксер, и секунданты. Боб что-то говорит Харвею, видимо, напутствие, и тот кивает головой.

Рефери вызывает Сиднея Джэксона. Вы слышите, какая наступила тишина? Сейчас она взорвется аплодисментами. Одну минутку терпения. Вот прошли секунданты Джэксона. Среди них Оргард Джефрис. Вы, конечно, помните это имя. Да, да, это он, знаменитый Кувалда! Если Сидней Джэксон усвоил его боксерские приемы, мы от души будем это приветствовать. Джэксон что-то задерживается. Рефери вторично вызывает его. Молодой спортсмен уже, можно сказать, перехватил все навыки ветеранов. Когда-то и Оргард Джефрис заставлял ждать своего выхода. Потом стремительно появлялся на ринге и так же стремительно разделялся со своими соперниками. Так что задержка Джэксона вполне понятна. Рефери в третий раз

вызывает Сиднея Джэксона. Вы слышите музыкальный звук? Это удар гонга. Нет, матч еще не начался. Это рефери велел засечь время. По правилам соревнования, судья на ринге дает указание засечь время. У Джэксона в запасе есть еще три минуты, т. е. один раунд. Если он за это время не появится на ринге, победителем объявят Харвея Таунсенда. Этому негру здорово везет! Как мне сейчас сообщили, Сиднея еще нет в клубе. Причина столь таинственной задержки нам неизвестна. Закон есть закон. Хотя Таунсенда уже давно можно поздравить с победой, этого мы не делаем. Давайте подождем еще полторы минуты. Всего девяносто секунд отделяют его от триумфа. Это будет его двести шестьдесят восьмая победа. Самый короткий бой в трудной и напряженной жизни чемпиона. Самая, я бы сказал, спокойная победа. Ведь после нее не ждите реванша! Я включил секундомер. Мы обещали вам вести репортаж всех пятнадцати раундов, рассказать о необычайном поединке двух сильнейших людей страны. Однако наши надежды не оправдались. Осталось пятьдесят секунд. Харвей улыбается репортерам и позирует фотографам. Да, теперь уже можно считать его победителем. У этого замечательного боксера много поклонников. Вот один из них, растолкав полицейских, устремляется к рингу. О! Это уже не положено. Вы слышите смех в зале. Это поклонник перепрыгнул через канаты ринга. Конечно, за такую дерзость ему придется расплачиваться. Блюстителю порядка, под хохот зрителей, неуклюже перелез через канаты и, размахивая дубинкой, не спеша направляется к нарушителю. Что это? Извините меня, однако это против правил этики! Подумайте только, этот фанатик бокса сбросил пиджак, швырнул в полицейского свой цилиндр. Уж не думает ли он заменить Сиднея Джэксона? К нему бросился сам Оргард Джефрис. Сейчас он его проучит! Нет, совсем нет! Джефрис оттолкнул полицейского...

Дальнейшие слова радиокomentатора Норисон не разобрал. Его голос потонул в страшном грохоте, который разразился в зале. Словно там взорвалась бомба. Или налетел штормовой ураган. Его гул доносился не только из приемника, а и через стену.

Антрепренер еще больше втянул голову в плечи. Все! Он взглянул на часы и вспыхнул. Как? Еще целых десять секунд до конца раунда?! Это не по правилам! Они не имеют права присуждать победу!

Чем тише становился гул тысячной толпы, тем сильнее негодовал Норисон. Но что он мог предпринять! Даже заявить законный протест, оспорить победу он не имел возможности.

Когда шум стих, снова раздался глухой голос Шуртанга:

– Нет, дорогие слушательницы и слушатели, это не конец. Это начало! Да, да! Вы слышали взрыв аплодисментов, взрыв радости и ликования! Это зрители приветствовали Сиднея Джэксона. Да, да, это именно он. Репортаж только начинается. Сидней Джэксон вышел на ринг. Молодой спортсмен оказался весьма волевым и выдержанным человеком, с чисто американским юмором. Подумайте только, как он красиво разыграл эту комедию! У него, бесспорно, есть талант, и многие кинокомпании сегодня обратили на это внимание.

Норисон размахивал руками, приседал и подпрыгивал, задирает ноги и делал такие «па», что ему мог бы позавидовать любой балетмейстер. Антрепренер прыгал и повторял:

– Молодчина, Сидди! Гип-гип-ура!

– Начинается второй раунд, – раздался голос Шуртинга. – Вы слышали удар гонга? Прошел первый минутный перерыв. Минута – срок слишком малый для того, чтобы подготовиться к поединку. Но Джэксон все же успел раздеться и принять нужный вид.

Итак, второй раунд. Второй для Харвея и первый для Джэксона. Харвей Таунсенд уже имеет один раунд в своем активе. И все очки этого раунда. Не потому ли Сидней Джэксон так энергично пошел в атаку?

Однако Харвей Таунсенд не принял предложенный темп. Он, отстреливаясь одиночными прямыми ударами, отходит, стремительно отходит назад. Он уходит настолько, чтобы кулаки Сиднея не доставали до цели. Какое чувство дистанции! Не зря он считается мастером ринга. Таунсенду не раз приходилось встречать шквал юного задора и ураган молодого темперамента. И, конечно, усмирять их холодом разума и силой заключительных ударов.

Джэксон атакует. Очень бурно и, я бы сказал, нерасчетливо. Зачем столько пыла и даже злости? Молодость, как правило, не умеет смирять свой темперамент, подчинять чувства разуму. Это приходит с годами, когда накапливается опыт.

Бой обостряется! Таунсенд принял темп и вступил в обмен ударами. Оба противника осыпают друг друга сериями отработанных

ударов. Черные перчатки мелькают как молнии. Но что это? Чемпион снова стал отступать? Неужели он отдал инициативу в руки Сиднею? Думаю, что нет. Он просто уступает его темпераменту, дает возможность почувствовать успех и обольститься этим. О, Таунсенд умеет усыпить бдительность! Так и сейчас, он дает своему молодому сопернику вымахаться, растратить пыл и энергию. Обычная тактика тех, кто умеет рассчитывать свои силы и не обманываться в своих возможностях!

Джэксон прекрасен! Он весь горит, увлечен и вдохновлен поединком. Но хватит ли у него энергии, чтобы выдержать до конца? Слишком нерасчетливая растрата. Ведь многие удары не доходят до цели, бьют воздух. Однако те, что доходят, бесспорно, приносят неприятности Харвею. Особенно удары по корпусу. Они подрывают боеспособность и сбивают дыхание.

Джэксон добился своего: он заставил Харвея принять ближний бой! Уклонившись от контратакующих ударов правой, Сидней сделал шаг и сблизился! Оба осыпают друг друга ударами. Руки Харвея работают энергичнее. Его перчатки чаще мелькают в воздухе и записывают очки в свою пользу. Джэксон бьет реже, но точнее. Его удары тяжелы, Харвей не вынес их и сделал отскок назад! Чемпион уступил инициативу!

Сидней не отстает от него ни на шаг. Он непрерывно атакует. Атакует сериями ударов. Харвей отступает. Непонятно отступает. Не похоже, что это чемпион, знаменитый тактик боя. Что с ним? Обычно он отступал так, что центр ринга всегда оставался за его спиной. Всегда в тылу он имел поле для тактического маневра.

Так отступать опасно! Харвей почти все время у канатов. Он скован, и его встречные удары не в силах остановить натиск Джэксона! Если у нашего молодого боксера хватит силы так выдержать до конца поединка, тогда – ура юному темпераменту!

Что, неприятно? Харвей, увернувшись, провел встречный прямой справа. Готов поклясться, что у Джэксона сейчас чертики прыгают в глазах! Но он и вида не подает! Как он бросился вперед!

Вы бы посмотрели на этот вихрь ударов! И все точные, быстрые, отработанные. Неповторимое зрелище! Два бойца, два виртуоза кулачных поединков, демонстрируют свое умение. Силу, ловкость и красоту!

Время второго раунда истекает. – Бесспорно, раунд принадлежит Сиднею Джэксону. Мы с вами будем вести счет. Приготовьте карандаш и листочки бумаги. Запишите каждому по раунду.

Простите, на ринге снова острое положение! Джэксон точными ударами заставил Харвея отступить, отступить в угол! Может быть, чемпион что-нибудь задумал? Приготовил тактический сюрприз? Хочет заманить молодого и сразу же сокрушить его?

Нет, что-то не похоже на это. Харвей, непобедимый Харвей, вынужден защищаться. Он в глухой защите!

Джэксон бьет. Бьет беспрерывно... Удар... Еще один! Судья разнимает их. Вы слышите? Это рефери дал команду «Брэк!» Бойцы отступили по шагу назад, вернее, шаг сделал только Джэксон, а Харвей откинулся назад и за счет силы спружинившего каната стремительно кинулся на Джэксона. Негр умеет атаковать!

О, как красиво! Это Джэксон нырнул, присел под летящий прямо ему в голову кулак Харвея. Публика справедливо наградила его аплодисментами. И в этом положении он нанес удар! Харвей падает! Чемпион на полу...

Как это произошло? Мгновенно. Джэксон, словно спущенная пружина, стремительно приподнялся и с поворотом корпуса ударил снизу вверх. Изумительный удар!

Рефери взмахнул рукой. Вы слышите его голос? Он сказал: «Раз!» Это начало счета... Сидней, не оглядываясь, направился в нейтральный угол. Рефери снова взмахнул рукой и сказал: «Два!» Харвей лежит на спине. Он даже не шевелится. Вы слышите, как стало тихо? Мой помощник поднес микрофон к рингу. Я его включаю. Слушайте ринг! Слушайте голос судьи!

– Пять... шесть... семь...

– Неужели нокаут? Такого еще не бывало на чемпионате за последние десять лет!

– Восемь... девять... аут!

Вы слышали слово «аут!» Это победа! Что творится в зале, я не могу рассказать! Судья на ринге подбежал к Джэксону и поднял его руку. Руку нового чемпиона!

Наконец, мы можем поздравить друг друга с замечательным подарком, который преподнес нам Сидней Джэксон! Корона чемпиона на светлой голове белокожего. Да здравствует наша нация, самая

сильная и энергичная! Ура молодому чемпиону, нашей гордости и нашей славе!

Диктор: – Леди и джентльмены! Харвей Таунсенд на полу. Корреспонденты торопливо щелкают фотоаппаратами. Они фотографируют подошвы боксерских ботинок Харвея. Да, да! Подошвы. На них четкая надпись: «Употребляйте виски „Кэри Пэйн“!.. Публика в восторге! Но как можно считать восторг полным без полного стакана виски „Кэри Пэйн“? „Кэри Пэйн“ освежает, бодрит, вызывает благородные мысли и пробуждает высокие чувства! „Кэри Пэйн“ – король виски! Им гордится наша нация! Статистика говорит, что виски „Кэри Пэйн“ – самое популярное и самое ходовое. Его пьют во всем мире!

Норисон вскочил и кинулся к двери. Он должен находиться там, в зале! Антрепренер приготовился барабанить в дверь до тех пор, пока ее не откроют. Однако дверь оказалась открытой. Норисон, навалившись на нее, потерял равновесие и чуть не упал.

Выскочив в коридор, он устремился в зал. Но его поглотила бушующая толпа, которая плыла к выходу.

ГЛАВА ПЯТНАДЦАТАЯ

1

Сидней проснулся от продолжительного звонка. Кто-то настойчиво требовал впустить. Нужно встать и открыть дверь. Но ничего этого делать не хотелось. Даже открывать глаза. Он все еще был во власти сна. Сна, похожего на действительность, или действительности, похожей на сон.

Слишком много впечатлений за один день! Он пережил трагедию автомобильной катастрофы, отчаянно боролся за свое право добиться успеха, узнал опьяняющую радость взлета и славы.

Джэксон закрыл глаза. Попытался снова вернуться в сон, в сказку, в недавнюю действительность. Но не получилось. Он уже окончательно проснулся. Приятная легкая истома, которая наполняла тело и заставляла звучать каждую струнку души, исчезла, испарилась, как туман с появлением солнца.

За окном был уже день. Пасмурный, дождливый. Совсем обычный. Словно ничего и не происходило. Никаких следов от недавнего. Нет, следы есть. От большого пальца левой руки идет тягучая боль. Она разливается по всей руке. Джэксон осмотрел палец, осторожно ощупал его. Палец опух.

– Обыкновенный вывих, – заключил он осмотр. – Надо показать врачу. – И тут же отказался от этой мысли. К врачу нельзя. Никто не должен знать о его травме. Ведь кулаки – это его оружие! А ему предстоят встречи на ринге, бои. Надо принимать меры самостоятельно.

Джэксон вспомнил, что в таких случаях Максвелл советовал делать глубокое прогревание парафиновой ванной. А где сейчас взять парафин?

Сидней направился в ванную и открыл кран с горячей водой. Сунул кисть под струю. Но долго держать не смог. Вода обжигала.

Когда же он вывихнул палец? Во время аварии, когда стукнулся о переднее сиденье? Возможно, там, возможно, и нет.

Боль он почувствовал на ринге. Когда Оргард стал торопливо бинтовать кисти и натягивать перчатки. Сидней вспомнил, как он стиснул зубы, чтобы не вскрикнуть. Он только выругался, крепко, как грузчик в порту. Неужели эта случайная травма отнимет у него то, к чему он стремился всю жизнь?

Оргард ничего не мог посоветовать. Был бы Максуэлл, спокойный и рассудительный Мики Кайт, тот нашел бы выход. Ведь не зря же его когда-то называли «профессором бокса».

Перед Сидом встала трудная задача: как с одним здоровым кулаком добиться победы? Отступить Джэксон не был намерен. Выходить на ринг только для того, чтобы уступить победу, он не хотел. Нет, Сидней жаждал победы.

Когда раздался звук гонга, известивший о начале поединка, у Джэксона уже созрел план. Он не был похож на тот, который был разработан накануне и отработан до деталей. Это был новый план. Дерзкий и опасный. Он зиждился на шаткой основе: на стратегической внезапности. Джэксон делал ставку только на одну руку: или – или... Конечно, так поступать было слишком рискованно, даже опрометчиво. Как злорадно усмехались глаза Таунсенда! Опытный боец сразу раскусил его. Может быть, не до конца, но все же правильно оценил главное. Он усмехался, а его выпуклые глаза как бы говорили: «Давай, давай, жми! Посмотрим через десять раундов. Надолго ли тебя хватит?!»

Харвей маневрировал. Как он маневрировал! Дразнил, заманивал, поддаваясь, и в последний момент, когда Сидней бросался в атаку, ускользал, как ящерица, которую хотят ухватить за хвост. Но Джэксон оставался неумолимым. Он не обольщался соблазнами, не терял самообладания и все время стремился к одному: заставить чемпиона принять ближний бой. Стремясь к сближению, он весь огонь атаки направлял в голову противника, пристально следя за его корпусом. Едва Харвей ослаблял защиту, едва появлялась возможность провести удар, Сидней бил. Эти редкие, но ощутимые удары в корпус помогли Джэксону принудить противника сблизиться. Тот надеялся найти в ближнем бою отдых. Но не тут-то было!

Вспомнив так быстро наступивший финал, Джэксон не удержался, чтобы не повторить удар, который принес славу и счастье. Он вынул руку из-под горячей струи. Вспухший палец и вся кисть

покраснели. Сидней осторожно сжал кулак и стал в боевую позицию перед зеркалом. Мысленно представил атакующего противника. Потом присел и, распрямляясь, сделал удар по предполагаемому подбородку Харвея. Здорово получается!

Он повторил несколько раз прием. Жаль, очень жаль, что Максвелл не был на матче, не видел боя. Тренер был единственным, кто мог по достоинству оценить его победу.

Но где сейчас находится тренер? Сидней помнил, как они расстались в машине. Где его искать? В какой больнице?

2

Норисон пришел торжественный, в черном костюме и, важно сняв шляпу, галантно раскланялся.

– Честь имею приветствовать нового чемпиона Америки!

– Спасибо, мистер Норисон! – ответил Сидней. – У вас здорово получается, как у настоящих дипломатов.

– Молодец! Порадовал меня и всю Америку! Дай обниму, – антрепренер обнял боксера, похлопал ладонью по его мускулистой спине. – Фортуна нам улыбается!

– Как солнце! – поддакнул Сидней. – Очень хорошо!

– У тебя особенно! – Норисон отстранился и ласково сощурил глаза.

– Где сейчас Максвелл?

– Зачем он тебе?

– Я не видел его со вчерашнего дня, – Сидней рассказал обо всем, что произошло. – Жив ли он?

– Конечно, жив! Правда, его немного помяли, сломали ребра, и, кажется, ключицу.

– Это была не случайная авария!

– Ты думаешь, им зря платили доллары? Такие молодчики умеют работать! Что же касается Максвелла, то не тревожься. Я обо всем позаботился. Он находится в приличной больнице, его лечат. И он скоро снова будет тренировать малышей.

– Малышей? Почему малышей? – Сидней насупился. В словах Норисона он почувствовал что-то недоброе. – Ведь Максвелл меня

тренирует.

– Тренировал.

Джэксон с недоумением посмотрел на антрепренера.

– Я что-то не понимаю.

– Тут понимать нечего. Тебе просто невыгодно содержать такой большой штат: тренера, спарринг-партнеров. Это слишком дорого обходится. Хватит и одного Оргарда. У него есть имя, и он недорого стоит.

Спокойный тон Норисона, его коммерческий подход к делу не сразу дошли до сознания Сидней.

– Мне? Невыгодно? – Сидней явно не понимал своего шефа.

– Неужели ты думал, что им платили из государственной казны? – Лицо антрепренера уже не улыбалось. Оно стало жестким. – Все расходы производились от твоего имени. С самого начала, в течение ряда лет.

Джэксон беспомощно развел руками. Слова Норисона были словно камни.

– Но у меня... вы же знаете, – Сидней запнулся.

– Конечно, я знал, что у тебя нет ни цента! – Норисон прошелся по гостинной походкой победителя. – Но я знал и другое, знал, что они будут! Будут! Я поверил в тебя. И открыл тебе неограниченный кредит. Не жалел долларов для твоего совершенства. Это был риск, это был страшный риск. В случае краха, неудачи я мог бы разориться, вылететь в трубу. Ты понимаешь? Но я верил, верил, несмотря ни на что! И вчера, наконец, убедился в своей правоте. Ты оправдал доверие!

Джэксон попытался улыбнуться. Конечно, шеф прав. Все успехи достигнуты благодаря его стараниям, благодаря его деньгам.

– Я благодарен вам, мистер Норисон, – сказал Сидней, – за все, за все...

– Я горжусь тобой, мальчик, и благодарности не требую. Таков уж наш долг, любителей спорта.

– Что же тогда мне делать?

– Сначала мы займемся немного бухгалтерией, – Норисон расстегнул свою объемистую папку и вытащил плотную пачку листов. – Скучной бухгалтерией. Надеюсь, ты еще не забыл четырех действий арифметики?

– А потом? – Сидней беспокоился не о прошлом, а о будущем.

– Потом? – Норисон скроил улыбку и покровительственно хлопнул по плечу. – Потом будем продолжать начатое дело. Мы с тобой компаньоны одной фирмы. Оба работаем. Ты на ринге, я за рингом. Ты побеждаешь, я организую матчи. Как видишь, наша фирма весьма доходное предприятие.

– Давайте счета, – как можно спокойнее сказал Джэксон.

– Вот это деловой вопрос! Вопрос настоящего взрослого американца. Правильно, Сид, деньги любят счет! – Норисон протянул пачку бумаг. – Ознакомься. Пусть тебя не пугают цифры! Я все сразу не требую, будешь возмещать по возможности, по частям. Мы оба христиане и должны помогать друг другу. Мне не нужно процентов. Только возмещение расходов! Я стараюсь во имя славы Соединенных Штатов. Бокс – это моя слабость, я хочу, чтобы американские боксеры были самыми сильными в мире. Ради этой высокой цели я готов пожертвовать собой.

Сидней взял пачку бумаг и уселся в кресло. Стал читать. Это были счета, вернее, копии счетов. «Предусмотрителен, – подумал боксер, – такой не доверяет сам себе».

Джэксон смотрел на цифры, перелистывал страницы и удивлялся своей расточительности. Как он раньше об этом не подумал? Счета были аккуратно перепечатаны, и каждая цифра воскрешала в его памяти прожитые дни, радости, печали, успехи. Джэксон как бы смотрел сам на себя глазами финансиста, оценивал свои поступки и действия, видел оправданные и неоправданные затраты и расходы.

Норисона нельзя было упрекнуть в неточности. В счетах было все: плата за квартиру и расходы на поездки по стране, заработная плата тренеру и гонорар спортивным журналистам, счет чикагского шофера такси и счета фешенебельных гостиниц, расходы, связанные с пребыванием на ферме, и ежемесячные ассигнования матери, содержание спарринг-партнеров и подарки соответствующим должностным лицам, принявшим участие в организации матча с Таунсендом, оплата тайных агентов, разыскавших Иллая после первомайской демонстрации, и крупные взятки полицейским чинам, личные карманные деньги боксера и рождественские подарки.

Приложила руку и Рита. Теперь Сидней понял, откуда она черпала доллары на свои изысканные наряды и туалеты. Жизнь последних лет день за днем, месяц за месяцем встала перед ним длинными списками

счетов, превратилась в цифры. Оказывается, все имело цену. Каждый шаг, каждое движение.

Джэксон терпеливо дочитал до конца. Затаив дыхание, перевернул последнюю страницу. Он ждал последнего удара – итоговой цифры. Так подсудимый читает последний раздел приговора. Итоговая сумма выражалась шестизначной цифрой. Он смотрел не сумму и видел не арифметические знаки, не цифры и ноли, а цепи. Тяжелые цепи, которые опутали его.

– Я сразу не в силах погасить весь долг, мистер Норисон.

– Что ты, Сидди! Ведь я и не настаиваю, – поспешил заверить антрепренер. – Будешь погашать постепенно. От каждого матча. Теперь у тебя есть имя и повсюду открыт кредит.

– Вот получите, – Сидней достал чековую книжку и выписал свой первый чек. – Я хочу скорее рассчитаться.

Норисон ушел и унес с собой четыре пятых его состояния. Джэксон утешал себя мыслью, что все еще впереди. По существу состоялся только один настоящий поединок. Если так дальше пойдет, он скоро возвратит Норисону долг и станет свободным. Тогда все деньги будут его.

Уходя, Норисон предупредил:

– Тебя приглашает верховный глава Христианского союза молодежи. Они там готовятся тебя чествовать. Заеду за тобой в шесть вечера. Будь готов.

– Постараюсь, – ответил Джэксон. – Меня ждут дома, и надо навестить Максвелла.

– Передай ему привет. Пусть поправляется старина. А за тобой я заеду прямо домой. Договорились?

Дома был праздник. У подъезда ждала толпа. Едва он вышел из машины, как его подхватили на руки и понесли. Повсюду раздавались крики «ура!» Соседи, знакомые, рабочие химического завода, мастера из мастерской Олт-Гайтмана, товарищи по школе – в общем, все, кто знал и не знал его, но жил поблизости, собрались у его дома,

заполнили лестничные пролеты, набились в квартиру. К нему тянулись десятки рук, со всех сторон летели приветствия и поздравления.

Сидней не ожидал такого приема. Он и не предполагал, что слава так шумна. Смущенный и гордый, он не знал, как себя вести. Наконец он протиснулся к своим. Он увидел миссис Джэксон.

– Мама!

Перед миссис Джэксон расступились. Она была в праздничной синей кофте и шерстяной юбке. Глаза ее улыбались, и вся она, казалось, светилась радостью и тревогой. Сидней подошел к ней:

– Здравствуй, мама.

– Здравствуй, мой мальчик, – ответила миссис Джэксон и обняла сына.

Она уткнулась ему в грудь, и он впервые почувствовал, какая она худенькая и слабая. Маленькие плечи женщины дрогнули. Сидней нагнулся и поцеловал ее в щеки.

– Не плачь, мама.

– Я от радости, мой мальчик...

Потом она провела ладонью по его волосам, погладила и спросила:

– Как ты себя чувствуешь?

– Отлично, мама.

– Тебе было там... не больно?

Он улыбнулся и отрицательно замотал головой.

– Честное слово? – допытывалась мать.

– Честное слово!

В словах сына звучала такая уверенность, он сам был так полон счастья, что она поверила. И вздохнула:

– Как жаль, что отец тебя не видит. Луи всегда гордился своими сыновьями, – она вытерла слезу. – Дай бог тебе счастья, мой мальчик! Трудная у тебя профессия, ох, трудная...

– Поздравляю тебя, братишка, – Иллай крепко обнял Сида. – Все рабочие завода гордятся тобой. Ты молодец!

Сидней давно ждал этой минуты. Наконец-то Иллай признал его правоту, правильность выбранного им жизненного пути! И не только признал, он еще и восхищается, гордится им. Вот что значит стать чемпионом!

Рита повисла на шее брата и осыпала его поцелуями.

– Миленький Сидди! Как я рада! Как рада!

Морис Рэнди, старый товарищ отца, долго тряс руку Сиднею, говорил «спасибо» и «надо это дело вспрыснуть». По его покрасневшим глазам было видно, что старик хватил добрую кварту еще до встречи. Его сын Жак, такой же высокий, костистый, хлопал Джэксона по плечу, всячески показывал окружающим, что они с Сидом – друзья детства. Френк тянулся через головы людей, приветствуя и поздравляя. Френк, конечно, пришел не столько из-за Сида, сколько из-за Риты. Но та даже не смотрела в его сторону.

– Прошу внимания, леди и джентльмены! Тише! – Это кричал Блайд, который исполнял роль руководителя торжества.

Когда установилась относительная тишина, Блайд приосанился и сказал:

– Все мы, жители Бронкса, приглашаем Сиднея Джэксона и его семью на торжественный обед, устроенный в честь нового чемпиона Соединенных Штатов! Леди и джентльмены, прошу в Ридженклуб!

– Ура! – заревел Морис Рэнди и подкинул свою шляпу.

Все шумно устремились к выходу. Сидней тоже направился к дверям, но тут за него уцепилась Рита.

– Миленький Сидди! Только на одну минутку. Очень важное дело!

Она потащила его в свою спальню. Там уже находилась мать. Рита, не теряя драгоценного времени, сразу захватила инициативу в свои цепкие ручки.

– Мне нужно три тысячи. Пока у тебя есть деньги. Мне срочно необходимо купить модную шубку и переменить гардероб. Не могу же я быть все время в одном и том же! На меня смотрят как на сестру чемпиона.

– Столько не могу, – Сидней приготовился отражать атаку.

– Не можешь? Получил пятьдесят тысяч и сестре жалеешь несчастные центы? У тебя нет никого, кто бы так нуждался, как я! – Рита атаковала. Она была полна решимости получить свою долю. – Я же не прошу десять тысяч, хотя и должна была бы их требовать. Я прошу всего лишь три тысячи, и ты... ты...

Она уже рыдала.

– Рите пора замуж, но найти порядочного жениха трудно, – сказала миссис Джэксон. – Ты должен ей помочь, мой мальчик. Бог вознаградит тебя за твою щедрость.

Сидней хотел было возмущаться, доказывать, спорить. Ведь у него нет пятидесяти тысяч! Нет. Но он понял, что ему все равно не поверят. И он после некоторого колебания вытащил банковскую книжку и выписал чек.

Рита осыпала его поцелуями, оставляя на щеках следы губной помады, и спрятала чек в свою сумочку.

Сидней взглянул на мать. Она ничего не просила. Джэксон выругал себя за забывчивость. Ведь маме нужно было привезти хоть какой-нибудь подарок! Сын, такой знаменитый сын, пришел с пустыми руками. Боксер снова поставил свою подпись.

– Мама, вот тебе от меня.

– Зачем мне столько, мой мальчик? – сказала она, – Целых три тысячи!

– Бери, мама, это тебе мой подарок.

– За всю жизнь никогда не держала в руках чека на такую уйму денег. И отец твой тоже...

– Ничего, мама, придет время, будем иметь еще больше!

– Помоги бог, мой мальчик. Помоги бог!

Доллары улетели из его карманов, словно стая выпущенных воробьев. Быстро и в разные стороны. С легкой руки Норисона, к утру следующего дня у него от состояния не осталось ничего, если не считать воспоминаний и корешков чеков. Каждый, по-видимому, считал, что парню здорово повезло, что с неба ему в руки свалилось огромное богатство, и стремился урвать из этой суммы свою долю.

Шествие просителей в Ридженклабе открыл настоятель местной церкви. Он подарил чемпиону библию, книгу «Религия и здоровье» и несколько брошюр религиозного содержания. Пастор произнес большую речь, закончив ее обращением к Сиднею Джэксону:

– Сын мой, помни, что тот, кто смирил свой дух, сильнее тех, кто покорил царства!

После этой речи ему пришлось отвалить триста долларов «на благоустройство церкви». Потом были члены местного спортивного клуба, делегация учеников той школы, в которой он учился,

организаторы озеленения рабочего района, представители местного отделения общества помощи бедным, комитет содействия просвещению и другие благотворительные организации.

Те, кто не мог претендовать на доллары, старались урвать хоть кусочки славы. Слава тоже приносит деньги. Лысый парикмахер, тот самый, который не раз насмехался над Джэксоном, когда он тренировался на тротуаре, теперь торжественно заявил, что готов брить и стричь чемпиона бесплатно, и просил Сиднея навещать именно его парикмахерскую. Бакалейщики и зеленщики объявили, что отныне будут снабжать дом чемпиона продуктами и овощами.

– Специально для Сиднея Джэксона!

А грузный владелец пивного бара сказал:

– Сиднею Джэксону ежедневно до самой смерти будет кружка лучшего пива, стаканчик виски и обед по выбору. Не забывай нас, Сидней, мы рады тебя видеть каждый день в нашем зале!

Даже Кэтинг, старая скряга, которая когда-то не отпускала в долг, теперь расщедрилась и увивалась вокруг миссис Джэксон.

Сидней смотрел на лавочников, местных коммерсантов и понимал тайный смысл их показной доброты и патриотичности. Они заботились не о благополучии Джэксонов, а о своих доходах. Имя чемпиона Америки – хорошая реклама.

То же самое происходило и на приеме у верховного главы Христианского союза молодежи. Только там речи были цветистее, манеры – изысканнее, маскировка – тоньше.

Поздно вечером Норисон повез Джэксона в фешенебельный ресторан отеля «Астория», где организовали ужин для спортивных журналистов. И снова Сиднею пришлось выписывать чеки.

После шумного дня и такого же вечера Сидней с больной головой и опустошенным карманом вернулся в свой номер гостиницы. Он долго не мог заснуть. Неужели и дальше так будут улетать доллары, заработанные с таким великим трудом?

К рассвету он пришел к выводу, что богатым человеком быть очень трудно: надо все время находиться на страже и постоянно бить по рукам, которые со всех сторон тянутся к твоему кошельку.

Сидней принял твердое решение: надо копить деньги. «Сначала разделаюсь с долгами, расплачусь с Норисоном, – думал он, – потом

буду от каждого поединка откладывать определенную сумму, чтобы не быть нищим, когда уйдут молодость и сила».

Джэксон вытащил свою чековую книжку. Перелистал корешки, подсчитал. В его распоряжении оставалось чуть больше тысячи ста долларов.

«Что бы ни было, – сказал он сам себе, – пусть даже сам президент будет просить, эту тысячу – никому. Она должна стать основой».

5

Однако и этой последней тысяче долларов не суждено было задержаться в кармане Сиднея Джэксона. Утром он побывал в больнице, посетил Максвелла. Когда переступил порог палаты, сердце защемило от боли.

Тренер лежал на кровати, и вся голова и грудь его были забинтованы. Темнели только глаза. Он лежал без движения. Рядом с кроватью, сжав ладонями лицо, сидела молодая женщина. Услышав шаги, она порывисто встала и умоляюще подняла руки:

– Мики только уснул... Всю ночь метался... Прошу вас...

По тому, как она назвала Максвелла, и страдальческому выражению ее лица Сидней понял, что она тут не посторонняя. Максвелл никогда не говорил о том, что у него есть близкий человек. Сидней думал, что он закоренелый холостяк, далекий от женщин.

Когда они вышли в просторный коридор, Сидней тихо спросил:

– Что у него?

Женщина не ответила. Она прошла вперед, и устало опустилась в одно из глубоких кресел, которые стояли у раскрытого окна. Сидней сел напротив.

– Что с ним?

– Плохо. Сделали три операции и одну пластическую... Перелом ключицы... трещина в бедре... Она поспешно закрыла лицо руками. – Бедный Мики!.. За что так?..

Ее плечи вздрагивали и слезы катились между пальцами. Сидней кусал губы. Все это из-за него, из-за Джэксона. Так говорила совесть.

– Простите меня, но я не могу сдерживаться... – Она, успокоившись, вытерла платочком глаза. – Первую ночь Мики был без сознания. Он все время порывался вскочить и кричал: «Сидней, беги!»

Сидней вздохнул. Наступило неловкое молчание.

– Это уже второй раз... – снова заговорила женщина. – Тогда тоже так было... Почти двадцать лет прошло!.. Вы помните у Мики шрам на лбу?

– Да, над левым глазом.

– Он вам рассказывал его историю?

Сидней отрицательно покачал головой.

– Это похоже на Мики, – сказала женщина, – он всегда так. Скорее будет говорить о других, а о себе ни слова... Он вас так любит! Как сына, которого у него никогда не было, и которого так хотел!.. И я тоже. Мы любили друг друга. Готовились к свадьбе, которая так и не состоялась. – Она поспешно вытерла набежавшие слезы. – Простите. Не могу сдержаться. Двадцать лет! Ожидания и надежды... Это выше человеческих сил. Жизнь прошла мимо... Тогда Мики был молодым и самоуверенным. Он был главным претендентом на титул чемпиона. О нем писали все газеты. Называли «профессором ринга». Накануне матча Мики провожал меня. У подъезда оказались разбитыми фонари. Когда мы подошли ближе, на нас напали. Мы даже не успели разнять руки. Мне накинули на голову какой-то мешок и больно стукнули в затылок... Больше я ничего не помню. Когда пришла в себя, увидела, что лежу на лестничной площадке. Я дрожала от холода, страшно болела голова... Открыла глаза – и чуть снова не лишилась чувств. Мики, мой Мики, лежал рядом в разорванной одежде, голова в крови... Как потом выяснилось, когда он сопротивлялся, ему проббили голову и сломали кость предплечья. Он первым пришел в себя. Поднял меня здоровой рукой и понес по лестнице домой. Не доходя один этаж, бедный Мики свалился от потери крови...

– А потом?

– Потом? Потом больше ничего не было. Когда Мики вышел из больницы, боксировать он уже не мог. На лечение ушло все, что было. Долго ходил без работы, пока его согласились взять тренером. Я изучила стенографию. Но наши заработки были очень бедными. Поэтому мы жили врозь, ожидая лучших дней. У нас не было средств снять даже комнату. Я живу у тетки. Редкие встречи, надежды.

Постоянная боязнь иметь ребенка, о котором мы все годы мечтали, как о несбыточном счастье. Не жизнь, а пытка! Потом вот вы. Только из-за вас он пошел к Норисону. Он хотел уберечь вас. Хотел, чтобы вы добились того, что ему не удалось. Доказать, что можно быть честным чемпионом.

– И я добился этого.

– А паутина Норисона? Вы разорвали ее?

Сидней не ответил. Вопрос сложный. Тут еще надо разобраться самому. Джэксон вспомнил о своем разговоре с Норисоном, о счетах. Возможно, эта подруга Максвелла права. Ведь шеф уже взял четыре пятых его состояния! Но тут же другой голос стал возражать. А не Норисон ли все эти годы содержал его и всю семью, платил тренерам и тратил доллары на рекламу? Сидней перевел разговор на другую тему.

– Вы уплатили за операцию и больницу?

Она отрицательно покачала головой. Потом, закурив, сказала:

– Норисон обещал все расходы взять на себя. Ему трудно верить, но тут он, видимо, постарается показать себя джентльменом. Он не захочет портить свою репутацию.

Сидней вытащил чековую книжку и выписал на имя Максвелла последнюю тысячу долларов. Он догадывался, что, если эта женщина узнает о том, что он отдает последнее, она ни за что не примет помощи. Поэтому Сидней постарался изобразить человека, у которого есть еще на одна тысяча.

– Не жалейте денег, берите все самое лучшее. Максвелл должен встать на ноги, и как можно скорее.

– Спасибо, – тихо сказала женщина и взяла чек.

Джэксон ушел из больницы подавленный и расстроенный. Судьба тренера, его жизнь встали перед ним во всей своей страшной трагичности и обреченности. Он не сказал ей, что Максвелл уже уволен Норисоном. Он не мог нанести ей такой удар.

ГЛАВА ШЕСТНАДЦАТАЯ

1

Едва Джэксон вернулся в гостиницу, как его окружили представители различных фирм и компаний. Все они обращались с одной просьбой: разрешить использовать имя чемпиона для рекламы своих товаров.

Работа закипела. Норисон подписывал договоры, а Сидней позировал перед фотографами в модных свитерах, чистил зубы новой пастой, намыливал лицо душистым мылом, примерял носки, шнуровал туфли, надевал рубашки, вдевал запонки, пил фруктовые соки и ел пирожные.

Когда, наконец, все ушли, Норисон торжествующе похлопал Джэксона по плечу:

– Завтра на твой счет начнут поступать деньги. Это только начало. Крупные фирмы еще впереди.

– Я готов так работать целые сутки, – улыбнулся Джэксон.

– А теперь больше никого не принимай, – Норисон собрал бумаги со стола и засунул в свою объемистую кожаную папку. – Тебе надо отдохнуть, а меня ждут менажеры. Понимаешь, сразу чуть ли не все средневесы желают сразиться с тобой! Я приду к вечеру. Ужинать будем вместе.

Норисон ушел.

Сидней улегся на диван. Закрыв глаза. Сложные чувства тревожили его. С одной стороны – радость. Наконец-то он добился своего! С другой стороны – какая-то пустота, неудовлетворенность.

Джэксон встал, подошел к письменному столу. Развернул газеты. Крикливые заголовки, крупные фотографии. Все о нем, о новом чемпионе Соединенных Штатов. Сидней листал страницы. В каждой газете на первой полосе помещен его портрет.

Только одна, рабочая, газета поместила отчет о боксерском поединке на второй странице. На первой полосе эта газета опубликовала фотографию повешенного негра.

Джэксон прочел заголовок: «Ку-клукс-клан снова поднимает голову». Под фотографией сообщалось, что на второй день Национального праздника в штате Нью-Джерси расисты в белых балахонах линчевали молодого негра Роба Гриберста. Его вина заключалась лишь в том, что он вошел в дом к белым и разговаривал с белой девушкой.

Сидней долго смотрел на фотографию. Имя негра показалось ему знакомым. Боксер напрягал память. Когда они встречались? Где?

Но так и не вспомнил.

2

Норисон спешил – пришло время сбора урожая! Он заключал один контракт за другим, и через несколько дней после матча Сидней Джэксон имел уже твердое расписание боев почти на год вперед. Сэмюэль Эсбери лез вон из кожи, чтобы принудить Норисона подписать договор на матч-реванш, но у него ничего не получалось. Норисон не отказывал, однако и не давал согласия.

– Ваш чернокожий – неплохой боец, но для Джэксона он слабоват, – отвечал Норисон, – пусть он потренируется, поднаберет силенок. Да к тому же у нас все время уже распланировано. К разговору о реванше мы сможем приступить не раньше чем через полтора года. Желаю вам удачи, мистер Эсбери!

Сэмюэль злился, но внешне сохранял спокойствие. Он еще надеялся перехитрить Норисона и отплатить ему сполна.

Через неделю Сидней уже уехал в Канаду, имея в кармане заграничный паспорт. На просьбы дать ему возможность подлечить палец Норисон только улыбался и покровительственно хлопал по плечу:

– Время – деньги, пора понять это, мальчик!

В крупнейшем городе Монреале, который в два раза больше столицы Канады, состоялся матч с мексиканским боксером Дильгадо.

«Дильгадо» по-испански означает худой. Но мексиканец оказался довольно плотным, даже квадратным парнем с щуплым лицом и маленькими плутоватыми глазками.

В первых же раундах он оказал яростное сопротивление и, завоевав, таким образом, симпатии зрителей, напоролся на встречный удар Джэксона. Удар, как считал сам Сидней, был средним, не нокаутирующим. Однако мексиканец так и не поднялся до окончания счета.

У Джэксона закралось подозрение. Не симулирует ли Хуан Дильгадо? Когда Сидней спросил об этом у Норисона, тот не стал играть в прятки.

– Я не намерен рисковать безупречной славой американских чемпионов.

– Выходит, я победил... – Джэксон глотнул воздух и, заливаясь краской стыда, закончил шопотом: – Победил нечестно?!

– Твои победы не вызывают ни у кого сомнения, особенно после Чикаго и поединка с Харлеем. Ты в десятки раз сильнее этого паршивого краснокожего! Но у тебя болит палец, и я не могу рисковать. Ведь у нас впереди ещё столько поединков!

– Значит, он вел бой нечестно!?

– Он честно получил свои доллары. А доллары на дорогах не валяются.

– Значит, он получил не за честный труд боксера?

– В наш век, мальчик, труд стал слишком малоодоходным источником существования.

Джэксон вспылел. Слова Норисона звучали как пощечина. Хватит! Он зло посмотрел на шефа.

– В таком случае я... я больше не позволю себя дурачить!

Норисон усмехнулся.

– А что станешь делать?

Решение возникло моментально:

– Прекращу турне.

– Нет, ты будешь боксировать, – твердо сказал шеф.

– В таком случае это был мой последний поединок!

Норисон даже бровью не повел. Щеки его лоснились, как хорошо навощенный паркетный пол.

– Прелестно! – воскликнул он. – Тебе осталось уплатить остатки долга и внести на мой счет по договору всю неустойку за отмененные матчи и за преждевременное аннулирование контракта. В таких

случаях дядя Сэм говорит, что договоренность лучше, чем самый верный судебный процесс. Правильно, мальчик?

С каким наслаждением Сидней обработал бы эту лоснящуюся физиономию! Кулаки сжались сами собой. Долг – это цепи, которыми опутали его. Только сейчас Джэксон отчетливо ощутил, как они тяжелы.

В ту ночь Сидней спал плохо. Он всегда старался беречь свою честь, не кривил душою, поступал по совести. А здесь? Кто виноват? Он дрался честно и ничего не подозревал. Кривил душою тот, другой. Как поступить в таком случае?

3

Матчи следовали один за другим. Перед Джэксоном прошла целая вереница именитых боксеров. Канадца сменил чемпион Бразилии, потом призер итальянского турнира, юркий венесуэлец, смуглый чилиец, напористый испанец, защищавший честь Аргентины, и флегматичный португалец, выступавший под флагом Испании, желтолицый японец и немец из Австралии. Все они были разные, непохожие, и в то же время казались Сиднею на одно лицо.

Он видел перед собой боксеров, различных по физическим данным, по технической подготовке, по уровню мастерства. Но их всех объединяла и делала похожими друг на друга, стандартными, как фордовские автомобили, вера в одного бога, имя которого Доллар. «Что делать, – говорили они, – власть золотого тельца всемогуща!» И соглашались без зазрения совести на любые комбинации. Нередко бывало, что за свое поражение они получали значительно больше, чем за победу.

Джэксон знал, что каждый противник, прежде чем перелезть через канаты ринга и боксировать с ним, встречался с Норисоном и получал чек на определенную сумму. Что ему, Сиднею, оставалось делать? Только одно – побеждать их в первых раундах. Другого выхода не было. Джэксон твердо знал, что перед ним уже не полноценный боец, не честный противник, а спортивный артист. При первом же удобном случае он упадет, симулируя нокаут. Джэксон не знал лишь деталей – в каком именно раунде должна разыгаться комедия.

Сидней отводил душу тем, что валил их в первых же раундах, не давая возможности симулировать. По крайней мере, размышлял он, люди видят настоящий нокаут.

Но и тут не обошлось без недоразумений. Напористый испанец, защищавший честь Аргентины, пришел после боя в номер гостиницы и стал бушевать. Он ругался на всех языках мира, называя Джэксона кровожадным янки, и требовал дополнительно сто долларов.

– Мы же договорились, что я лягу в восьмом раунде! Зачем меня свалили в шестом, да так, что до сих пор голова трещит? У меня через неделю матч с польским чемпионом, а я по вашей прихоти должен отдыхать и поправлять здоровье! Это нечестно! У меня жена и трое ребят сидят с открытыми ртами...

Испанец ушел лишь после того, как всплывший Джэксон пообещал еще раз нокаутировать его здесь же, в номере гостиницы. Вторично встречаться с кулаками Сиднея тот не захотел.

Мир профессиональных боксеров, загадочный мир чемпионов оказался совсем не таким, каким представлял его Сидней Джэксон. Громкая слава оказывалась красивым мыльным пузырем, победы – заранее predetermined, блеск почетных титулов – фальшивым.

Бокс потерял всю прелесть в глазах Джэксона и превратился в обыкновенную работу, скучную и однообразную. Ринг стал только источником дохода. Сидней копил доллары. Экономил на всем и копил. Ему нужны были доллары. Много долларов. Для того чтобы рассчитаться с Норисоном, для того, чтобы обеспечить свое будущее.

ГЛАВА СЕМНАДЦАТАЯ

1

Кочевая жизнь быстро опостылела. Гостиницы и отели, толпы богатых бездельников, рассматривавших его так же, как смотрят на медведя в зверинце, и бесконечные, похожие друг на друга поединки. Слава ему надоела. Он перестал читать газеты и пристрастился к чтению художественной литературы, время между боями проводил за томами Шекспира или книжками Джека Лондона. Герои Джека Лондона были близки и понятны Сиду.

Новый, 1914 год Джэксон встретил далеко от дома, в шумном Лос-Анжелосе. Они с Норисоном были почетными гостями на балу. Сидней пил фруктовые соки и танцевал с элегантными дамами, которые по очереди приглашали его. Ему даже показалось, что те заранее устанавливали очередность. Сытые и самодовольные, они хотели танцевать со спортивной знаменитостью.

На второй день новогоднего праздника рано утром из Нью-Йорка пришла депеша: «Дорогой сынок. С Иллаем несчастье. Приезжай скорее. Мама».

Джэксон разбудил Норисона. Тот лениво пробежал глазами текст телеграммы и зевнул.

– Мне нужно выехать. – Сидней умоляюще смотрел на антрепренера. – Немедленно!

– Только после матча.

– Вы же знаете Иллая. Ему надо помочь!

– Все билеты проданы, и поединок должен состояться. – Норисон подумал, что-то прикинул в уме и добавил: – Ты ему едва ли сможешь помочь. Выедем вместе, сразу после матча.

Джэксон и за это был благодарен. Действительно, если с Иллаем несчастье, то настоящую поддержку сможет оказать лишь Норисон. У антрепренера крепкие связи с полицией. В том, что Иллая попался и находится в руках блюстителей порядка, Сидней не сомневался. Иначе какое еще «несчастье» может с ним приключиться?

Днем он заказал телефонный разговор с Нью-Йорком. На переговорный пункт пришла Рита. Слышимость была отвратительной, все время перебивали. Из всего сказанного сестрой он понял, что Иллаю плохо и мама дежурит в больнице.

Телефонный разговор не успокоил, а еще больше растревожил Джэксона. Что могло случиться с Иллаем? Чем он заболел? Мелькнула мысль: а не отравился ли он каким-нибудь газом, как отец? Но эту страшную мысль Сидней отогнал. Нет, такого не должно случиться. Иллай осторожный и предусмотрительный.

Два дня до матча тянулись томительно медленно. Узнав, что Иллай в больнице, а не в полиции, Норисон сказал:

– Поезжай один. Потребуется деньги, телеграфируй.

Антрепренер скрыл от Сиднея содержание ответной депеши, которую он получил на свой запрос. В ней сообщалось, что с Иллаем Джэксоном произошел «несчастный» случай: его, активного красного, избili свободные граждане и патриоты Америки. Он в очень тяжелом состоянии доставлен в больницу.

Поезд отходил в десять сорок пять вечера, и для того, чтобы успеть на него, Сидней должен был кончить бой в первых раундах. Юркий венесуэлец, горбоносый и длиннорукий, честно выполняя договоренность с Норисоном лечь в девятом раунде, в первом боксировал, атаковал, ловко защищался, маневрировал и сковывал действия Джэксона, не давая ему развернуться. Сидней злился. Раунд кончился, а он так и не победил.

Каждая минута была дорога. Ведь следующий поезд пойдет лишь на рассвете! Едва ударил гонг, Джэксон, вскочив со своей табуретки, прыжками пересек весь ринг, обрушился на венесуэльца. Сидней понимал, что поступает нехорошо, нетактично, но судьба брата, чья жизнь находилась в опасности, была дороже всего.

Джэксон заставил противника принять ближний бой и так обработал ему корпус, что венесуэлец обмяк и потерял всякую охоту наступать. После третьего удара он по-настоящему свалился на брезент.

Едва судья кончил считать и поднял руку победителя, Джэксон устремился в раздевалку. Вырвавшись из цепких рук поклонников, он вскочил в автомобиль. А через полчаса уже находился в

пульмановском вагоне и, покачиваясь в такт движению поезда, удалялся все дальше и дальше от Тихоокеанского побережья.

2

Он приехал в Нью-Йорк поздно ночью и сразу, схватив первое попавшееся такси, поспешил в больницу. К Иллаю его не пустили. Из палаты на цыпочках вышла мать. Сидней не узнал ее. За несколько дней миссис Джэксон превратилась в старуху. Сидней обнял ее и сердцем слушал беззвучные рыдания.

– Бедный Иллай! – повторяла она. – Бедный Иллай...

Он утешал мать как мог. Потом разговаривал с хирургом. Розовощекий и жизнерадостный, тот казался моложе своих лет. Сидней смотрел на руки врача, обнаженные, как у мясника, до локтей, на поросшие рыжеватой шерстью толстые пальцы и думал о том, что в этих руках сейчас находится жизнь его брата. Хирург говорил о каких-то дорогостоящих препаратах и сложных операциях, но Сидней прервал его:

– Сколько будет стоить все?

Врач назвал огромную сумму: пятьсот долларов.

– Делайте все, что сочтете необходимым, – и Сидней тут же выписал чек на пятьсот долларов.

Врач удивился.

– Я не знал, что профсоюзы столь богаты!

– При чем тут профсоюзы! Я его брат, Сидней Джэксон, чемпион Соединенных Штатов по боксу в среднем весе, – с достоинством произнес Сидней. – Все расходы буду оплачивать я.

– Отлично! – воскликнул хирург и, извинившись, стал вызывать своих ассистентов и отдавать им распоряжения.

Джэксон, скрипнув зубами, удалился. Все делается только за доллары.

3

В тот же день он узнал от Мориса Рэнди печальную историю. Рабочие химических заводов миллионера Дюпона решили объявить всеобщую забастовку с требованием повысить заработную плату на полдоллара в день. Иллай вошел в объединенный забастовочный комитет. За ним следили. Дюпон создал на своих заводах внутреннюю полицию, нанял банду отчаянных головорезов и погромщиков из так называемого «Черного легиона». Те пронюхали о готовящейся забастовке и взяли на учет руководителей. Иллая они ненавидели больше других за смелость его речей и огромный авторитет среди рабочих.

На рождество состоялось под видом встречи Нового года заседание объединенного забастовочного комитета. Иллая подстерегли, когда он на рассвете возвращался домой. Он оказал сопротивление и этим еще больше озлобил нападавших. Его свалили, скрутили руки и потом били чем попало, топтали ногами...

В ту же ночь начались аресты и облавы. Схватили чуть не всех членов объединенного забастовочного комитета и вожаков заводских профсоюзных отделений. Среди арестованных находится и сын Рэнди, Жак. Забастовка сорвалась...

Сидней дал ему десять долларов и попросил организовать большую передачу для Жака.

– Тут не только сыну, а и на всех хватит, – сказал Рэнди. – Вот обрадуются парни, когда узнают, что это от тебя! Ты же не представляешь, Сид, как они тебя любят!

Джэксону захотелось сделать что-нибудь приятное и для Мориса Рэнди, старого товарища отца. Тут он вспомнил обещание владельца пивного бара.

– Помнишь, Рэнди, что говорил пивной туз тогда на вечере? – спросил Сидней.

– Еще бы не помнить! Божился, что ежедневно для нашего чемпиона будет наливать кружку лучшего пива!

– Я еще ни разу не был там и, видимо, не зайду. Сходи в бар и передай от моего имени, что я распорядился отдавать мою ежедневную кружку тебе.

– Что ты? Пивной туз взвоят!

– Ничего! Пусть выполняет обещание. Так и скажи: «Джэксон велел наливать кружку мне до тех пор, пока не сойдет с ринга и станет

любить пиво». Ясно?

Рэнди задвигал белесыми бровями, и его морщинистое лицо расплзлось в улыбке.

– Ну спасибо, Сидней! Уважил старика.

Иллаю делали одну операцию за другой, вливали кровь и вводили в организм различные препараты. Лучшие медицинские силы Бронкса начали отчаянную борьбу за его спасение, осторожно и умело раздувая еще тлевшие в нем искорки жизни, заставляя их разгораться, становиться ярче и увереннее, чтобы снова вспыхнуть сильным пламенем.

Через несколько дней, проведенных на грани жизни и смерти, он, наконец, пришел в себя. Положение больного по-прежнему оставалось критическим, однако возвращение сознания свидетельствовало, как уверяли медицинские светила, «о потенциальных возможностях человеческого организма, способного творить чудеса».

Миссис Джэксон, которая не отходила от постели сына и буквально не смыкала глаз, удалось уговорить прилечь отдохнуть. Она так изнемогла, что едва ее уложили, как она моментально уснула.

У постели Иллая остались Рита и Сидней. Рита хотя и была потрясена несчастьем брата, но не настолько, чтобы забыть о своих делах. Она шепотом сообщала Сиднею последние новости, восхищалась успехами Блайда, который блестяще окончил университет и поступил в специальное военное заведение, где готовят каких-то крупных специалистов по Индии и Средней Азии.

Сидней грустно смотрел на брата и думал о его судьбе. Иллай оказался не одинок. У него нашлись тысячи друзей. Рядом с его койкой в палате поставили стол, на нем грудой лежали письма, телеграммы и денежные переводы, посылки с фруктами, сыром, ветчиной. Рабочие химических заводов не только дюпоновской империи, а и других синдикатов и корпораций, от Нью-Йорка до Сан-Франциско, слали свои возмущения и соболезнования, требовали предать суду наемных бандитов. Рабочая Америка поднимала свой голос, выступала в защиту

товарища. Волна митингов и летучих забастовок прокатилась по химическим предприятиям страны.

Братья встретились взглядами. В ввалившихся глазах Иллая Сидней не видел ни тени сожаления, раскаяния.

«Как дела, братишка?» – взглядом спрашивал Иллай, словно с ним ничего не случилось.

«Прекрасно! – отвечал также взглядом Сидней. – А твои как?»

«Пока неважно. Им удалось перехитрить нас». В глазах Иллая как бы прошло облако грусти. Потом облако удалилось, и серые глаза Иллая снова сверкали, как полированная сталь: «Мы еще повоюем! Нас не так легко сломать, братишка!»

«Верно, Иллай, еще повоюем! – говорил взгляд Сидней. – Ты только крепись и набирайся сил. Сейчас самое главное для тебя – это подняться, подняться, во что бы то ни стало!»

«Ты прав, братишка. Сейчас главное – выстоять и подняться на ноги. Мы еще повоюем!»

5

Врачи настоятельно рекомендовали вывезти летом больного на юг. – Хорошо бы в лесную местность. Хвойный сосновый воздух способствует укреплению легких и помогает им бороться с зачатками туберкулеза, – сказал профессор. – А после перенесения такой экзекуции его легкие настолько слабы, что от туберкулеза никто не гарантирует.

На семейном совете миссис Джэксон, Сидней и Рита единогласно решили, что ехать на лечение в санаторий дорого и невыгодно. Тем более что за один сезон окончательно поднять и укрепить здоровье Иллая не удастся. Ему требуется длительное лечение.

– Лучше к этим деньгам, которые потратим на санаторное лечение, добавим еще все наши сбережения и купим небольшую ферму, – сказала миссис Джэксон.

– Верно, мама! – Рита горячо поддерживала такое предложение. – Только чтобы не очень далеко от Нью-Йорка. Как ты считаешь, Сид?

Рита была в восторге: у них будет загородная вилла! Там можно проводить лето и приглашать знакомых. Это чудесно!

Сиднею тоже понравилась такая идея. Ферма лучше, чем санаторий. Он вспомнил ферму Норисона и подумал, что не плохо бы иметь собственную. В случае неудачи в любое время он сможет вернуться туда и пожить спокойно.

Однако осуществить эту идею оказалось не таким простым делом. Дешевых форм поблизости от Нью-Йорка не оказалось. Цены на небольшие земельные участки были баснословные. Сидней выписал кучу газет и целый вечер провел за изучением отделов реклам и объявлений,

Наконец после долгих хлопот ему удалось найти подходящую ферму. Особенно привлекал в объявлении тот пункт, где сообщалось, что владелец согласен продать ферму в рассрочку.

Джэксон с Норисоном тут же выехали в Новую Англию. Ферма находилась в небольшой долине штата Коннектикут, не доезжая нескольких десятков километров до города Уотербери.

Ферма была расположена неподалеку от шумной автострады, соединяющей Нью-Йорк с Бостоном. Владелец фермы занимался в основном птицеводством. Хозяйство имело убогий вид. Можно было без труда догадаться, что доход она приносит не ахти какой. Однако Сидней, который в сельском хозяйстве ничего не смыслил, привлекало одно обстоятельство: он знал, что Иллай слаб и ухаживать за скотиной не сможет, заниматься полевыми работами ему не под силу. А возиться с птицей, кормить кур и индюшек он вполне сможет, и такой труд окажется для него вполне приемлемым.

Владелец фермы оказался разговорчивым сорокалетним крепышом. Он беспрерывно дымил трубкой и, не вынимая ее изо рта, на все лады расхваливал свой участок, водил по комнатам сборного двухэтажного доме, показывал сарай, самодельный водопровод, который работал от ручного насоса, стучал палкой по железной сетке, огораживавшей место для цыплят, кур, индеек, убеждая в ее прочности, рассказывал о сортах яблок и мял в руках землю, предсказывая высокие урожаи кукурузы, основного корма для птиц.

Фермер сразу почувствовал настоящих покупателей и цепко ухватился за них. Он на все лады расхваливал запущенное хозяйство и не сбавлял ни доллара с той цены, которая была в объявлении. После долгих торгов он, наконец, уступил сто тридцать долларов, но при

условии, что деньги будут внесены все сразу. Такой поворот дела не устраивал Джэксона. Пришлось начинать все сначала.

К вечеру, когда обе стороны почти охрипли, фермер нехотя согласился продать ферму дешевле на тех условиях, которые он давал в объявлении: половину суммы сразу, а вторую половину в рассрочку. Денег даже на оплату первой половины у Сиднея не хватало, он надеялся на Норисона.

Полный надежд и довольный покупкой, Сидней возвратился в Нью-Йорк. Однако когда дело дошло до денежных расчетов, Норисон выдвинул условие: сначала продлить контракт, срок которого истекал в январе 1916 года.

– Ты знаешь, Сидди, как сердечно я к тебе отношусь, – сказал шеф, – но денежные дела должны иметь твердую компенсацию.

Скрепя сердце Джэксон вынужден был поставить свою подпись.

ГЛАВА ВОСЕМНАДЦАТАЯ

1

Продлив контракт, Сидней Джэксон тем самым еще на пять лет связал свою судьбу с Норисоном. Сначала он тяжело переживал это. Из-за какой-то случайности он становится рабом хитрого и ловкого спортивного дельца! Не случись несчастья с Иллаем, разве он закабалит бы себя!

Шли дни. Чем больше Сидней думал о своей жизни, о жизни других профессиональных спортсменов, тем яснее видел, что другого выхода у него нет и не было. Без антрепренера боксер становится таким же беспомощным, как слепой без поводья. Успех на ринге зависел в первую очередь не от таланта и умения боксера, а от пронырливости и изворотливости менажера.

– Что такое титул чемпиона? – спрашивал Норисон в минуту откровенности и тут же пояснял: – Красивая вывеска? Нет. Дорогое украшение? Нет. Это бизнес! Титул чемпиона, так же как, скажем, титул сенатора или губернатора, много стоит, но еще больше дает. Деньги делают деньги. Вот в чем заключена вся мудрость жизни!

Джэксон возражал, спорил. Он горячо доказывал, что чемпионом может стать далеко не каждый. Чтобы стать чемпионом, нужны определенные личные качества, спортивный талант.

– А губернатором может стать каждый? – спрашивал Норисон и насмешливо щурил глаза. – Титулы достаются не каждому, а лишь избранным. Согласен?

Джэксон утвердительно кивал.

– А кто их делает избранными? Мы! – Норисон тыкал себя пальцем в грудь. – Мы! Бизнесмены! Без нас давно жизнь бы превратилась в хаос. Мы определяем ценность, мы ставим задачи, мы управляем бессмысленным скопищем людей. Бизнес – главная пружина человечества!

Что мог ответить Джэксон! Он соглашался с Норисоном во многом. И только в одном вопросе не хотел уступать.

– Тех, кто превращает бокс в спектакль, рано или поздно разоблачают. Об этом сколько в газетах написано. Я не хочу быть в их числе! Я вышел на ринг с чистой совестью и хочу сойти честным бойцом.

– Глупыш! Зрителям наплевать на то, честно или нечестно проходит поединок. Им важно знать, кто победил и в каком раунде. Они ставят на него в тотализаторе. Бокс для них игра! Азартная игра! Ты же видишь это. Многие на твоём имени уже состояние заработали!

2

После таких бесед Джэксону становилось не по себе. Сомнения одолевали его. Он плохо спал ночами, думал. Не утешал и Макссуэлл, к которому он часто заходил.

Старый тренер, выйдя из больницы, немного отдохнул в санатории. Санаторий оплатил Джэксон. А потом Макссуэлл снова поселился в тесной комнатухе Риджен-клаба и стал воспитывать подростков. За эти два года он осунулся, постарел, стал раздражительным и пристрастился к вину. В его холостяцкой конуре было неуютно, тоскливо. Под столом и под кроватью валялись пустые бутылки.

– Я пью не с горя, нет! От обиды! – говорил тренер, обнимая Сиднея. – Мне обидно за людей, за весь человеческий род. До каких пор люди будут терпеливыми? Кучка наглецов, подобных уважаемому Норисону, села на шею человечества и повелевает им. Смешно! И обидно!..

Он пил залпом. И не закусывал.

– Сидди, я верю, что не всегда так будет, не всегда! Настанет время, когда спорт снова станет источником радости и здоровья! – Он стучал кулаком. – Без денег и без норисонов! Вот! Как в Древней Греции. Когда устраивали олимпийские игры, там даже войны прекращались!

Максуэлл доставал из-под подушки затрепанную книжку и читал вслух. Сидней знал эту повесть. «Город Солнца» – мечта о будущем. А жизнь, она совсем другая. Грубее, жесточе.

Норисон заключил договор на месячное турне по Англии.

В Старый Свет они ехали не одни. Туда отплывала целая делегация. В ее составе, кроме Сиднея Джэксона, находились профессиональный боксер тяжелого веса Стенли Уордер со своим антрепренером, хмурый мистером Вирдом, и сильнейший легковес Соединенных Штатов Эрнс Флайн, сын грозного Флайна, чикагского «короля консервов». Бокс для Эрнста был просто увлечением молодости, способом прославиться. Он был тщеславен и самонадеян, как многие богатые люди.

Файн тайно завидовал блестящему и шумному успеху Джэксона и после первого же знакомства старался расположить его к себе, установить с ним дружбу. У Эрнста была мечта: проникнуть в тайны тренировок Джэксона, познать секрет его успехов.

Заключив договор, Норисон развил бурную деятельность. Принимал представителей различных компаний, сам посещал управляющих и владельцев фирм, торговался, подписывал контракты, соглашения, получал авансы.

За неделю до отплытия Сидней Джэксон весь с головы до ног превратился в ходячую рекламу. Конкурирующие предприятия не жалели средств и закупали буквально все, начиная от чемодана и верхнего пальто, до нательного белья и зубной щетки. Что же касается подошв боксерских ботинок, то из-за них вспыхнул спор. Воспользовавшись этим, Норисон устроил своеобразный конкурс: «Кто больше даст?»

Верх одержала балтиморская фирма жевательных резинок. И на следующий день Сиднею вручили две пары новеньких боксерских ботинок, к подошвам которых был приклеен тонкий пласт каучука, а на нем оттиснуто: «Балтиморская жевательная резинка – лучшая в мире».

Сидней должен был составить и заучить расписание: когда что надевать, говорить, показывать.

Сиднею не особенно хотелось покидать Америку. Он понимал, что дома его присутствие необходимо. На ферме столько работы! Но контракт есть контракт.

Миссис Джэксон с трудом управлялась с новыми обязанностями, которые легли на ее плечи. Вести хозяйство оказалось не так легко, однако это не страшило ее. Она с утра до позднего вечера возилась на огороде, в птичнике. Да еще ухаживала за Иллаем.

Рита, побыв несколько недель на ферме, категорически отказалась, как она говорила, «губить молодость в куриных клетках». Она вернулась в Нью-Йорк, сняла меблированную комнату и устроилась на какие-то курсы. Рита отчаянно цеплялась за остатки молодых лет, спешила воспользоваться ими. Равняясь на девушек состоятельных семейств, она сделала модную прическу, носила широкую юбку и цветной свитер с круглым голландским воротником. Она самоучкой постигла тонкое искусство быть изящной. У нее были тайные мечты, и она верила, что все надежды сбудутся – разумеется, при содействии брата-чемпиона.

Иллай чувствовал себя лучше. Он радовался переезду на ферму. Больница ему ужасно надоела. Она угнетала и давила своей стерильной чистотой и пунктуальностью режима. А здесь, на ферме, он буквально расцветал, быстро набирался сил. Иллай целыми днями находился на открытой веранде. Миссис Джэксон расставила вокруг его койки цветы, около веранды разбила клумбы. «Наконец-то, – думала она, – у старшего сына появилась возможность заняться любимым делом. Дай бог ему только скорее встать на ноги».

Иллай любовался цветами, восторгался фруктовыми деревьями и кустарниками, однако думал совсем о другом. Его душа находилась далеко отсюда – на заводе, в гуще борьбы.

Щурясь от солнечного света, Иллай читал письма, которые шли к нему со всех концов страны, писал ответы, запоем читал газеты. Его часто навещали друзья. Он был в курсе всех дел и по мере сил старался хотя бы заочно участвовать в происходящих событиях. И это лучше всяких лекарств способствовало дальнейшему выздоровлению. Он снова чувствовал себя в строю борцов.

Узнав, что Сидней отправляется в Англию, он дружески улыбнулся и тепло пожал ему руку.

– Желаю удачи, братишка!

Миссис Джэксон долго напутствовала сына:

– Береги себя, мой мальчик.

Во время прощания с родными Сиднею было как-то необычно грустно, подавляло предчувствие, будто он прощается с ними навсегда, будто больше никогда не увидит их. Но если бы кто-нибудь и осмелился сказать ему подобное, он наверняка бы рассмеялся.

Кто мог знать, что это турне круто изменит его судьбу! Норисон упрямо утверждал, что если в Старом Свете он отлично выступит на рингах, то перед ним откроются блестящие перспективы.

– Мы сможем требовать поединка с чемпионом мира!

Ехать надо было непременно. За победы на английском ринге предусматривались довольно высокие ставки. А Джэксону нужны были деньги, много денег. Чтобы рассчитаться за ферму, чтобы обеспечить свое будущее.

Часть третья
Великая честь

ГЛАВА ДЕВЯТНАДЦАТАЯ

1

Океанский лайнер «Олимпик» за десять дней пересек Атлантический океан. Почти всю дорогу было тепло, солнечно, и Сидней большую часть дня проводил на открытой палубе. Пароход напоминал огромный дворец. Роскошно убранные каюты, почта, ресторан, бассейн и огромный гимнастический зал.

У пассажиров второго класса обстановка была беднее. А в третьем классе было грязно и душно, занят буквально каждый квадратный метр.

Среди пассажиров первого класса преобладали североамериканцы и англичане. Особенно много богатых ньюйоркцев, многие с семьями.

Столица Великобритании встретила пассажиров мелким дождем и густым туманом. Лондонская сырость негостеприимно приняла их в свои влажные объятия. Джэксон внимательно всматривался, пытаясь разглядеть улицы, дома, но безуспешно.

– Лишь бы на ринге тумана не было, – пошутил Эрнст Флайн. – Не то мы вместо противника судью бить станем.

Англичане встретили американцев сдержанно. В их холодной внимательности чувствовалась спесивая надменность: что могут показать эти парни из Нового Света здесь, на родине бокса?

Состязания состоялись на второй день. Лондонский спортивный клуб почти ничем не отличался от американских. Тот же тесный зал, набитый любителями острых ощущений, так же шумят, разговаривают и курят. Курят даже больше. Синий табачный дым повис облаком.

– Нас выкуривают, – Флайн подмигнул Сиднею.

– Не привыкать.

Первому выступать на ринге пришлось Флайну. Английский боксер легкого веса быстро раскусил тактику Флайна и в шестом раунде добился победы.

Первые бои принесли американцам огорчения. Норисон и другие антрепренеры всполошились. Если так пойдет и дальше, то турне может из доходной комбинации превратиться в убыточную.

Оставалась одна надежда – Джэксон. Он должен был показать этим спесивым лондонцам, что американские боксеры – опасные конкуренты.

– Сид, бей их на сто долларов! – напутствовали его товарищи.

У противника – Грофильда, худощавого, высокого блондина, были длинные руки; он легко скользил на жилистых ногах, осыпая Джэксона градом прямых ударов, и работал, как автомат, без передышки, не избегая сближений. Наоборот, он сам атаковал, но, атакуя, всячески уклонялся от боя на короткой дистанции, не давая возможности Джэксону развернуться. Используя преимущество в росте и длине рук, Грофильд уверенно набирал очки, и первые раунды был хозяином ринга. Казалось, что Джэксону на этот раз придется испытать горечь поражения.

Норисон стал нервничать. Пассивность Джэксона его раздражала. А Сидней и не думал о поражении. Не за тем же, черт возьми, он пересек Атлантический океан, чтобы в этом мокром Лондоне признать себя побежденным! Джэксон искал ключ к победе. Отдав инициативу, он следил за противником, изучал характер лондонца и его манеру боя. Раунд за раундом он анализировал, сопоставлял, испытывал, присматривался и, наконец, к седьмому раунду обнаружил, что Грофильд не любит двигаться в правую сторону. При движении вправо у него получается невыгодная позиция: он может наносить прямые удары только левой рукой, а правая остается без применения. Теперь оставалось воспользоваться этим открытием. Уловив удобный момент, Джэксон неожиданно сделал большой шаг вправо-вперед и таким образом оказался у левого плеча Грофильда. Тот не успел отразить атаку. Коричневая перчатка Джэксона, прочертив дугу в воздухе, попала в крутой подбородок.

Англичанин упал.

Судья взмахнул рукой и открыл счет:

– Раз... два...

При счете «восемь» лондонец быстро вскочил и бросился на Джэксона. Но это уже не спасло его.

Джэксон с радостью шагнул навстречу граду ударов и вошел в ближний бой. В девятом раунде секундант Грофильда поспешно выбросил на ринг белое полотенце.

Успех ждал Сиды и в Старом Свете – в Лондоне, Манчестере, Бирмингеме, Глазго. После каждого выступления на ринге в газетах появлялись пространные репортажи и отчеты. Статьи пестрели заголовками: «Снова победил Джэксон», «Атакует таран», «Удары американского чемпиона».

Газеты писали обо всем: во что он одет и какой фирмой сшит его костюм, какое мыло и зубную пасту употребляет, что ест на завтрак и когда ложится спать. И, конечно, сообщали читателям о тех больших гонорарах, которые он получает за победы. Но догадывались ли читатели, что львиная доля этих денег попадает отнюдь не в карманы чемпиона?

В последнем поединке Сиднейу Джэксону не повезло. Он опять вывихнул большой палец левой руки! Он очень хорошо помнил, что произошло в восьмом раунде. Чемпион Шотландии длинным и хлестким свингом пытался бросить американца на брезент. Удар был уже у самого подбородка! Сидней отклонился назад, шотландец промахнулся, и Джэксон тут же снова атаковал. Прямым справа он хотел отвлечь внимание, чтобы провести боковой крюк левой в голову. Но шотландец, видимо поняв замысел, присел, или, как говорят боксеры, «нырнул», под удар. Однако шотландец не успел провести защитный прием до конца. Удар Сиднея пришелся в верхнюю часть головы. В ту же секунду острая боль обожгла руку Джэксона.

Стиснув зубы, он бросился в атаку, вошел в ближний бой и с большим трудом ударами по корпусу заставил крепкого шотландца дважды опуститься на помост ринга. Но тот падал и снова вставал! Вставал и вел бой...

Этот поединок английские специалисты и спортивные журналисты признали самым лучшим и самым впечатляющим. Знали бы они, что победа принесла Джэксону не столько радость, сколько огорчение...

Палец распух. Даже легкое прикосновение вызывало острую боль. Норисон встревожился. Они срочно вернулись в Лондон. Не заезжая в гостиницу, Норисон прямо с вокзала повез Джэксона к лучшему хирургу. Сухощавый старичок с копной седых волос на маленькой

голове долго и внимательно исследовал вспухший палец и кисть. Потом сказал:

– Будем лечить.

Пока Джэксона усаживали в кресло под каким-то громоздким электрическим аппаратом, профессор взял Норисона под руку и, отведя в глубь кабинета, сообщил вполголоса:

– У пациента очень сложный вывих. После лечения года полтора-два вашему боксеру придется забыть о перчатках. Пока не укрепится кисть.

– А потом? – тревожным шепотом спросил Норисон, не скрывая волнения.

– Трудно сказать что-либо определенное. Однако молодой организм иногда способен совершать чудеса! Но кто знает! Я не ручаюсь.

3

По настоянию Норисона Джэксон остался в клинике профессора:

– Я хочу видеть твою руку здоровой.

О своем разговоре с профессором Норисон умолчал. Но Сидней и сам догадывался, что травма пальца далеко не «типичная», как утверждает хирург. Тут дело сложное.

Норисон отплывал с первым пароходом. Перед отъездом он зашел в клинику. Принес Джэксону коробку конфет и выписал чек на незначительную сумму.

– За лечение я оплатил. Вернешься в Нью-Йорк, тогда подведем итог.

У Джэксона сжалось сердце. Неужели Норисон спешит от него избавиться? Предчувствуя недоброе, Сидней стал упрашивать антрепренера, чтобы тот взял его с собой.

– Мистер Норисон, я буду лечиться дома. В Нью-Йорке врачи не хуже лондонских...

– Глупости! Тебе хотят лучшего, – Норисон тщательно скрывал раздражение, которое пробивалось в голосе. – Профессор настаивает на госпитализации. Тебе не только ехать, первую неделю даже ходить нельзя!

Джэксон стиснул зубы. Он знал, что настаивать бесполезно. Норисон еще ни разу не изменил своих решений.

– Хорошо, мистер Норисон, пусть будет по-вашему, – Сидней старался говорить спокойнее. – Я прошу вас об одном. Вы должны из причитающихся мне денег уплатить очередной взнос за ферму.

Норисон поспешил уверить Сиднея, что он сделает все необходимое и, конечно, внесет часть денег, чтобы покрыть проценты, однако полный расчет должен произвести сам Джэксон. Ибо денежные отношения – это такая область человеческих отношений, где люди не доверяют даже самым близким.

4

Клиника профессора Хольюктэнгинса жила своей обычной размеренной жизнью. После ухода Норисона в палату явилась мисс Кольгерутт. Худая, долговязая, она все еще пыталась выглядеть моложавой и тщательно скрывала свой истинный возраст с помощью новинок косметики.

– Добрый день, мистер Сидней! Как вы себя чувствуете? Не правда ли, сегодня отличная погода? Прошу вас. В процедурном кабинете все готово.

Джэксон шел в процедурный кабинет, ходил в столовую, ел, ложился отдыхать, глотал пилюли, слушал, отвечал – и все это делал как во сне. Его мысли были там, на пароходе, на котором отплывал Норисон. Пассажирский лайнер увозил не только антрепренера, но и последние надежды Джэксона. Неужели Норисон бросил его? «Нет, нет, – он гнал от себя назойливую мысль, – еще не все потеряно. Надо выдержать. Пройдет несколько месяцев, и я снова надену боевые перчатки. Я еще покажу себя на ринге...»

Он стыдил себя за недоверие к человеку, который, собственно, и сделал его знаменитым боксером. Чемпионом. Да ведь и все хорошее в его жизни так или иначе связана с именем антрепренера. Норисон всегда находился рядом, в любом затруднительном положении. А сколько сделал для Иллая! Ведь он мог и не выручать его тогда, после первомайской демонстрации... Нет, надо отбросить всякую подозрительность.

Джэксон прошелся по палате. Вечерний закат окрасил блеклые комнаты в розовые тона. Боксер распахнул окно. Долго глядел на закат. Солнце только недавно зашло, и небо было ярко-розовым, теплым, чистым. От него веяло спокойствием и величием. Но за темными силуэтами остроконечных крыш одиноко торчала фабричная труба. Из нее валил густой черный дым и грязным пятном ложился на чистые краски заката.

Джэксон, если бы у него была такая возможность, заткнул бы эту трубу, чтобы она не портила красоту заката. Но у него не было такой возможности, как не было возможности и заглушить неотступные сомнения, которые чернили все хорошие воспоминания о Норисоне.

Он смотрел на свою тяжелую, закованную в гипс кисть и видел не травмированный палец, а покалеченную свою судьбу.

Неужели Норисон его бросил?!

Через две недели в Лондон возвратились остальные боксеры. Турне было успешным. Эрнст Флайн, довольный своими успехами – он одержал три победы, – начал разбирать почту. Писем и телеграмм было много. Любители бокса из Америки горячо приветствовали успешные выступления земляков.

Письмо отца Эрнст прочел дважды. Оно было деловым. Чикагский предприниматель поручал сыну съездить в Россию и разведать возможности сбыта мясных консервов. «Партии образцов нашей продукции я выслал, деньги на твое имя переведены в Лондонский банк, – писал отец. – Советую нанять секретаря – так удобнее и солиднее. Пусть это будет твой первый самостоятельный международный бизнес».

Флайн самодовольно усмехнулся. Особенно его радовала та часть письма, где отец указывал, что всю прибыль от первых контрактов он может считать своей и расходовать по личному усмотрению.

В тот же день он побывал в банке и получил деньги, а заодно нанес несколько официальных визитов. Он узнал, что через два дня в Архангельск отправляется торговое судно «Баркаролла», встретился с

капитаном, толстощекиим лысым ирландцем, и договорился относительно каюты на двоих.

Оставалось сделать последнее – найти секретаря. И тут Эрнсту пришла в голову прекрасная, как ему показалось, мысль: он вспомнил о Сиднее Джэксоне. Уговорить бы его! По всем статьям подходит: представительный, скромный, деловой, честный и – знаменитый!

Эрнст тут же навел справки о денежных делах Джэксона и отправился в клинику.

Сидней был рад встрече.

– Хэлло, Эрнст! Значит, вместе плывем на ту сторону большой лужи? Я чертовски стосковался по Нью-Йорку!

– Сид, я домой ехать не собираюсь.

– Думаешь еще кутнуть в Лондоне?

– Нет. Думаю совершить коммерческое путешествие.

– Тебе можно только позавидовать!

– Так же, как и тебе.

– Мне?

– Ну да! – Флайн делал паузу. – Мы поедем вдвоем! Старина! Тебе все равно некуда девать своего времени. А тут путешествие!

Предложение Флайна застало Джэксона врасплох, как замаскированный удар. Он горько усмехнулся. Путешествие! Хорошо путешествовать вот таким, как Флайн, папенькиным сынкам. С полными карманами долларов. А тут не знаешь, как домой добраться, на что жить дальше.

Флайн же, не давая опомниться боксеру, развертывал перед ним многообещающую картину роскошного путешествия, причем почти не связанного с расходами. Он рассказал, что отец прислал партию образцов чикагских консервов и поручил ему самостоятельно заключать договоры на поставку.

– Я оформлю тебя своим помощником, ну хотя бы личным секретарем, – и бесплатный проезд обеспечен! Надо же и тебе, в конце концов, посмотреть мир?

Джэксон задумался. Бесплатный проезд и полный пансион. Предложение действительно заманчивое. Время свободное есть. И потом надо избавиться от этого тревожного состояния. Отчего же, собственно, ему не принять предложение? О, кей! Кажется, судьба

снова улыбнулась ему. Решив так, Сидней сразу повеселел. Хлопнув здоровой рукой Эрнста по плечу, он воскликнул:

– Я всегда говорил, что Флайн – чемодан с идеями!

Эрнст дернул плечом. Черт возьми, секретарь должен быть почтительным! Но сдержавшись – еще успею поставить его на место! – он тоже хлопнул Джэксона ладонью:

– Мы махнем всего на месяц. Не больше!

– А куда мы направимся?

Флайн широко улыбнулся. Вопрос Джэксона был согласием. И даже без претензий на заработную плату секретаря. Это с его стороны просто благородно. Он бы на его месте, возможно, тоже так поступил. Да и зачем ему деньги? И проезд и гостиницы – все будет обеспечено. Нужно поскорее закрепить это письменным соглашением.

Флайн остался весьма доволен своими предпринимательскими способностями. Бизнес есть бизнес!

– Мы едем в Россию, Сид. Завтра в русский город Архангельск отправляется одно судно. Капитан – любитель бокса, он с большой радостью согласился доставить нас туда. Представь, в этом диком Архангельске, как говорят моряки, белые медведи бродят по улицам!

– В Россию? – Джэксон много слышал о таинственной огромной стране. А теперь представляется возможность побывать в ней. – Что ж, неплохо придумано. Можно и в Россию.

– Мы еще сделаем бизнес, – торопливо говорил Флайн, боясь, как бы Джэксон не разочаровался. – В России меха дешевые. Просто дармовщина! Там все охотники. Даже купцы и те с ружьями ходят, как мексиканцы с пистолетами. А какие меха там! Ты слышал про голубых песцов? А про соболей? Прелесть! Лучший в мире каракуль! Всех оттенков, начиная с черного до серебристо-серых и огненно-золотых!

– Эрнст, но сейчас у меня нет свободных денег.

– Как ты наивен! – Флайн развел руками. – У меня тоже нет лишних денег. Но будем покупать в обмен на поставку консервов. Ведь это так просто!

Флайн обещал, что если удачно совершат сделки, то и Сидней заработает. Часть чистой прибыли будет его.

Речь Флайна звучала, как чарующая музыка. Ну как тут не согласиться! А потом, разве у Джэксона был выбор...

ГЛАВА ДВАДЦАТАЯ

1

Торговое судно «Баркаролла» оказалось простым грузовым кораблем с допотопным двигателем. В Россию он вез машины, английские шерстяные изделия, а обратно должен был взять пеньку и лес, знаменитую русскую корабельную сосну.

Когда окончилась суэта и «Баркаролла» отошла от берега, на корабле установилась обычная рейсовая жизнь. Сидней Джэксон снова почувствовал тоскливое одиночество. К чему он здесь? Зачем едет в неизвестную Россию? Дома его ждут, Иллай болен, мать и Рита беспомощны, за ферму надо платить. Кругом долги... И тяжелые, как камни, неоконченные счета с Норисоном...

Корабль шел медленно. Джэксон подолгу сидел на палубе, всматриваясь в живую гладь воды, и думал, думал...

На третий день плавания Сидней с удивлением узнал, что они не единственные пассажиры корабля. Рядом с тесным матросским кубриком в крошечной каюте ехал какой-то незнакомец. Джэксон столкнулся с ним совершенно случайно, у кока. Незнакомец пришел за чаем. Был он высокого роста, широкий в кости, светло-русый, скуластый, с крупными чертами лица. На шее около уха краснел продолговатый рубец – след ранения.

Увидев в камбузе постороннего человека, он, как показалось Сиднею, смутился. Взяв чайник, он тут же удалился.

– Никак не пойму этого русского, – сказал кок. – Странный народ!

– Он русский? – удивился Сидней. – А я думал, что он скандинав. У него есть что-то от норвежцев.

– Нисколько! Типичный русский. Уж я их знаю, посмотрелся. Но этот какой-то странный. Третий день ничего не ест, только чай да чай.

– Может быть, у него денег нет?

– Денег нет? Ха-ха! – осклабился рыжебровый кок. – У кого денег нет, те сидят дома, по заграницам не шатаются. Я видел, какой он чемодан тащил!

Сидней не стал спорить. Немного погодя он велел корабельному повару сделать омлет и поджарить ветчины с луком.

– Куда подавать? – спросил кок.

– В каюту, – ответил Сидней, уходя к себе. – Пожую перед сном.

Вскоре кок принес ужин. Джэксон вытащил еще банку мясных консервов из запасов Флайна и, прихватив батон хлеба, отправился в гости к русскому.

Тот встретил его вежливо и на превосходном английском языке сказал, что он предпочитает проводить вечерние часы в одиночестве. Но Сидней не хотел отступать. Ведь это был первый русский, которого он встретил!

– Мне ужасно надоело одиночество, – сказал Сидней, – давайте поужинаем вместе.

– Я бы не сказал, что вы одиноки, – усмехнулся русский.

– Это только кажется. Я не поклонник спиртного, а мой товарищ и капитан считают, что только ромом можно утолять жажду.

Русский жестом пригласил войти.

– Прошу! Только извините, каюта не первого класса.

В узенькой и тесной каморке помещалась койка и табурет. Сидней на койке расстелил бумагу и разложил еду.

Русский жевал медленно, даже лениво, но Сидней сразу догадался, что он давно не ел. Русского звали Петр. Узнав, что Сидней из Нью-Йорка, он спросил:

– Коммерсант?

Джэксон отрицательно покачал головой:

– Я не коммерсант. Это мой товарищ Эрнст Флайн коммерсант. Он сын миллионера. А я просто боксер.

Сидней попутно рассказал о себе. Узнав, что он из рабочей семьи, русский оживился. Расспрашивал о жизни рабочих Нью-Йорка, особенно интересовался профсоюзными организациями, забастовочными комитетами, социалистическими партиями. Джэксон напрягал память и выкладывал все, что видел сам или слышал от Иллая. А когда Сидней рассказал о зверской расправе над братом, Петр стал хмурым. Потом провел пальцем по шраму.

– Память девятьсот пятого года.

Чем ближе подплывала «Баркаролла» к Архангельску, тем больше они узнавали друг друга. Между ними завязалась дружба. Петр даже

показал Сиднею фотокарточку белокурой девушки и сказал:

– Моя невеста. Анна, возможно, придет на пристань встречать.

Он обещал познакомить ее с Сиднеем.

Сидней внимательно рассматривал фотокарточку. У Анны большие глаза, чуть курносый, задорный нос и четко вычерченные красивые губы. А на голове, словно корона, выложена толстая коса.

Однако Петру так и не пришлось познакомить Сиднея со своей невестой. Когда «Баркаролла» приблизилась к архангельскому порту, к ним причалил сторожевой военный катер. Русские жандармы протопали по палубе и после обыска арестовали Петра.

Матросы высыпали на палубу и хмуро смотрели на блюстителей порядка. Жандармский офицер на ломаном английском языке приносил извинения капитану, говоря, что арестованный является крупным политическим преступником. Петра заковали в наручники и под сильной охраной повели к трапу. Проходя мимо Сиднея, русский сказал по-английски:

– Помни, Россия не только полиция...

Договорить ему не дали. Один из жандармов толкнул его в спину прикладом.

– Молчать!

Так Джэксон и не узнал, что хотел сказать Петр.

– Что понимают эти дикари в революции? – сказал Флайн и рассмеялся. – Не больше, чем гориллы в шахматах!

Джэксон не ответил. Цинизм чикагского мясопромышленника становился невыносимым. Сидней терпел его шутки так, как терпит грубости хозяина сезонный рабочий, уверенный, что скоро кончится время найма, и он сможет послать работодателя ко всем чертям.

Когда увели Петра, Сидней заглянул в его каюту. Там было словно после погрома. Жандармы все перевернули. Сидней поднял с пола растоптанную фотографию Анны и унес ее к себе.

К вечеру «Баркаролла» причалила к архангельскому порту. Дул холодный ветер. Слегка моросил мелкий дождь. Встречающих, если не считать таможенных чиновников и нескольких русских купцов, знакомых с капитаном, не было. Одинокая женская фигура, закутанная в плащ, сразу бросилась Джэксону в глаза.

– Анни! – окликнул он.

Девушка остановилась, окинула незнакомого иностранца холодным взглядом и пошла дальше. Джэксон догнал ее. Он извинился и сказал, что того, кого она ждет, утром арестовали. Он говорил по-английски, и Анна его не поняла. Тогда Сидней достал фотографию и протянул ее. Увидев свой портрет, она сразу насторожилась.

– Откуда у вас моя фотография? Где Петр? Вы видели его? – спрашивала она, совсем забыв, что Сидней не понимает по-русски.

Джэксон снова ей рассказал все, как было. Из его длинного вежливого повествования Анни разобрала лишь два слова: «Петр» и «полицмен». И она поняла, вернее, догадалась: Петра схватили жандармы. Поблагодарив доброго иностранца, она взяла у него свою фотографию и быстро удалилась.

Сидней смотрел ей вслед и, когда она оглянулась, помахал рукой. Он смотрел и думал: встретится ли когда-нибудь Петр с Анни?

2

Белых медведей ни на улицах Архангельска, ни в других городах они не встретили. Старинный русский порт, столица суровых поморов, поразил Джэксона колокольным звоном церквей и страшной бедностью окраин. Рабочему люду здесь жилось так же тяжело, как и на его родине...

Русские купцы, бородатые и степенные, приглашали иноземцев в свои лавки и торговые ряды, полутемные и тесные. Рубленные из кряжистого леса, они стояли, как крепости, пригодные для долговременной обороны.

Купцы стлали на пол ценную пушнину. У Сиднея разбегались глаза, когда он видел шкурки голубых песцов и горностаев, связанные по дюжинам. Он гладил ладонью соболиный мех. О, это богатство!

Купцам нравилось восхищение заморских покупателей, тем более из такой далекой страны, как Америка. Они подносили Сиднею и Эрнсту русской водки, угощали вареной севрюгой и копченым балыком, ставили на стол деревянные резные чашки с черной икрой.

Флайн, в свою очередь, открывал мясные консервы, раскупоривал бутылки с ромом.

Купцы изъяснялись на каком-то смешанном англонемецком жаргоне, пробовали мясные консервы, хвалили, однако покупать их отказывались:

– Мяса у нас и так вдоволь. Какое хошь, на выбор: парное, солонина, копченое, вяленое.

Английский торговый корабль «Баркаролла» загружался лесом и готовился в обратный путь. Но Флайн, к удивлению Джэксоа, не думал отчаливать.

– Давай съездим в Петербург! Там быстрее сделаем бизнес. В Петербурге сядем на американское судно и прямым ходом, минуя английскую таможню, махнем в Нью-Йорк!

Джэксон упирался. Только домой!

Тогда Флайн, не скрывая раздражения, заговорил другим тоном. Тонем хозяина. Сухо, отрывисто, безапелляционно:

– Я тебя нанял секретарем сроком на один месяц. После истечения этого срока ты можешь быть свободным. А сейчас потрудись выполнять свои обязанности.

Джэксон скрипнул зубами. На кой черт он подписал контракт!

Поезд тащился медленно. Шел конец июля, и жара, несмотря на северные широты, стояла страшная. В вагоне было душно и грязно.

Флайн большую часть суток валялся на пружинистом матрасе, коньячными рюмками пил водку.

Сидней не отходил от окна. Ему не хотелось не только разговаривать, а даже видеть своего временного патрона. Он смотрел на проплывавшие за окном красоты русской природы, на редкие деревни с погнившими избами, на величавые и спокойные реки, а в его голове в такт стуку колес звучала одна-единственная мысль: влип, влип, влип...

В русской столице они провели около недели. Флайн заключил несколько выгодных контрактов на поставку консервов. На полученный аванс купил меха. Сидней радовался – скоро домой!

Однако сесть на попутный пароход и уехать в Америку им не удалось. Однажды вечером Эрнст возвратился в гостиницу

встревоженный. Сидней бросился к нему.

– Что случилось?

Эрнст устало опустил в кресло.

– Война...

– Война?!

– Да... выезд запрещен.

Утром в американском посольстве учтивый чиновник, с сожалением покачивая головой, подтвердил:

– Да, мистер Флайн, выезд временно прекращен.

– Послушайте, а как же мы?

– Есть выход, мистер Флайн.

Эрнст впился в него взглядом.

– Возвратиться на родину, мистер Флайн, можно кружным путем.

Через Азию.

Эрнст задумался. Такая поездка обойдется не дешево. Но когда чиновник назвал цифру примерной стоимости подобного Турне, у Флайна чуть не вырвался крик «ого!» Однако перспектива остаться в России до окончания войны радовала его, еще меньше. Он прикинул в уме. На одного у него денег хватит. А на двоих? Нет, нет, возвращать купцам меха он не намерен. Их нужно сейчас же отправить кружным путем. Это первое. А второе... Второе – обеспечить свой отъезд. И по возможности немедленно! Джэксон? Нет, угрызений совести Флайн не ощущал. О нем он тоже подумал, хотя срок контракта по найму секретаря уже почти кончился.

Джэксон вернулся в гостиницу с небольшим опозданием. Он поглядывал на часы и готовился объяснить с Флайном.

Злой, усталый и голодный (с самого утра он ничего не ел), он думал не об отдыхе, не о еде... В номере Флайна не было. Время обеда, а Эрнст где-то задерживается. Где он? Неужели успел пообедать без меня? Джэксон обвел взглядом комнату. В глаза бросилась какая-то странная пустота. Подстегнутый поздним предчувствием, он вскочил. В номере отсутствовали вещи Флайна. Не может быть!

На письменном столе тощая пачка долларов и русских ассигнаций. Рядом записка. «Имеющихся в наличии денег все равно не хватило бы двоим на кружной путь через Азию. Номер оплачен за месяц вперед, а этих денег хватит тебе на первое время... Приложу все усилия, чтобы ты возвратился на родину...»

Джэксон остался один. Остался в чужой, незнакомой стране, не зная ни слова по-русски, без друзей, без денег. Его охватило отчаяние. Несколько дней он не выходил из гостиницы, валялся в постели и думал, думал, думал... Как вырваться из этой проклятой России?

Потом апатия сменилась дикой энергией. Сидней Джэксон бегал по различным инстанциям, многочисленным департаментам, обивал пороги своего посольства, писал прошения, заявления, жалобы. Но на всех бумагах высокопоставленные чиновники ставили только одну резолюцию: отказать. Никому не было дела до застрявшего в пути боксера. Пусть подождет, пока кончится мировая война!

И ему пришлось ждать.

Наступила осень. Мокрая, холодная. С туманами и дождями. А за ней надвигалась суровая русская зима.

В конце сентября его вызвали в посольство. С какой надеждой Сидней отправился туда! Он не шел, а буквально летел. Наверное, пришел долгожданный ответ из Нью-Йорка. По настоянию Сиднея посольство обратилось в Нью-Йорк к президенту ассоциации профессиональных боксеров. Он не сомневался, что судьба чемпиона Соединенных Штатов должна их волновать. Надеялся, что ассоциация окажет ему содействие и вместе с мистером Норисоном (Сидней рассчитывал и на антрепренера) поможет ему выбраться из России.

Зайдя в здание, Сидней поспешно снял плащ и на секунду задержался у большого зеркала. Черт возьми, рубашка не первой свежести! Особенно эти манжеты. Как он ни старался, они предательски выглядывают. Да, за это время он изрядно поизносился. Финансовые затруднения отразились на внешнем виде.

В канцелярии его встретили любезно. Худощавый пожилой чиновник, который и раньше более других проявлял к нему

сочувствие, приветливо улыбнулся.

– Да, мистер Джэксон. Ответ пришел.

– Это один из самых счастливых дней моей жизни! – воскликнул Сидней. – У кого мне его получить?

– На руки вы его не получите, – любезно ответил чиновник, – у нас такой порядок. Вас сегодня примет сам посол.

– Посол?

– Да, сам посол, сэр Майер.

Надежда обретала реальность. Месяц назад этот самый сэр Майер, посол Соединенных Штатов в России, отказал ему в приеме, и все отчаянные попытки Джэксона пробиться к нему окончились безуспешно. А теперь он сам приглашает Джэксона к себе на прием. Это что-нибудь да значит!

Сидней поспешно шел за сухощавым чиновником, поднялся по мраморной лестнице на второй этаж, шагал через комнаты по мягкой ковровой дорожке, и сердце его наполнялось радостью и гордостью. Гордостью за свою могучую и богатую родину, радостью, что он, ее представитель, гражданин Соединенных Штатов, и не просто гражданин, а чемпион Америки, в какой-то мере является частицей величия и славы своей страны.

В просторной приемной Сиднея попросили подождать. Сухощавый чиновник скрылся за массивной дверью, ведущей в кабинет посла.

Секретарь приемной, молодой, подтянутый, вежливо предложил:

– Не желаете ли просмотреть газеты? Правда, недельной давности, но здесь, в России, и эти кажутся свежими.

Джэксон поблагодарил и стал листать подшивки газет. «Нью-Йорк трибюн», «Таймс», «Чикаго трибюн», «Геральд»... С каким наслаждением он читал заголовки, листал страницы. С каждой из них веяло знакомой до боли родной жизнью, американской деловитостью и предприимчивостью, крикливой рекламой и гордым самовосхвалением всего стопроцентного, американского. Он смотрел иллюстрации, узнавая на них знакомые места. Вот на этой улице Чикаго он бродил после матча, это мост через Гудзон, по которому он мчался в машине, вот универсальный магазин, где он часто бывал...

Он листал страницы, и каждая из них открывала перед ним окно в далекое и близкое, в родное и неповторимое. Сидней внимательно

ознакомился с разделом спортивной хроники. В его отсутствие никаких особых событий не произошло, если не считать установления нового мирового рекорда по плевкам в длину мистером Юркингом.

Вдруг его взгляд остановился на маленькой информации. В ней сообщалось, что боксер полутяжелого веса Дэнни Коррэу в последний месяц одержал ряд блестящих побед. Его менажер мистер Норисон заявляет, что Дэнни Коррэу готов оспаривать первенство у прежнего чемпиона Америки.

Буквы заплясали перед глазами. Не может быть? Он еще и еще раз перечитал газетную информацию. Значит, Норисон бросил его? Кровь стучала в виски. Во рту пересохло, как в разгар труднейшего поединка. Скорее домой, в Америку. Он сжал кулаки. Только бы добраться до Нью-Йорка!

Когда его пригласили войти в кабинет посла, Джэксон вскочил и, словно опаздывая на поезд, устремился в распахнутую массивную дверь.

В просторном кабинете на широком диване, устланном дорогим ковром, сидели двое. Джэксон представился. Один из них предложил Сидней сесть.

Джэксон присел на краешек кожаного кресла.

– Курите?

Сидней машинально взял сигару. Сейчас ему скажут самое главное – когда ехать домой.

– Мистер Джэксон, мы получили ответ на запрос, который сделан по вашей просьбе.

Сидней весь превратился в слух.

– Мы ставим вас в известность, что президент ассоциации профессиональных боксеров и ваш антрепренер мистер Норпсон в настоящее время не располагают достаточными средствами и, таким образом, не могут взять на себя расходы, связанные с вашим возвращением.

Джэксон не верил своим ушам. Уж не ослышался ли он? Хриплым, глухим голосом он попросил повторить. Его просьбу дополнили. У Сиднея что-то опустилось в груди. Отказ, казалось ему, был равносителен смертному приговору. Он смахнул со лба капли холодного пота.

– Как же мне быть? У меня кончились средства...

– Посольство не оставит вас в беде, мистер Джэксон. По силе наших возможностей мы постараемся вам помочь. Дело повернулось таким образом, что вам волей-неволей придется оставаться в России до окончания войны.

– До окончания?!

– Она долго не протянется.

– Вполне вероятно. – Сидней пытался овладеть собой. – Но что я должен делать?

– Поехать на юг.

– На юг?

– Именно. Мы рекомендуем вам поехать в столицу Туркестана, в Ташкент.

– Так это Азия?!

– Да, Центральная, или, как ее именуют, Средняя Азия. Мы дадим вам рекомендательные письма, обеспечим проездным билетом. А там вы сможете заняться преподаванием английского языка. Ведь это не так уж плохо.

Джэксон слушал и отвечал, как во сне. Он не помнил, что говорил, как вышел из кабинета.

6

– Послушай, Герберт, мне кажется ты слишком жестко обошелся с этим боксером, – сказал Майер, когда Джэксон удалился.

– А что с ним возиться! Подумаешь, фигура! И без него в Штатах хватает безработных, – ответил Герберт Гувер.

– Но ты его послал на верную гибель.

– В Штатах и без него хватает коммунистов.

– Он не коммунист. Это его брат, как сообщили на наш запрос, – профсоюзный активист и забастовщик.

– Яблоки одного сорта! – Гувер усмехнулся.

Посол закурил. Он уважал и побаивался Герберта Гувера. Отличный делец и прекрасный разведчик, тот имел, кроме капитала, богатые связи с Капитолием. Прибыв в Россию, он начал с мелких спекуляций и в течение нескольких лет стал одним из крупнейших владельцев нефтеносных районов Кавказа. Ему принадлежали чуть ли

не все нефтяные промыслы в Майкопе. К тому же он владел акциями многих компаний.

Посол спросил:

– Зачем же именно в Среднюю Азию?

– Там нет ни одного легального американца, если не считать отдельных разведчиков, – Гувер прошелся по кабинету. – Если он сильный, он выживет. А если выживет, он будет нужен нам. Этот парень будет цепляться за американский паспорт, как утопающий – за спасательный круг.

...На той же неделе, получив рекомендательные письма и денежное пособие, Сидней Джэксон отправился в Среднюю Азию, в Ташкент, в далекую неведомую восточную столицу. На душе у него было, как у приговоренного к длительному тюремному заключению.

ГЛАВА ДВАДЦАТЬ ПЕРВАЯ

1

Ташкент встретил Джэксона зноом. В столице русского Туркестана и в сентябрьские дни стояла летняя жара. На улицах во всем своем великолепии зеленели южные гиганты – чинары, карагачи, акации. Вдоль тротуаров в узеньких канавах плескалась грязная вода. Водопровода не было. По пыльным улицам двигались двухколесные арбы, колеса были выше человеческого роста. Степенно шагали верблюды, мчались красивые фаэтоны, и лихо гарцевали на лошадях казаки.

Солнце склонялось к закату. На высоких минаретах гортанно кричали муллы, призывая правоверных в мечети. Заглушая их, звенели колокола церквей и соборов.

По тротуарам спешили прохожие. Рядом с людьми одетыми по-европейски шли азиаты, смуглолицые, как американские индейцы. Несмотря на жару, одеты они были в стеганые ватные халаты, яркие, полосатые. На головах – белоснежные чалмы.

Сидней с удивлением осматривался вокруг. Вот она, таинственная Азия! Вдруг его внимание привлекло странное существо вроде человека, только без головы и без рук. Когда оно подошло ближе, Сидней понял, что это женщина. Закутанная с ног до головы в какой-то длинный темный балахон, вроде мешка. Лицо закрыто черной тонкой сеткой. Джэксон поспешно уступил дорогу и несколько раз оглянулся на нее...

Азия! И здесь ему предстоит жить. Сколько времени? Месяцы? Годы? Пока не окончится война. Мировая война, захватившая всю Европу, решала и его судьбу.

Показывая встречным письмо с адресом и коверкая заученные русские слова, Джэксон спрашивал, как ему добраться до резиденции генерал-губернатора Туркестанского края.

Резиденция царского наместника называлась «Белым домом» и помещалась в центре Ташкента, на стыке азиатской и европейской

частей города. Границей служила неширокая река Анхор, по берегам которой тянулись ввысь пирамидальные тополя.

В «Белом доме» Джэксона встретили приветливо. Как же – иностранец! Его тотчас же провели в приемную генерал-губернатора. Холеный адъютант распечатал письмо и, пробежав его глазами, на ломаном английском языке предложил Сиднею последовать за ним.

Миновав ряд комнат, они вошли в небольшой кабинет чиновника по делам просвещения.

– Это к вам, Алексей Васильевич.

Алексей Васильевич, толстый и лысый, уже в годах, нацепив на нос пенсне, стал, не спеша, читать рекомендательное письмо.

– Значит, вы прямо из Америки? – спросил он по-английски, поднимая на Сиднея маленькие глаза. – Очень рад познакомиться.

Весть о том, что в Ташкент приехал человек из Соединенных Штатов Америки, настоящий американец из Нью-Йорка, моментально облетела аристократические дома. Сидней Джэксон, который временно поселился в доме у Алексея Васильевича, привлек к себе внимание. Его наперебой приглашали на обеды и ужины, интересовались жизнью далекой фантастической Америки.

Жизнь пошла сплошным праздником. Джэксону, несмотря на желание сохранить спортивную форму, пришлось попробовать и русской водки. Не мог же он сидеть чурбаном за столом, когда ради него устраивались такие пышные банкеты.

Ташкентский банкир и хлопкопромышленник Щепкин не мог допустить, чтобы модный американец находился вне его дома. Он сам побывал у Алексея Васильевича и увез Джэксона к себе.

Переводчиком сделали одного из служащих банка Юрия Козлова. Юрий не отходил от Джэксона ни на шаг. Он был в восторге от настоящего американца!

Супруга Щепкина Мария Львовна из рода обедневших князей Сальских, дородная и полнотелая женщина, не по возрасту энергичная, приняла гостя радушно и сама проверила, как убрали его комнату. Она охотно показывала Джэксону свой особняк, водила из залы в залу, расспрашивала, как обставляют свои дворцы американские миллионеры, хвалилась французской мебелью и роскошным садом.

В семье Щепкина Сидней познакомился с племянницей Марии Львовны – Лизой. Лизи довольно плохо изъяснялась по-английски, но

Джэксону было приятно беседовать именно с ней. Рядом с несколько поблекшей Марией Львовной она выглядела красавицей. Лизи находилась в том счастливом возрасте, когда проблема замужества еще не являлась в ее жизни вопросом номер один. Впереди еще были годы, а от женихов уже не было отбоя. Охотников породниться с влиятельной семьей Щепкиных имелось более чем достаточно.

Сидней тоже попал в число ее поклонников. Ему нравилась ее гордая осанка, упругая легкая походка. Он часто любовался правильными чертами ее лица, тонкими, четко очерченными губами, на которых постоянно блуждала насмешливая улыбка. Ее светло-карие глаза то наполняли его душу теплом, то смотрели отчужденно, холодно, отчего ему становилось не по себе.

Лизи открыто и довольно смело кокетничала с Джэксоном. Порой, оставшись с ним наедине, она принималась за усовершенствование своих знаний в английском языке. Под этим благовидным предлогом она задавала такие вопросы, от которых Сидней терялся и краснел. Ей, видимо, нравилось вводить его в смущение. Ее красивые, чуть нахальные глаза принимали при этом выражение безупречной наивности. Ровным голосом, словно речь идет о чем-то обыденном, Лизи уточняла:

– А скажите, пожалуйста, как по английски талия?

Сидней отвечал.

– Это вы говорите о женской талии. А как говорится – девичья талия?

Сидней находил выражение.

– Произнесите, пожалуйста, фразу: красивый бюст.

Сидней не сразу понимал вопрос. Лизи бесцеремонно показывала на свои округлые девичьи груди.

– Красивый бюст. Понимаете? Красивый бюст!

После таких «занятий» у Джэксона кружилась голова, словно он хлебнул глоток крепкого виски. «Черт возьми, – думал боксер, – только бы не влюбиться!»

В семье Щепкиных Джэксон чувствовал себя превосходно. Если так будет всегда, можно подождать окончания войны. Он мысленно благодарил американского посла за внимание и заботу. Бесспорно, тот знал, куда пристроить безденежного соотечественника.

Джэксон больше месяца пользовался популярностью у богатых ташкентцев. Но постепенно страсти утихли, мода прошла.

В беседах за роскошными обедами постепенно выяснилось, что Сидней из бедной рабочей семьи, что он в России не в качестве богатого путешественника, а просто как пострадавший от войны: у него нет денег вернуться на родину кружным путем через Китай... Интерес к нему ослабел. А когда на одном вечере Сидней стал рассказывать своим новым знакомым о том, что он был боксером, известным боксером, одна собеседница, пожилая дама, спросила соседку:

– А что такое – боксер?

– Милая, это вроде гладиатора. Люди выходят на помост и бьют друг друга на потеху зрителей.

– Какой ужас!..

– Милая, нечему удивляться. Ведь он – плебей!

Джэксон, не понимавший по-русски, догадался, о ком они разговаривают. Слово «плебей» не требовало перевода. От стыда и неловкости у Сиднея покраснели уши, словно его, как мальчишку, уличили в чем-то нехорошем.

Семья Щепкиных спровадила американца назад к чиновнику по делам просвещения, а Алексей Васильевич, в свою очередь, ссылаясь на болезнь жены, переселил Джэксона в дешевую гостиницу.

Попытка устроить Джэксона в учебное заведение учителем английского языка тоже не удалась. Нашлись противники.

– У него нет должного образования! – ехидно замечали преподаватели иностранных языков, почувявшие в американце опасного конкурента.

В конце концов, Джэксону удалось пристроиться домашним учителем в семье бельгийского чиновника, представителя Брюссельской компании, владевшей трамвайным парком Ташкента.

Плата за уроки была настолько мизерна, что ее едва хватало на полуголодную жизнь.

Недавние знакомые, те, что гордились им и считали большой честью видеться и беседовать с американцем, теперь при встречах не подавали руки, спешно проходили мимо.

Дружба Джэксона с переводчиком Юрием Козловым продолжалась недолго. Она вскоре оборвалась – Юрий был арестован. Это произошло весной, когда вслед за миндалем расцвели персиковые и урючные деревья и сады Ташкента оделись в бело-розовый душистый наряд.

В субботу после полудня Сидней отправился повидать Козлова. На душе у него было так тоскливо, что буйная азиатская весна не радовала, а угнетала.

У Юрия Джэксон застал нескольких человек. Сиднею они были незнакомы. По их напряженным лицам Сид догадался, что его прихода не ожидали.

На столе стояли две бутылки водки, стаканы, валялись куски черствых лепешек и вареного мяса. Невысокий, коренастый узбек, едва Сидней переступил порог, стал торопливо разливать водку. Другие вопросительно поглядывали то на Джэксона, то на Юрия.

От всей обстановки, от этих напряженных взглядов, от заминки, которая произошла при его появлении, повеяло чем-то близким и знакомым. Повеяло домом, Америкой. Сидней не мог сдержать понимающей улыбки. Он вспомнил Иллая, его друзей, которые часто собирались в их квартире. И тут что-то похожее.

– Знакомьтесь, товарищи, это мой друг, американец, – сказал Козлов и представил Сиднея Джэксона.

Сид по очереди пожимал протянутые руки. Многие были мозолистые, крепкие. Последним протянул руку коренастый узбек.

– Меня зовут Мукимов, – узбек говорил гортанным, приятно звучащим голосом. – Я тебя хорошо знаю. Нам товарищ Юрий много рассказывал. Ты американец, а я узбек – Мукимов. Садись сюда.

Мукимов подвинулся, освобождая место рядом с собой. Джэксон сел. Снова воцарилась неловкая тишина. Чувствовалось, что своим появлением Джэксон нарушил ту атмосферу, которая была до его прихода. Говорили малозначащие слова. Разговор не клеился.

– Водку будешь? – Мукимов показал на бутылку.

Сидней отрицательно покачал головой и показал пальцем на пиалу:

– Чай.

Мукимов улыбнулся. Улыбка у него была теплая, добродушная. Он налил пиалу чая.

– Правильно, товарищ американец. Чай не пьешь – откуда сила будет?

Чай оказался холодным, Сидней понял, что собравшиеся сидят давно. «Русские комитетчики» – в этом он уже не сомневался. Вот бы Иллая сюда. Он бы с ними быстро нашел общий язык! Напротив сидел скуластый русский. Он был одних лет с Сиднеем. Джэксону понравилось его открытое лицо, прямой простодушный взгляд. Русский что-то сказал Козлову, и тот обратился к Сиднею по-английски:

– Тут товарищи просят рассказать о себе.

Джэксон кивнул. Он уже понял, что говорить можно все. Здесь его поймут. Он начал с химического завода, проклятого рабочими Бронкса. Рассказал о трагической смерти отца, о том, сколько горя и бед выпадает на долю простых рабочих-американцев, о забастовках, которые организовывал его брат. Когда Юрий начал переводить, атмосфера в комнате резко изменилась. Присутствующие заулыбались, со всех сторон посыпались вопросы. Джэксон отвечал подробно. Рассказывал все, что знал, что видел, слышал от Иллая и его друзей. Особенно расспрашивали о первомайских событиях, во время которых был схвачен Иллай. По этим вопросам Сидней понял, что «комитетчики» готовятся провести рабочий праздник.

– Не могли бы вы повторить свой рассказ нашим товарищам? Им будет очень интересно узнать о жизни американских рабочих, – попросили Джэксона.

Сидней, не задумываясь, дал согласие.

Домой он вернулся глубокой ночью. Он вспоминал, что говорили ему его новые русские товарищи, и удивлялся, как все сказанное ими было близким ему, волновало его. Сид вспомнил все, что говорил сам, и не мог понять, откуда у него появились такие слова, такие выражения, они могли принадлежать разве только Иллаю. И как приятно сознавать, что ты не одинок, что у тебя есть товарищи, которым ты нужен! Спать не хотелось. Сидней потушил свет, распахнул окно. Ночная прохлада, полная тонких запахов цветущих садов, ворвалась в комнату. Джэксон пододвинул стул к окну...

Воскресенье выдалось солнечным и по-летнему теплым. Сидней выгладил свой костюм, почистил ботинки. Долго и старательно брился. Его не покидало возбужденное состояние. Он торопился. Он должен сегодня встретиться с рабочими Ташкента. Он расскажет им сегодня об Америке.

Однако рассказывать ему не пришлось. Когда он пришел к Козлову на квартиру, его тут же схватили жандармы. В участке, несмотря на его энергичные протесты, продержали несколько дней, пока в ходе проверки и бесконечных допросов жандармский следователь не убедился в том, что американец не причастен к деятельности подпольного большевистского комитета и арестован случайно. На всякий случай следователь взял с Джэксона расписку о невыезде из Ташкента.

4

Джэксон вернулся в гостиницу с тяжелым чувством. Ему казалось, что случилось что-то ужасное. Но он и не подозревал, какие неприятности ждут его впереди. Пребывание в участке в корне подорвало его репутацию. Хозяин гостиницы, который до сих пор гордился тем, что у него живет американец, в категорической форме предложил Джэксону в трехдневный срок подыскать себе новое жилище и освободить номер.

– Я не могу допустить, чтобы у меня проживали политически неблагонадежные!

Не теряя времени, Джэксон отправился к бельгийскому чиновнику, но тот даже не пустил Сиднея в дом. Он передал через слугу, что «весьма сожалеет, однако вынужден отказаться от его услуг».

Частная педагогическая практика – единственный источник дохода Джэксона – прекратилась. Он остался без работы. И именно к этому времени у него вышли все деньги.

С большим трудом удалось найти частную квартиру. Комната была в небольшом глинобитном плоскокрышем доме узбека Карима Юлдашева. Карим работал чернорабочим в железнодорожных мастерских ташкентского депо. Дом его находился неподалеку от

госпитального рынка, в той части города, где жили бедняки различных национальностей.

После безуспешных поисков работы Джэксону, наконец, удалось устроиться подмастерьем в дамское ателье Гофмана.

ГЛАВА ДВАДЦАТЬ ВТОРАЯ

1

Потянулись однообразно трудные дни.

Далеко на западе грохотала первая мировая война. Плоскокрыший Ташкент стали наводнять раненые солдаты и разоренные крестьяне. На хлопкоочистительных заводах и в железнодорожных мастерских вспыхивали забастовки. Непокойно было и в воинских частях.

Сидней работал в портняжной мастерской и жил в крохотной комнате Карима Юлдашева. За это время он научился разговаривать по-русски и кое-как по-узбекски.

Скудного заработка не хватало на жизнь. Попытки Джэксона устроиться преподавателем физической культуры в воинском училище или в гимназии также кончились безуспешно. Все места были заняты.

Жизнь превращалась в повседневную утомительную борьбу за насущный кусок хлеба. Судьба бедных людей всюду была одинаковой.

Палец за это время почти окреп, и Сидней, не особенно напрягаясь, начал готовить себя к будущим боям. Он ежедневно утром и вечером проделывал гимнастические упражнения, прыгал со скакалкой в руках, проводил «бой с тенью». Джэксон еще надеялся выйти на ринг.

2

Семья Юлдашевых, в которой жил Джэксон, состояла из четырех человек: сам Карим, его отец Юлдаш-бобо, семидесятилетний аксакал, добродушный и трудолюбивый, жена Зайнаб-апа и дочь Айгюль.

Первое время десятилетняя попрыгунья сторонилась Джэксона, убегала на женскую половину при его появлении во дворе. Но постепенно она к нему привыкла. Когда же Сидней начал заниматься гимнастикой и боксерской тренировкой, Айгюль заинтересовалась квартирантом. Особенно ей понравилась легкость и ловкость, с какой Джэксон прыгал со скакалкой. Сначала Айгюль наблюдала за

тренировками, потом стала, подражая Джэксону, повторять его упражнения. Айгюль старалась изо всех сил, но все равно так не выходило.

Сидней Джэксон однажды застал ее за «тренировкой». Юная узбечка неумело скакала через веревочку. Ничего не говоря, Джэксон пошел в комнату и вернулся со скакалкой. Пальцем поманил девочку. Айгюль не двинулась с места, но и не убежала.

Сидней усмехнулся и, взмахнув скакалкой, стал легко, красиво подпрыгивать. Айгюль стояла как завороченная. Сидней остановился. Потом стал медленно повторять движения, как бы объясняя ей. Айгюль улыбнулась. Она поняла! Схватив свою веревочку, начала прыгать, повторяя за Джэксоном каждое его движение. В ее иссиня-черных глазах загорелась радость. Оказывается, это так просто!

– Айгюль, где ты? – раздался голос Зайнаб-апы. – Скорей разожги огонь.

Айгюль схватила свою веревочку и тут же убежала за хвостом.

Постепенно между Сиднеем и Айгюль установилась дружба. Сидней показывал ей гимнастические упражнения, Айгюль учила его узбекскому языку.

Семья Юлдашевых жила на скромный заработок Карима. Домой он приходил усталый, грязный, с веселой улыбкой на круглом загорелом лице. И, казалось, никогда не унывал.

Карим иногда заходил к Джэксону. Они садились друг против друга и вели беседу на русском языке, который Карим почти не знал, а Сидней понимал всего несколько фраз. Больше помогали мимика, жесты.

Юлдашевы часто приглашали к себе Джэксона, особенно в те дни, когда Кариму удавалось подзаработать. В такие дни готовили плов.

В начале 1915 года Карима мобилизовали и увезли куда-то на запад, на тыловые работы в прифронтовой полосе. Семья осталась без кормильца. В низком глиняном доме вместо смеха часто слышался плач. Зайнаб-апа ходила с покрасневшими, вспухшими веками. Бедной женщине уже не верилось, что ее муж когда-нибудь возвратится. Проводы в армию она восприняла, как похороны.

Притихла и Айгюль. Она больше не смеялась, а пела только протяжные, тоскливые песни. В ее широко открытых глазах появилась недетская озабоченность.

В один из последних дней осени 1916 года Сидней вернулся с работы поздно. В мастерской наступила горячая пора: приближались рождественские праздники, и заказчиков было много.

Джэксон устало открыл свою комнатку, зажег керосиновую лампу. Разводить огонь в печке, кипятить чай не хотелось. Взял кусок колбасы, пожевал. Вздохнул. Эх, сейчас бы вареных бобов и хорошего бульона! Да гречневых блинчиков с кленовой патокой... От таких мыслей стало еще тоскливее. Не раздеваясь, он лег на жесткую кровать.

– Сидней-ака! Сидней-ака, откройте!

Джэксон нехотя встал, открыл дверь. Айгюль впорхнула в комнату и, заглядывая Сиднею в глаза, выдохнула:

– А что я вам принесла! Вот, смотрите!

И протянула Сиднею конверт, весь испещренный надписями и заляпанный сургучом. Взглянув на штамп, Сидней чуть не вскрикнул от радости. Письмо из Нью-Йорка! Джэксон подхватил Айгюль, поднял ее на вытянутых руках к дощатому потолку и закружил.

– Спасибо, Айгюль! Рахмат! Большой рахмат!

Потом подкрутил фитиль в лампе, прибавил света. Айгюль уселась рядом и не сводила с него счастливых глаз.

Письмо было из дому. Первое письмо за два года! Сидней прочел его залпом. Писала мама, писала о своих радостях, о своих горестях. Она благодарила бога, что ее сын, Сидней, наконец, нашелся, что он жив и здоров. Это была ее самая большая радость в жизни. Иллай поправился, окреп и сейчас снова работает на химическом. На этом радости кончались. Но и горести у нее были не маленькими. Они переехали в Нью-Йорк, живут в старой комнате, на Бронкс-авеню. Ферму пришлось продать. Вырученных денег едва хватило, чтобы рассчитаться с Норисоном и уплатить налоги с процентами.

В конце миссис Джэксон писала о Рите. Каждое слово дышало болью. Риту оставил Блайд. Она так хотела ребенка, но он настоял... Операция прошла неудачно... Джэксон прижал кулаки к вискам. Блайд! Он жив, а Рита... Ну почему тогда, в детстве, я не попал ему в висок? На земле было бы на одну гадину меньше...

Айгюль, увидев повлажневшие глаза Джэксона, и сама заплакала.

– Не надо, Сидней-ака! Не надо... Это я виновата. Зачем принесла эту бумажку и причинила столько горя? Лучше бы бросила ее в огонь...

Девочка всхлипывала, и тонкие черные косички, которые сорока струйками сбегали с ее головы, тревожно вздрагивали.

4

Наступил грозный 1917 год.

Однажды в мастерскую Гофмана вихрем ворвался Ванька-посыльный. На его озорном курносом лице лучились веснушки.

– Братцы, царя скинули!

Все недоуменно переглянулись. Что он, рехнулся? А старший закройщик погрозил Ваньке волосатым кулаком.

– Я тебе скину, сукин сын! Я портки тебе скину и так накидаю, что век, шельмец, будешь помнить!

Но Ванька оказался прав. Через два часа взбудораженные и тревожно радостные портные, побросав работу, высыпали на улицу.

Свобода!

Сидней вместе с остальными направился на митинг в Александрийский парк. Там собралось много народу. Рабочие железнодорожных мастерских и хлопкоочистительных заводов, студенты, грузчики, чиновники, торговцы и солдаты... На груди у многих красные банты. Ораторы сменяют один другого. Им дружно аплодируют. Свобода!

Толстый купец, размахивая тяжелой резной тростью, охрипшим голосом призывал спасти мать Россию. Его не слушали, кричали:

– Долой!

Худощавый чиновник кричал о гражданских правах и кидал шапку вверх:

– Да здравствует Временное правительство!

Усатый рабочий в промасленной куртке потребовал:

– Вся власть Советам!

Из той части, где стояла интеллигенция, раздался выкрик:

– Большевик!

Но тонкий голос потонул в громе аплодисментов. Заводских было больше. Свобода!

По настоянию рабочих комитетов были арестованы генерал-губернатор Туркестанского края и его ближайший помощник. Власть перешла в руки временного комитета, который возглавил Щепкин. По улицам зачастили казачьи патрули. Гофман снял со стены в примерочной портрет царя и требовал, чтобы свободные граждане трудились не покладая рук, ибо лодырей он держать не намерен.

– Политика политикой, а без штанов никто ходить не будет!

Джэксон часами бродил по шумным улицам Ташкента, пытливо всматривался в возбужденные лица рабочих, слушал страстные речи ораторов. Повсюду проходили митинги, собрания, демонстрации.

В России, отсталой России появилось что-то новое, грандиозное. Оно неудержимо влекло к себе. Джэксон плохо понимал русский язык, но были слова, которые не требовали перевода.

5

В середине октября неожиданно возвратился Карим Юлдашев. Похудевший, в старом потертом обмундировании, которое так шло к его смуглому лицу. Карим принес с собой отголоски больших событий.

В тот же вечер в доме Юлдашевых состоялся праздник. Его устроили в складчину. Соседи принесли счастливой Зайнаб-апа мяса, риса, овощей, фруктов, лепешек. Каждый давал, что мог. Сидней вручил Юлдаш-бобо свой недельный заработок:

– Купите, что нужно.

В небольшой комнате на старых войлочных подстилках усаживались гости. Пришли соседи узбеки, друзья по работе, грузчики, среди которых были и двое русских, а также родственники тех, кто еще не вернулся с тыловых работ.

Гости пили чай и слушали. Карим рассказывал о фронте, о том, как русские и немецкие солдаты втыкали в землю винтовки и шли друг к другу с песнями, как они братались и клялись не убивать друг друга. Старики поглаживали бороды и одобрительно кивали головами:

– Магомет завещал нам любить ближних своих. Зачем человеку убивать человека?

Беседа затянулась за полночь. Всех интересовали события в России. Карим рассказывал о большевиках:

– Я слышал, что они хотят передать землю бедным дехканам, заводы – рабочим, чтобы каждый народ жил так, как он пожелает, по своей совести, по правде. Большевики – против богатых, против баев и ханов, они за народную власть, которую называют Советы.

Сидней слушал Карима и думал: когда и где он уже слышал подобные речи? Не о большевиках, о них он узнал здесь, в России, а о том, чтобы отобрать землю и раздать ее фермерам, а заводы – рабочим. Конечно, так говорил Иллай! Неужели то, о чем страстно мечтали американские рабочие, претворяется в жизнь здесь, в далекой России?

ГЛАВА ДВАДЦАТЬ ТРЕТЬЯ

1

– Сидней-ака! Сидней-ака, к вам идут гости!

Айгюль вбежала во двор. Следом за ней вошли двое. Один в черной черкеске и огромной белоснежной папахе, второй, пониже ростом, в элегантном штатском костюме. За воротами фыркали лошади.

Джэксон вышел из своей комнаты. Никаких гостей, разумеется, он не ждал.

– Вы будете мистер Сидней Луи Джэксон? – спросил человек в штатском.

Джэксон утвердительно кивнул.

– Имею честь представиться, секретарь по иностранным делам Туркестанского комитета Временного правительства России дворянин Лаушкин Анатолий Данилович. – Лаушкин, сделав легкий наклон головы, протянул руку в сторону военного. – Личный адъютант генерала Коровиченко есаул Трибин.

Джэксон пригласил гостей пройти к себе.

– У меня по-спартански. Прошу извинить, без комфорта.

Айгюль было очень интересно узнать: зачем пожаловали столь важные люди к Сиднею-ака? Но офицер, заметив ее, взмахнул плеткой:

– Куда лезешь, чумазая?

Айгюль, сжавшись в комок, юркнула на свою половину.

Лаушкин, окинув взглядом холостяцкую комнату Сиднея, положил свою папку на стол и сказал:

– Вы извините, но мы будем говорить весьма откровенно. Нам печально видеть представителя такого могущественного государства, как Америка, в такой жалкой азиатской конуре.

Джэксон пожал плечами.

– Мы знаем, мы все знаем, мастер Джэксон! – Лаушкин улыбнулся, обнажая редкие зубы. – Мы пришли помочь вам!

– Спасти вас! – добавил казачий офицер.

Подцепив ногой табурет, он подтянул его к себе и бесцеремонно уселся.

– Мы приглашаем вас сотрудничать с Туркестанским комитетом. Вернее, служить в его вооруженных силах, разумеется, при штабе. Подробности вот в этом пакете.

Чиновник вынул запечатанный конверт и вручил его Джэксону.

– Мы завтра ждем вас, – Лаушкин протянул руку. – В этом хаосе революции нам с вами следует держаться вместе. Для вас это единственная возможность возвратиться в Америку.

Когда они уехали, Сидней распечатал пакет. Текст был написан по-английски. От имени генерального комиссара Временного правительства по Туркестанскому краю Сиднея Луи Джэксона, гражданина США, приглашали на службу в экспедиционный полк. Ему обещали офицерское звание, награды и достойное вознаграждение за верную службу, а также «по восстановлении в России твердого порядка» возвращение на родину. Джэксон дважды прочел послание. Пакет снова и снова притягивал к себе. Черт возьми, это первое деловое предложение!.. Единственное деловое предложение за три года. Единственная возможность выбраться из России. Но какой ценой!!! Ему предлагают участвовать в восстановлении твердого порядка, то есть в подавлении революции!

– Как же быть? Как поступить?

2

Глубокой ночью Сиднея разбудили гудки. Густой басистый гудок главных железнодорожных мастерских разногласо поддерживали несколько других. Так гудят, когда случается пожар или какое-нибудь стихийное бедствие. Сидней быстро оделся и, выбежав во двор, столкнулся с Каримом.

– Тревога! Боевая тревога! – Юлдашев с винтовкой устремился на улицу. – Скорее в мастерские!

Раздумывать было некогда. Надо выбирать: или вместе с Каримом, или принимать предложение Туркестанского комитета. Но Сидней хорошо помнил, как туркестанские аристократы безжалостно

выбросили его на улицу. А Юлдашев и его товарищи делили с Джэксоном последнюю лепешку. Неужели он будет стрелять в них?

Решение пришло само собой. Джэксон вместе с Каримом побежал по темным улицам встревоженного города к железнодорожным мастерским. Где-то в центре гремели выстрелы. Бухнула пушка.

На привокзальных улицах былолюдно. Народ все прибывал. Шли с оружием и без оружия. Рабочие, ремесленники, солдаты... Все были встревожены. Революция в опасности!

Возле депо Карим расстался с Джэксоном. Он показал Сиднею на здание, где выдавали оружие, и побежал разыскивать свою дружину. Сидней видел, что те, у кого есть оружие, строились в отряды и поспешно уходили в центр города. Там шел бой.

Джэксон попытался было протолкаться к дверям дома, где выдавали винтовки, но на него зашикали:

– Куда без очереди лезешь?

Джэксон вынужден был встать в хвост длинной цепочки людей. Когда он, наконец, подошел к дверям, у него потребовали документы. Солдат с красной повязкой на рукаве был неумолим. Сидней показал заграничный паспорт.

– Заходи.

В комнате пожилой рабочий надел очки и, перелистав страницы паспорта, посмотрел на Джэксона.

– Так, значит, американец?

– Да.

– Революцию поддерживаешь?

– Поддерживаю.

– А кто ты будешь? Из пролетариев?

– Мой отец был рабочим и умер на химическом заводе, – ответил Сидней на ломаном русском языке.

– Свой, выходит.

Американец Сидней Джэксон был зачислен рядовым в интернациональную роту, которой командовал Хаби-буллин.

Джэксону вручили винтовку, сотню патронов.

Хабибуллин, низкорослый и большеголовый татарин, тут же отправил Джэксона на боевой пост – ему, а также старому солдату, георгиевскому кавалеру турецкой войны, Семенову и молодому китайцу Сянь Фу поручили нести охрану водокачки.

Водокачка находилась рядом с депо. Старшим караула стал Семенов. Расправив пышные усы, он молодецкато щелкал затвором, показывая американцу и китайцу приемы обращения с оружием.

Джэксон и Сянь Фу повторяли за Семеновым каждое движение. У китайца было радостное и счастливое лицо. Он – солдат революции!

– А на спуск надо нажимать плавно, помаленьку. Ясно?

Над Ташкентом вставало утро. Где-то в центре горел дом. Черный дым столбом поднимался к небу. Выстрелы стали значительно реже. Семенов влез на водонапорную башню и, приставив ладонь козырьком, долго всматривался вдаль.

– Из центра, небось, уже выбили. Теперича вынимают из крепости! Это как пить дать!

Попытка генерала Коровиченко захватить власть силой оружия и установить кровавую диктатуру оканчивалась безуспешно. Накануне 27 октября жители Ташкента узнали о победе революции в Петрограде. Это послужило боевым сигналом для туркестанских большевиков. Рука об руку с рабочими были и солдаты местного гарнизона.

Генерал решил предотвратить революционное выступление. В ночь на 28 октября он поднял школу прапорщиков, преданные казачьи части и напал на полки гарнизона, пытаясь разоружить их. Завязалась перестрелка.

В предрассветной тишине раздались тревожные гудки депо и главных железнодорожных мастерских. Наспех сформированные отряды тут же вступали в бой. Отбив атаки юнкеров и казаков, восставшие брали квартал за кварталом. Три дня шли уличные бои. Захватили резиденцию Туркестанского комитета Временного правительства – «Белый дом», почту, телеграф и другие важные объекты. Повели наступление на крепость – главную опору контрреволюционных войск. В ночь на 1 ноября революционные отряды штурмовали крепость.

В штурме крепости участвовала и интернациональная рота Хабибуллина. Это было первое боевое крещение Сиднея Джэксона.

Крепость окружили со всех сторон. На предложение сдаться мятежники ответили отказом. Сидней вместе с Семеновым и Сянь Фу, очутившись за углом здания, ждали сигнала к атаке.

– Тут главное – смотри в оба, – наставлял Семенов. – И не отставай от товарищей.

Где-то рядом бабахнула пушка. За ней – вторая, третья. В крепости раздался взрыв. Сразу же затрещали пулеметы, винтовочные выстрелы. Издалека донеслось раскатистое «ура!»

Джэксон бежал рядом с Семеновым. С этим усатым старым солдатом он чувствовал себя увереннее.

Ночную мглу прорезали вспышки разрывов. Когда Сидней добежал до крепости, там уже была давка. Красногвардейцы, толкаясь, стремились скорее проскочить через крепостные ворота, которые были разбиты прямым попаданием снаряда.

В крепости пылала казарма, и пламя освещало весь двор. Шла беспорядочная стрельба. Откуда-то с крыши дома застрочил пулемет, и Семенов, грубо толкнув Джэксона, крикнул ему:

– Ложись!

Сидней плюхнулся в грязь. Единственная куртка, которую он так берег, оказалась запачканной. Джэксон хотел было переползти на сухое место. Но только он привстал, как Семенов снова толкнул его в плечо:

– Лежи! Штаны потом вычистишь!

Сидней хотел возразить, но тут раздался отчаянный крик Сянь Фу. Сидней видел, как китаец, прижав руки к животу, катался по земле. Джэксону сразу стало жутко. Он еще теснее прижался к земле.

Слева и справа зазвучали выстрелы. Красногвардейцы лежа открыли стрельбу по крыше, откуда строчил пулемет. Джэксон, как учил Семенов, щелкнул затвором и поднял винтовку. Лежа стрелять вверх было неудобно. После каждого выстрела приклад больно ударял в плечо.

Пулемет смолк так же неожиданно, как и начал.

Красногвардейцы, пригибаясь, устремились в восточную часть крепости, где еще шел бой. Перепрыгивая через трупы убитых, Сидней бежал вперед и вместе со всеми кричал «ура!»

ГЛАВА ДВАДЦАТЬ ЧЕТВЕРТАЯ

1

14 ноября 1917 года в Ташкенте состоялся краевой съезд Советов, который объявил о переходе власти в руки Советов рабочих, солдатских и дехканских депутатов. Съезд образовал Совет Народных Комиссаров Туркестанского края. Председателем Совнаркома был избран большевик Ф. Колесов, военным комиссаром – Е. Перфильев.

В январе 1918 года, сразу же после получения декрета Центрального правительства, подписанного Лениным, в Туркестанском крае началось формирование частей Красной Армии. Молодая Советская республика создавала регулярную армию.

Рота, в которой служил Сидней Джэксон, вошла в Первый революционный Туркестанский полк.

Организация Красной Армии проходила в сложной обстановке. Атаман Оренбургского казачьего войска полковник Дутов во главе многочисленных отрядов, сформированных из офицеров и богатой части казачества, захватил Оренбург, Челябинск, Троицк, перерезал единственную железнодорожную магистраль, соединяющую Среднюю Азию с Советской Россией.

Центром объединения контрреволюционных сил Средней Азии стал город Коканд. Националистическая организация мусульманского духовенства «Улема» именем бога призывала правоверных вступать на борьбу с «неверными» – большевиками.

В Ферганской долине бесчинствовала басмаческая шайка Иргаша, в Туркмении – Джуканд-хана, в горах Памира – Ибрагим-бека.

Это было трудное время для Туркестанского края. Отрезанные от Центральной России местные Советы вели ожесточенную борьбу с внешними и внутренними врагами.

Весной 1918 года в Ташкент прибыла так называемая «военно-дипломатическая миссия» английских офицеров во главе с полковником Бейли. К ним присоединился бывший английский консул в Кашгаре Д. Маккартнэй и американский консул Трэдвел. Они создали тайную «Туркестанскую военную организацию», в которую

вербовалось бывшее офицерство царской армии. Местные баи и ханы снабжали деньгами, оружием, боеприпасами и снаряжением басмаческие шайки и готовились свергнуть Советскую власть. Для руководства вооруженной борьбой в иранском городе Мешхеде обосновался английский генерал-майор сэр Вильхорид Маллесон, возглавивший специальную «миссию по делам русского Туркестана».

Едва успел сэр Маллесон появиться в Мешхеде, как через иранскую границу для встречи с ним переправился лидер ашхабадских эсэров граф Доррор. Генерал-майор обещал графу Доррору всяческую поддержку, в том числе, если потребуется, и военную.

– В северных провинциях Ирана уже находятся двадцать восьмой кавалерийский полк, девятнадцатый Пенджабский батальон, взвод сорок четвертой батареи полевой артиллерии. Как видите, мы не бросаем слов на ветер. Великобритания всегда готова выступить на поддержку своих друзей!

В тот же день граф отбыл в Ашхабад. Вместе с инструкциями он вез деньги, оружие, боеприпасы.

С благословения Маллесона ашхабадские эсэры подняли голову. 17 июня 1918 года они предприняли первую попытку захватить власть. Однако мятеж был тут же подавлен. На помощь ашхабадским большевикам прибыли вооруженные отряды рабочих Красноводска, Кушки, Мерва, Кызыл-Арвата и заставили эсэров и местных националистов сложить оружие.

Урсатьевская – небольшая железнодорожная станция, открытая с четырех сторон ветрам. Вокзал, депо, несколько домишек европейского типа окружены глинобитными кибитками. Около вокзала – одинокие акации, которые чудом выросли в этом безводном крае. Под их редкой тенью расположилась интернациональная рота Хабибуллина, возвращающаяся из Ферганской долины.

Ветер, песок, жара...

Красноармейцы небольшими группами расположились прямо на земле. Одни спят, закрывшись от жгучего солнца и ветра полкой

шинели, другие чистят оружие, третьи, усевшись в кружок, едят черствые лепешки, сухой урюк и запивают кипятком.

Среди них и Сидней Джэксон. Он осунулся, похудел, загорел. На лбу залегли суровые складки. На нем солдатское обмундирование и красный полинявший бант на груди.

Мимо прошел Хабибуллин – правая рука забинтована, – рядом с ним начальник станции. У начальника усталое лицо давно не спавшего человека. Хабибуллин, ругаясь по-татарски, требовал немедленно отправить его роту.

– Не могу, товарищ, – начальник разводил руками, – что хошь делай, а не могу. Пока не пройдут эшелоны в Ашхабад, не могу. Ты же сам знаешь, там контра голову подняла.

Урсатьевская – узловая станция. Отсюда идут вагоны на север – в Ташкент, на восток – в Фергану и на юг – до самого Красноводска.

К вокзалу, пыхтя и гудя, подошел поезд-броневик. На открытых железнодорожных платформах по бортам уложены плотные тюки спрессованного хлопка. В промежутках установлены пулеметы. На передней платформе – орудие. Паровоз – в середине бронепоезда.

Вокзал сразу заполнили красноармейцы. У крана с кипятком выросла очередь.

Сиднею торопиться было некуда. Он, не спеша, прошелся по перрону. Вдруг его внимание привлек командир. Стройный, высокий, белокурый. Одет тот был, несмотря на жару, в кожаную куртку. В облике командира было что-то знакомое. Когда они встречались? Где? Командир прошел рядом. Сидней увидел у него шрам возле уха. Так это же Петр!

Джэксон бросился, к нему:

– Петер! Петер!

Командир не оглянулся. Сидней забежал вперед и встал перед ним.

– Здравствуй, Петер!

Командир остановился, ласково посмотрел на Сиднея.

– Здравствуй, товарищ! Но я не Петер, ты, видимо, ошибся.

Он не узнавал Джэксона. Но Сидней уже узнал его. По улыбке, по голосу.

– Я Сидней. Сидней Джэксон, помнишь? – И, волнуясь, заговорил по-английски, напоминая о плавании на «Баркаролле».

Английская речь была лучшим доказательством. Командир сразу стал серьезен. Он положил руку на плечо Сиднея.

– Вы?.. Неужели?!

Теперь уж улыбался Джэксон. Он утвердительно кивал:

– Да, Петер... Я!..

Они обнялись. Потом еще раз. Хлопали друг друга ладонями по спине, улыбались, говорили наперебой, мешая русские и английские слова.

Вокруг них образовалась толпа. Красноармейцы соскакивали с бронепоезда и с удивлением смотрели на своего командира чрезвычайного комиссара Центрального Комитета партии и Совнаркома Туркестанской республики Алексея Флорова, который так восторженно обнимался с рядовым красноармейцем.

Хабибуллин, растолкав красноармейцев, подошел к Флорову и четко отрапортовал:

– Интернациональная рота Первого революционного полка, в которой служит рядовым американский гражданин товарищ Джэксон, после успешной операции в Фергане возвращается в Ташкент.

Флоров пожал левую, здоровую, руку Хабибуллина и сказал:

– Джэксона я возьму с собой.

– Товарищ чрезвычайный комиссар, он в нашей интернациональной роте единственный американец! – попытался возразить Хабибуллин, но Флоров был непреклонен.

Тогда Хабибуллин отстегнул маузер и протянул его Джэксону.

– Хорошего человека на Востоке провожают с подарками. Возьми на память о наших победах.

Джэксон с благодарностью принял дорогой подарок. Шутка ли сказать, – маузер!

Джэксона провожала вся рота. Семенов трижды поцеловал его.

Через несколько минут Сидней уже находился в вагоне Флорова. Поезд набирал скорость, увозя его все дальше и дальше на юг.

Джэксон узнал, что Флорова зовут не Петр, а Алексей. После ареста на «Баркаролле» его судили, приговорили к пятнадцати годам каторжных работ и отправили в Сибирь. В конце 1915 года он бежал и до Февральской революции жил на нелегальном положении, ведя подпольную работу.

– А ты здорово тогда мне помог! – воскликнул, улыбаясь, Флоров. – Ты даже сам не знаешь!

Оказывается, в деревянной рамке под фотографией, которую Сидней передал в порту Анне, находились важные документы.

Сидней не верил своим ушам. Он снова и снова расспрашивал Флорова. Тот охотно рассказывал. Оказывается, и Анна была не Анна, а Соня, и вовсе не невеста, а просто подпольщица, которая должна была встретить Алексея в порту.

– Как она благодарила тебя! – вспоминал Флоров. – Знаешь, как закончим ашхабадское дело, напишу ей, что встретил тебя. Обязательно напишу. Вот обрадуется!

Купе заполнялось командирами. Они с любопытством поглядывали на Джэксона. Неужели этот загорелый плотный красноармеец в пропыленной и грязной солдатской форме и есть тот самый американец, о котором не раз рассказывал чрезвычайный комиссар!

Джэксон расположился в купе, где находился пулеметчик Степан Бровкин и его помощник Мурат.

Вдоль наружных стен купе стояли тюки спрессованного хлопка, надежно защищая от пуль. Мурат принес охапку ваты и постелил ее на полу. Джэксон с удовольствием растянулся на мягкой подстилке.

Степан Бровкин, плечистый рыжебородый сибиряк, сидел рядом на полу и поминутно вытирал платком пот, который струился у него по лицу. А смуглолицый худощавый и подвижной Мурат был в стеганом халате, стянутом в талии широким армейским ремнем, и, казалось, совсем не чувствовал жары. Он налил в жестяную кружку кипяток.

– Чай – будешь?

Сидней вытащил свою кружку.

– А я вот никак не могу! – Степан расстегнул ворот рубахи. – Разве в этакую жару чай ползет в нутро?

– Э! Зачем так говорить, Степан! – Мурат покачал головой. – Чай не пьешь – откуда силы возьмешь?

Джэксон выпил кружку кипятку, улегся лицом к стене. Ему хотелось отдохнуть, побыть наедине со своими мыслями. О чем он думал? О жизни, о себе. Встреча с Флоровым подтвердила правильность выбранного им пути.

Все складывается как нельзя лучше. Победа революции – это и его победа. Скоро новая власть утвердится по всей стране. А что будет потом? Вернее, что будет делать потом он, Сидней?

«Потом» – было его будущее. Оно казалось ему сейчас совсем недалеким. Он не знал и не понимал, что гражданская война только начинается, что в Лондоне и Париже, Нью-Йорке и Токио уже делят Россию на части, а полчища интервентов и оккупантов уже садятся на корабли, которые держат путь к берегам Советской республики. Джэксон ничего этого не знал. Он думал о своем будущем. Он был твердо уверен в том, что после победы революции ему, несомненно, дадут возможность попасть к себе на родину. Ему по-прежнему очень хотелось вернуться в Америку. После долгой разлуки увидеть мать, обняться с Иллаем. Он обязательно вернется...

В Ашхабад прибыли утром. Солнце стояло уже высоко, и июльская жара набирала силу. Ни ветерка, ни тучки. В знойном мареве никли листья редких деревьев, росших возле станции и вдоль центральной улицы. В сухих арыках потрескалась земля. Пыль, песок. Прохожих почти нет. Казалось, жизнь замерла и за высокими глинобитными заборами.

Но тишина и сонливость были обманчивы. Сотни недоброжелательных глаз скрытно следили за действиями прибывшего отряда. Мятежники не думали сдаваться. Они лишь притаились, выжидая удобного момента, чтобы нанести удар в спину.

Флоров объявил город на осадном положении. Создал ревком, отстранил эсэров от руководства ашхабадским Советом. К вечеру по улицам в людных местах расклеивали приказ ревкома, в котором в категорической форме предлагалось гражданскому населению немедленно сдать оружие.

А в это время на загородной даче граф Доррер, бежавший из Ашхабада, инструктировал группу местных головорезов:

– Комиссара взять живым. Чтоб ни звука!

В ту же ночь они напали на Флорова, когда он вместе с Джэксоном возвращался с митинга. Сидней и комиссар шли темным

переулком. Флоров был доволен митингом и находился в отличном настроении.

– Тебе нравится эта ночь? – спросил он боксера.

– Не особенно. Я больше люблю лунные ночи, – ответил Джэксон.

– У безлунных своя прелесть. Где, как не в Средней Азии, можно увидеть такие крупные лучистые звезды! Вся Вселенная перед тобой!

Но Сидней не успел взглянуть на небо. Из-за глиняного забора на них, как коршуны на добычу, набросилась группа наемников. Все произошло мгновенно. Флоров сбросил с себя прыгнувшего ему на спину басмача и успел выхватить пистолет. Однако выстрелить не удалось. Несколько басмачей навалились на него, выбили из рук оружие.

Сидней почувствовал, как ему на голову накинута ватный халат. Чьи-то дюжие руки сорвали оружие и пытаются скрутить боксера.

«Засада! – мелькнула мысль. – Комиссар в опасности!» Резким движением тренированного тела Джэксон стряхнул с себя навалившихся наемников и бросился на выручку командира.

– Товарищ комиссар!

Обозленные неудачей, басмачи выхватили ножи. Лезвия тускло сверкнули в синей темноте ночи. Но это не обескуражило боксера. Его мысли были с Флоровым, которого басмачи уже успели свалить.

Джэксон, не мешкая, бросился на врагов. Прямо перед ним выросла огромная фигура двухметрового великана. Басмач взмахнул рукой, надеясь одним ударом ножа покончить с прытким красноармейцем. Но Сидней был начеку. Отбив левой рукой занесенный над ним нож, Джэксон, как это не раз он делал на ринге, ударил снизу вверх с поворотом тела по жирному подбородку. Басмач, лязгнув зубами, рухнул под ноги своих сообщников. Те на мгновение оторопели. Этим замешательством успел воспользоваться Флоров. Он вскочил на ноги.

– Бей гадов!

Басмачи, словно их кто-то подтолкнул в спину, дружно бросились на боксера и комиссара. Схватка была короткой, жестокой. Кулаки Джэксона не знали пощады. Его удары, точные и неотвратимые, валили наповал. Через несколько минут дюжина басмачей валялась в пыли переуллка. Остальные, не выдержав натиска, кинулись бежать, оглашая ночь криками ужаса:

– Шайтан! Злой дух! Шайтан!

4

О ночной схватке ни Флоров, ни Джэксон никому не рассказывали. Было много других, более важных, забот. Однако после этой ночи они стали всюду бывать вместе.

Проведя несколько митингов среди рабочих и поручив ревкому решительно утверждать революционный порядок, Флоров со своим отрядом направился в город Кизыл-Арват, крупнейший центр Закаспийской области. Оттуда поступали тревожные сведения.

В Кизыл-Арвате находились железнодорожные мастерские, в которых работало около двух тысяч человек. Флоров не мог допустить, чтобы такой коллектив был под влиянием эсэров и меньшевиков.

...С отъездом чрезвычайного комиссара Туркестанской республики контрреволюция в Ашхабаде снова подняла голову. Мятежники захватили почту и телеграф, перерезали линию связи с Кизыл-Арватом и, разбив в уличном бою остатки незначительных сил Ашхабадского ревкома, ворвались в здание Совета. Тут же было создано Закаспийское правительство во главе с Фунтиковым и Доррером.

Новое правительство спешно направило в Кизыл-Арват вооруженную до зубов дружину мятежников. Перед ней была поставлена задача – уничтожить отряд чрезвычайного комиссара.

Из-за нарушения связи Флоров ничего не знал о контрреволюционном выступлении в Ашхабаде. Дружина мятежников, ворвавшись в Кизыл-Арват, застигла его отряд врасплох.

5

Красноармейцы, забаррикадировавшись в здании Совета, отчаянно защищались, отбивая одну атаку за другой. Однако силы были не равны. Все попытки пробиться на вокзал к бронепоезду оканчивались безуспешно. К вечеру от всего отряда осталась совсем

небольшая группа бойцов. Многие из них были ранены. Кончались патроны.

Еще в начале боя Флоров вызвал Мурата.

– Бери коня и выбирайся из города. Любыми средствами сообщи Ашхабадскому ревкому. Мы надеемся на тебя, Мурат!

К вечеру невысокое кирпичное здание Совета было плотным кольцом окружено мятежниками. С гиканьем и свистом они бросались на приступ, всякий раз откатываясь назад.

Сидней вместе с Бровкиным обосновались на чердаке. Они вдвоем затащили туда пулемет и, выбив слуховое окно, вели огонь. Стрелял Степан, а Джэксон помогал ему, заменяя уехавшего Мурата.

Мятежникам удалось поджечь крышу. Дым заполнял чердак. Нечем было дышать. Но бойцы держались до последней ленты. Когда пулемет умолк, Степан сказал Джэксону:

– Ступай вниз! А я тут один справлюсь...

Он вытащил из вещевого мешка три гранаты, которые бережно хранил больше года. Теперь они были кстати.

Джэксон спустился вниз и, вытащив маузер, пристроился у окна. На душе было горько. Сколько они еще смогут продержаться? Час? Сутки?..

У соседнего окна, прислонившись боком к стене, сидел Флоров. Он был ранен. Комиссар левой рукой зажимал рану на животе, а правой держал тяжелый кольт. Увидев Джэксона, он улыбнулся, хотел что-то сказать, но в этот момент мятежники с диким ревом снова бросились в атаку. Джэксон, положив маузер на подоконник, стал торопливо стрелять. Вдруг в толпе атакующих один за другим грохнули взрывы. Это Бровкин бросил с чердака гранаты. Мятежники с воем кинулись обратно. Площадь мгновенно опустела. Джэксон вытер ладонью вспотевший лоб и повернулся к Флорову. Комиссар все так же сидел у окна, только голова его была беспомощно опущена на грудь. Со лба на щеку стекала густая кровь. Джэксон бросился к нему.

– Товарищ комиссар!

Флоров не пошевелился. Он был мертв.

– Комиссар убит!..

В комнату, где находился Флоров, собрались остатки его отряда. У многих на глазах были слезы.

Стиснув зубы, Бровкин обвел взглядом товарищей.

– Погибать – так по-русски!

Высоко подняв единственную гранату, он бросился к выходу.

– Ура!

За ним кинулись остальные.

Это была последняя, отчаянная контратака.

В рукопашной схватке, которая продолжалась несколько минут, одни погибли, других, обезоруженных, скрутили, взяли в плен. Среди попавших в плен был и Джэксон.

6

На следующий день пленных, связанных попарно, погнали к окраине города. Джэксон шел с молодым узбеком, раненным в ногу. Узбек от потери крови обессилел и буквально висел на Сиднее.

Пленных, награждая ударами плеток и прикладов, загнали в просторный двор.

Солнце палило нещадно. Во дворе – ни деревца. Время тянулось томительно медленно. Пленные изнывали от жары и жажды. Их продержали под палящим солнцем до самого вечера. Это была жестокая пытка. Люди вконец обессилели. Раненые бредили.

Под вечер во двор въехала группа всадников. Джэксону бросилось в глаза, что двое из них были в форме офицеров американских войск.

Охранники кинулись к пленным и стали пинать их ногами, хлестать плетками.

– Вставай! Тур! Вставай!

Пленные, поддерживая друг друга, поднимались на ноги. До слуха Сиднея донеслась английская речь.

– Это настоящие большевики. Надеюсь, вы удовлетворили свое любопытство? – сказал один из всадников.

– О да, сэр Нольдинг! Я вполне удовлетворен.

Джэксон торопливо протиснулся вперед.

– Сэр, прошу внимания! – крикнул он. – Одну минуту, сэр!

Один из офицеров осадил коня:

– Кто говорит по-английски? Кто меня спрашивает?

Охранники бросились к пленным и вывели Сиднея вперед.

Американец придержал танцующего под ним коня.

– О, я не полагал, что большевик так культурен. У вас есть какая-нибудь просьба или последнее желание?

Пленные, не понимая ни слова, настороженно вслушивались в их разговор. Охранники не сводили глаз с Джэксона.

– У меня только одна просьба, сэр. – Джэксон смотрел соотечественнику прямо в лицо. – У меня только одна просьба, сэр: чтобы вы обеспечили человеческое отношение к пленным.

Нольдинг насмешливо сощурил глаза:

– Стоило ли тебе изучать английский язык для того, чтобы быть расстрелянным в Кара-Кумах?

– Английскую речь я впитал вместе с молоком матери, сэр, – Джэксон старался говорить спокойнее. – Но я настаиваю на своей просьбе – это главное.

Нольдинг круто повернул коня, подъехал вплотную и дважды хлестнул плеткой по лицу боксера.

Джэксон в бессильной злобе рванул связанными руками. Охранники кинулись к нему и, награждая ударами, поволокли к толпе пленным.

Только к вечеру пленным загнали в сарай. Усталые и измученные жаждой, голодные, опаленные безжалостным солнцем, люди, едва переступив порог вонючего сарая, без сил повалились на пол. Джэксон с трудом подтащил узбека, с которым был связан, к стене. Раненый пылал жаром, бредил, метался. Сид ничем не мог помочь товарищу по несчастью. Руки, связанные грубой шерстяной веревкой, затекли и онемели. Во рту пересохло.

Ночь была темной и душной. Джэксон прислонился спиной к стене и закрыл глаза. Вдруг за стеной сарая послышалась какая-то непонятная возня. Потом – шаги, щелкнул замок.

Узники насторожились.

В распахнутую дверь ворвался свежий ночной ветер.

– Кто живой, выходи!

Джэксон узнал голос Мурата. Да, это он!

Узники повскакивали и, толкаясь, устремились к выходу.

– Мурат!

– Братцы, свои!

В дверях красноармейцы орудовали кинжалами, разрезая веревки, которыми были связаны пленники. Мурат, расталкивая счастливых, втиснулся в сарай.

– Товарищ комиссар! – В голосе Мурата была тревога. – Товарищ комиссар!

В сарае воцарилась гробовая тишина. Кто-то сказал:

– Нету комиссара...

Другой добавил:

– Еще днем... Во время боя...

Красноармейцы торопливо седлали лошадей охраны: Мурат посадил Джэксона на свою лошадь.

– Держись за мой ремень!..

Сидней обхватил туркмена покрепче. «Только бы не упасть!» – подумал он.

– Скорей, товарищи! Скорей!

Всадники скакали молча. Вдруг раздался плач туркмена. Он прозвучал тоскливо, как стон:

– Ай-яй-яй! Зачем не успел!.. Зачем не успел!

Мурат вслух выразил то, что было у всех на душе.

– Такой комиссар!.. Самый большой комиссар! Самый первый комиссар!.. Ай-яй-яй!..

ГЛАВА ДВАДЦАТЬ ПЯТАЯ

1

Пятнадцатый день скитаний по знойной пустыне. Всюду, в какую сторону ни посмотришь, видишь одно и то же – застывшие, мертвые волны. Песок, песок, песок... Кажется, ему нет ни конца, ни края.

Уставшие лошади медленно бредут, понуро опустив головы, словно обнюхивают сыпучее бездорожье. Всадники их не торопят. Они рады тому, что животные еще держатся на ногах.

Всадников двое. Мурат и Джэксон. Мурат на серой лошади едет впереди. К его седлу привязан длинный повод второго коня бурой масти. На нем Джэксон. Старая туркменская папаха надвинута до бровей. Но и она плохо спасает от слепящего солнца. Полузакрыв глаза и плавно покачиваясь в такт шагам лошади, Сидней дремлет в седле.

Зной, голод и жажда оставили на его лице свои следы. Оно осунулось, глаза ввалились, кожа потемнела и обветрилась.

Лошади тихо бредут, а кажется, что топчутся на месте. Только следы ложатся на неровном грязно-желтом листе бесконечно длинной строчкой, рассказывающей печальную повесть о двух смельчаках, дерзнувших вступить в единоборство с черной смертью – Кара-Кумами. Два дня небольшой отряд красноармейцев бешено скакал по пустыне, уходя от погони.

На привале командир роты ашхабадского полка, которую Мурат встретил и привел в Кизыл-Арват, сказал:

– Мы не знаем обстановки. Оставаться тут рискованно. Надо разбиться на небольшие группы. Одна пойдет в Красноводск, другая – в Мерв, третья – в Кушку, четвертая – на север, к Аральскому морю. Мы должны любым способом сообщить командованию о мятеже.

На север пошел Мурат. Он знал пустыню, вырос в этих краях. Он и выбрал самую трудную дорогу. Так ему подсказала совесть.

Кроме Джэксона, в его группу вошли армянин Саркисян и два красноармейца из отряда Флорова.

После привала, разделив оружие, воду и продовольствие, бойцы разъехались в разные стороны.

Мурат повел свою группу в сердце Кара-Кумов, в горячие пески. По еле заметным признакам, только Мурату понятным отметкам маленький отряд уверенно шел вперед. На пятые сутки вдали, у самой линии горизонта, показался зеленый островок. К вечеру добрались до густых зарослей саксаула. Послышался отдаленный лай собак, в воздухе запахло дымом костра и жареным мясом.

Мурат велел всем остаться на месте, а сам направил коня к юрте пастухов. Он пробыл там довольно долго и вернулся не один. С ним пришел старый туркмен, видимо, старший среди пастухов. Мурат подарил ему винтовку и десяток патронов.

Аксакал не смог сдержать радости, хотя старался казаться равнодушным. У него загорелись глаза, и руки с жадностью уцепились за оружие. Он тут же унес подарок.

– Зачем ты ему винтовку отдал? – спросил Джэксон.

– Так надо, – ответил Мурат. – Такой обычай. Надо самый дорогой подарок делать.

Вскоре раздался собачий лай. Бойцы вскочили. К костру приблизился аксакал и с ним еще двое молодых туркменов. Аксакал на железном подносе принес куски жареной баранины.

Один из пастухов разостлал на песке у костра самотканую скатерку и положил на нее огромные плоские лепешки. Аксакал поставил рядом поднос с мясом. Потом взял у второго пастуха бурдюк с кобыльим молоком и вручил его Мурату.

Когда все насытились, по кругу пошла кружка с кипятком. Завязалась беседа. Мурат и Саркисян выполняли роль переводчиков.

Аксакал сообщил, что от Красноводска до Чарджоу власть находится в руках англичан – так в Туркестане именуют англичан. К англизам перешли банды Джунанд-хана и дашнакцутюицы полковника Ораз-Сердара. Вся степь в огне.

Пастухи туркмены настоятельно просили, чтобы кзыл-аскеры – красноармейцы – с рассветом покинули их стойбище. Рядом бродит банда дашнакцутюнцев, и они опасаются, как бы те не расправились с пастухами за оказанное гостеприимство.

Мурат, приложив руку к сердцу, твердо обещал выполнить эту просьбу:

– Отец, утром нас здесь не будет. Мы сами спешим.

Аксакал оживился.

– Если вы спешите, то зачем терять время. Мы дадим лошадей, мяса, лепешек и воды. Пусть ваш путь будет счастливым!

Пастухи пригнали лошадей, помогли оседлать. Дали один хурджум с лепешками, несколько бурдюков с водой и двух связанных баранов.

– Сами зарежете.

Когда взошла луна, отряд снова находился в пути.

Однако избежать встречи с бандитами Ораз-Сердара им не удалось. Отряд напоролся на засаду. Притаившись за высоким гребнем бархана, дашнак-цутюнцы неожиданно открыли беспорядочную стрельбу. Первыми же пулями двое бойцов были убиты наповал. Мурат, Джэксон и Саркисян, отстреливаясь, повернули назад и погнали лошадей по ложбине, между барханами. Началась бешеная скачка. Бандиты преследовали. Упал раненый Саркисян.

Джэксон и Мурат соскочили с лошадей. Они хотели помочь товарищу.

Ашхабадец был ранен смертельно. Пуля прошла чуть ниже пояса. Он сам понял, что минуты его жизни сочтены. Саркисян, сжав побелевшие губы, щелкнул затвором.

– Я задержу их... Мне все равно... А вы... – Он махнул рукой. – Скорей!.. Ташкент должен знать...

Мурат и Джэксон молча вскочили на коней.

Сзади долго раздавалась стрельба.

Прячась в ложбинах меж барханами, они сделали большой крюк и снова повернули к северу.

Так их осталось двое. Им удалось уйти от погони. Но впереди их поджидал самый коварный и беспощадный враг – пустыня.

Пятнадцатый день скитаний.

Знойное марево уныло дрожит над сонными барханами. Сухой, жаркий воздух, сухой разогретый песок. Безветрие и тишина. Никогда в жизни Джэксон не ощущал такой тишины. Сначала она пугала, настораживала. Даже собственный голос казался Сиднею лишним и чужим в этом бесконечном крае вечно покоя. Потом тишина стала

раздражать. Хотелось звуков. Обыкновенных звуков. Звона трамваев, рокота мотора, стука дверей, шелеста листвы, пения птиц, плеска воды, ударов гонга. Жизнь – это звуки! А здесь – тишина. Гнетущая тишина.

Джэксон нервным рывком вскидывал винтовку. От неожиданного выстрела лошади шарахались в сторону, тревожно храпели. Мурат ругался по-туркменски и кричал, что патроны надо беречь. А Джэксон улыбался. Он разбудил пустыню! Но проходили минуты, и тишина снова воцарялась вокруг.

После полудня заговорили пески. Небо сразу подернулось желтой пеленою, солнце поблекло. Душный воздух застыл, притаился, напряжился, как тигр перед броском. Лошади, словно очнувшись, пошли быстрее. Они первыми почуяли приближение беды.

– Идет большой ветер!

Мурат остановил коня, соскочил.

– Надо готовиться! Ветер быстро придет!

Не успели они снять поклажу, как налетел первый порыв урагана. Вверх взметнулись тучи пыли и песка. Стало темно, словно наступили сумерки. Песок набивался в уши, в рот, нос.

Лошадь Джэксона, дико заржав, рванула поводья. Вырвавшись, она исчезла в пыльном вихре. Сидней попытался было догнать ее. Но через несколько шагов остановился. Он ничего не видел перед собой. Глаза были залеплены песком.

– Скорей ложись! Скорей ложись! – кричал Мурат.

Джэксон повернул назад и, вытянув вперед руки, стал искать товарища.

Мурат лежал вместе с конем. Сидней опустился рядом. По совету Мурата закутался в халат, закрыл лицо платком.

Ветер выл, гудел, поднимал и швырял тучами песок. Джэксон почувствовал, что их засыпает. Он хотел привстать, освободиться от навалившегося песка. Но его удержал Мурат.

– Надо лежать! – закричал он в самое ухо Сиднею. Сидней молча повиновался.

Буря свирепствовала долго. Может быть, сутки, может быть, трое. Сидней не знал. Сначала он забылся, потом забытье перешло в сон.

Проснулся Джэксон от толчков. Его тормозил Мурат:

– Вставай! Вставай!

Сидней поднялся, размотал платок, открыл глаза и – не узнал пустыни.

Вместо горбатых барханов, которые тут были накануне, вокруг, до самого горизонта, простиралась ровная песчаная гладь.

Мурат перебрал поклажу. Часть выкинул. Оставил воду, еду, винтовки и немного патронов. Все это навьючил на коня.

Сами пошли пешком.

Первым выбился из сил конь. Он упал на песок, и никакими ударами его уже не удалось поднять на ноги. Тогда Мурат прирезал его.

Джэксон насобирав сухих колючек, разжег костер, и они досыта наелись мяса. Но после этого жажда усилилась, а воду надо было беречь.

Начался пеший поход. Сидней потерял счет дням.

Сначала они бросили одну винтовку и патроны. Потом, обессилив, вторую. Шли только по утрам и вечерам, когда спадал зной. Потом – только по утрам...

Разъезд красноармейцев заканчивал разведку. В песках было беспокойно, и специальный отряд правительства РСФСР под командованием Джаигнльдина продвигался с большими предосторожностями.

Разъезд повернул назад. Круглов в последний раз приставил к глазам бинокль. Впереди лежала пустыня, мертвая и огромная. Несмотря на утро, оттуда несло сухим палящим зноем. Вдруг его внимание привлекла маленькая точка. Она была у самой линии горизонта, на границе желтой пустыни с бирюзовым небом. Точка то появлялась, то исчезала:

– Постой, ребята!

Красноармейцы остановили коней, насторожились.

– Матвеев, на-ка посмотри. У тебя глаза острее, – Круглов протянул бинокль. – Видишь точку?

Матвеев пристально рассматривал горизонт.

– Там две точки, товарищ командир. Потом добавил: – Вроде люди... Вроде пешие...

– Люди? – насмешливо усмехнулся красноармеец с круглым монгольским лицом. – Ты, Матвеев, смешной человек! Кто в черных песках будет пешком бродить?

Круглов снова посмотрел в бинокль на горизонт. Пусто. Немного погодя появилась темная точка. Потом она превратилась в две. Никакого сомнения – там люди.

– Токтогул, скачи в отряд. Передай, что мы углубились в пески. – Круглов прищпорил коня. – Остальные, за мной!

Вскоре уже невооруженным глазом каждый боец видел, что по пескам бредут два человека. Было ясно, что они вконец выбились из сил. Сделав несколько шагов, падали, вставали, помогая друг другу, шли и снова падали...

Когда красноармейцы подскакали к ним, неизвестные неподвижно лежали на склоне бархана. Их вид был страшен. Худые, изможденные, высохшие. На заросших бородатых лицах выделялись темные глазные впадины и вспухшие потрескавшиеся губы.

Двое суток Мурат и Сидней спали.

Первым пришел в себя Джэксон. Вода и пища, в первую очередь вода, вернули его к жизни. Открыв глаза, Сидней удивленно посмотрел вокруг. Где он? Почему рядом костры, люди, лошади, верблюды? Не мираж ли это? Он опустил веки и тут же спохватился – где Мурат?

– Мурат! – позвал Джэксон. – Мурат!

Он кричал, напрягая все силы, но вместо крика получился какой-то сиплый шепот.

– Лежи, лежи, – ласково сказал Матвеев, который не отходил от спасенных. – Надо лежать.

Чужой голос, совсем не похожий на голос туркмена, вернул Джэксона к действительности. Нет, это не мираж. Тогда что за люди

его окружают? К кому он попал? Сидней настороженно осмотрелся. Вдруг он увидел на помятой фуражке Матвеева пятиконечную красную звезду. Сразу стало легко, свободно. Джэксон улыбнулся потрескавшимися губами. Свои!

– Кто командир? – прохрипел Джэксон. – Позовите командира...

– Надо лежать, – успокаивал Матвеев. – Надо подкрепиться. Потом поговоришь с командиром.

Но Сидней настаивал. Он должен сейчас же видеть командира, немедленно! Он должен сообщить нечто очень важное. Государственно важное. Матвееву ничего не оставалось другого, как отправиться за командиром отряда. Джэксон требовал «самого главного». Вскоре к Джэксону подъехала группа кавалеристов. Они спешили и подошли. Один из них протянул к Сиднею руку.

– Джангильдин. Военный комиссар Тургайской области, командир отряда.

Джангильдин был среднего роста, плотный, с мягкими восточными чертами лица. В его глазах, темных и внимательных, светились доброта и проницательность. Одет он был в кожаный военный френч, перетянутый крест-накрест ремнями.

Джэксон приподнялся на локтях.

– Надо сообщить... срочно сообщить в Ташкент, в Москву... Они подняли мятеж с помощью англичан...

Сидней, злясь на свою слабость, старался скорее рассказать о трагической гибели чрезвычайного комиссара Туркестанской республики, о разгроме Ашхабадского ревкома, о большом размахе контрреволюционного выступления эсэров и местных националистов, о том, что американские и английские военные специалисты руководят мятежниками.

Джангильдин слушал внимательно. Когда Сидней кончил говорить, он положил руку на плечо Джэксона.

– Спасибо, товарищ. Я постараюсь сообщить правительству и ваши сведения. А вам надо отдыхать, набираться сил. Впереди трудные бои. Товарищ Ленин уже знает об интервенции англичан, об открытии Закаспийского фронта.

От каждого слова Джангильдина у Сиднея спадала тревога, беспокойство, которое столько времени заставляло его жить, двигаться. «Товарищ Ленин уже знает! – думал Джэксон. – Это очень

хорошо. Выходит, какая-то из групп добралась до своих раньше. Это очень хорошо!»

Отряд Джангильдина выполнял важное задание правительства РСФСР.

Контрреволюционное выступление, подготовленное англичанами, ширилось с быстротой степного пожара. Эсэров, белогвардейцев и буржуазных националистов поддержало мусульманское духовенство, которое в своем обращении к верующим призывало встать на защиту ислама. Почти вся Закаспийская область, за исключением крепости Кушка, оказалась в руках мятежников.

Совнарком Туркестанской республики, принимая срочные меры для ликвидации мятежа, послал по радио телеграмму Ленину о создавшейся критической обстановке. Владимир Ильич немедленно, 17 июля 1918 года, ответил телеграммой, в которой писал: «Прилагаем все возможные меры, чтобы помочь вам»...

Оказание этой помощи было поручено военному комиссару Тургайской области Казахстана коммунисту Алиби Джагильдину. В центральных районах России был срочно сформирован специальный отряд в шестьсот человек. Правительство РСФСР вручило Джангильдину огромную сумму денег – шестьдесят восемь миллионов рублей золотом – для передачи Совнаркому Туркестанской республики и большое количество оружия, боеприпасов для доставки через Астрахань по Каспийскому морю.

В тот же день Джангильдин вместе с отрядом двинулся через Царицын к югу. Большевики Астрахани помогли снарядить экспедицию. На две рыбацкие шхуны погрузили оружие, боеприпасы, снаряжение. Отряд пополнился добровольцами, в основном казаками, киргизами, узбеками, и вскоре двинулся в плавание по Каспийскому морю.

Узнав о том, что Красноводск занят англичанами, Джангильдин принял решение высадиться севернее, на восточном берегу.

Местные жители – туркмены – встретили отряд сначала настороженно. Но когда Джангильдин, хорошо зная местные обычаи,

почтительно принял стариков и рассказал им о том, с какой целью прибыл отряд, туркмены охотно согласились помочь. Они привели Джангильдину шестьсот верблюдов и лошадей и выделили проводников, чтобы провести отряд по безводной пустыне.

Мятежники праздновали легкую победу. Генерал-майор сэра Вильхорид Маллесон перенес свою резиденцию из иранского города Мешхед в Ашхабад. От имени английского правительства он поспешно заключил с Закаспийским правительством договор, согласно которому «ввиду общей опасности большевизма» Англия обязалась обеспечивать контрреволюционную армию достаточным количеством оружия, боеприпасов, снаряжения, ввести дополнительные полки великобританских войск для «сохранения порядка». Взамен этого Закаспийское правительство безвозмездно уступало англичанам Среднеазиатскую железную дорогу, Красноводский порт, Кушкинскую крепость, весь запас туркестанского хлопка и признавало английский контроль над финансами.

Окрыленный первыми успехами, генерал разрабатывал план захвата всей Туркестанской республики. Мятежные войска, ломая сопротивление красноармейских частей, стремительной лавиной двигались к Ташкенту.

В эти напряженные дни героический подвиг совершили рабочие города Чарджоу. Большевики провели митинг, на котором приняли решение: оборонять город до прибытия частей Красной Армии.

Вооружались кто чем мог. В складах военного городка нашли три пулемета, одну пушку и достаточное количество боеприпасов. Командиром добровольного отряда избрали коммуниста Николая Шайдакова, плотника Амударьинской флотилии.

В течение трех дней сто двадцать восемь рабочих героически держали оборону. Около двух тысяч белогвардейцев и басмачей много раз бросались в атаки в конном и пешем строю, но так и не прошли рубеж обороны. Рабочий отряд продержался до тех пор, пока из Ташкента не подошли красноармейские части. Наступление мятежников было остановлено.

В Ташкенте из рабочих были срочно сформированы два ударных батальона и вместе с полками регулярной армии направлены на Закаспийский фронт. Правительство Туркестанской республики обратилось с воззванием ко всем Советам солдатских, рабочих и крестьянских депутатов, в котором разъясняло создавшееся положение и призывало всех коммунистов с оружием в руках защищать социалистическую революцию.

8

Два с половиной месяца отряд Джангильдина пробирался по черным пескам Кара-Кумов и безводным солончаковым степям. Много трудностей и лишений пришлось пережить.

Джэксон и Мурат за это время окрепли и стали бойцами отряда. Их мужественный поход по Кара-Кумам завоевал им всеобщее уважение.

К осени отряд вышел к станции Челкар, где находился штаб Актюбинского фронта. Транспорт оружия, направленный по указанию Ленина, был доставлен своевременно. Полки туркестанцев получили двадцать тысяч винтовок, два миллиона патронов, десять тысяч гранат и семь пулеметов.

Красноармейские части, которые сидели на голодном патронном пайке, воспрянули духом и пошли на прорыв блокады.

На Закаспийском фронте также наступил перелом. Красная Армия перешла в решительное наступление.

В то время, когда в песках под Красноводском англичане расстреляли 26 бакинских комиссаров, а в Ашхабаде английские и американские офицеры чинили расправу над коммунистами, простой американец Сидней Джэксон пролил свою кровь за утверждение свободной республики рабочих и крестьян. В боях под городом Байрам-Али он был ранен. Месяц пролежал в госпитале. Поправился и – снова на фронт. В первых рядах своего полка Джэксон прошел с боями тысячи километров, освобождая города Хиву, Мары, Тахта-Базар, Ашхабад, Красноводск. В боях под Казанджиком он получил второе ранение.

Четыре года не снимал Джэксон солдатской формы, четыре года не выпускал из рук винтовки.

Закончилась гражданская война, изгнаны интервенты, разгромлены белогвардейские армии. Летом 1922 года Сидней Джэксон возвратился в Ташкент.

ГЛАВА ДВАДЦАТЬ ШЕСТАЯ

1

Эшелон, сбавляя скорость, подкатил к вокзалу. Из дверей товарных вагонов выскакивали солдаты. Одни бежали за кипятком, другие осаждали буфет, третьи устремлялись к небольшому базару. На перроне – шум, гам.

Из третьего вагона выходили с вещами и без оружия. Демобилизованные воины возвращались домой.

Джэксона никто не ждал, никто не встречал. Однако это ничуть не омрачало его радости. После знойных Кара-Кумов столица Туркменской, республики показалась ему сплошным цветущим садом. Улицы утопали в зелени. Шумно звенели трамваи, торопливо шли пешеходы. Жизнь была ключом.

Сидней вышел на привокзальную площадь. Осмотрелся. Все так, как и семь лет назад, когда он впервые ступил на эту солнечную землю. Те же дома, деревья, трамваи. И в то же время все не то. И он не тот. Совсем не тот!

Джэксон улыбался. Улыбался домам, деревьям, людям.

– Здравствуй, Ташкент!

Пожилой узбек в ферганской тубетейке остановился, видимо приняв приветствие в свой адрес, приложил руку к сердцу:

– Салам алейкум, уртак! Здравствуй, товарищ!

От теплого приветствия незнакомого человека на душе стало еще радостнее, солнечнее. К Джэксону подкатил фаэтон.

– Товарищ красноармеец, живо довезу! – Кучер лихо соскочил с передка. – Да вы не беспокойтесь, бесплатно! Так постановил наш профсоюз. Всех демобилизованных развозим задарма.

Но Сидней отказался:

– Спасибо, друг. Мне недалеко, совсем рядом. Я и так доберусь.

Джэксону хотелось пройти по улицам пешком, посмотреть на город.

Закинув за спину походную сумку, наполненную нехитрым солдатским скарбом и сухим пайком, взяв на руку шинель, Джэксон, не

спеша, пошел в город.

– Здравствуй, Ташкент!

Шагая по затененному тротуару, он полной грудью вдыхал воздух и почему-то вспоминал о своем деду, которого никогда не видал. Видимо, тот Джэксон так же радостно шагал по американской земле, возвращаясь домой после победного окончания войны за независимость, и думал о том, что теперь своими руками построит настоящее счастье. «Что ж, если деду не удалось это сделать тогда в Америке, – думал Сидней, – то теперь я это сделаю здесь!»

На груди его пропыленной гимнастерки алел бант, слегка выгоревший на солнце, но еще яркий, красный, как знамя, под которым он сражался, которое гордо реяло под крышей бывшего дворца царского наместника, а ныне здания правительства Туркестанской советской республики.

2

Джэксон шел не спеша. Вот и переулок, узкий и косой, глиняный дувал, облупленный и до щербатинки знакомый, калитка.

Сидней задумчиво взялся за потемневшее медное кольцо. Дверь оказалась открытой. Можно было войти. Но он постучал. Послышались легкие шаги. «Интересно, узнают меня или нет?» – подумал Джэксон. Калитка раскрылась, и Сидней увидел невысокую молодую узбечку. У нее было круглое лицо, круглые смешливые глаза и множество тоненьких косичек, которые струйками сбегали из-под яркой тюбетейки.

«Неужели это Айгюль? – пронеслось в голове Джэксона. – Выросла, изменилась. Совсем не похожа на ту маленькую стройную девочку».

– Здравствуй! – сказал он громко.

– Ие?! – У девушки удивленно поднялись брови. – Ким керак? Кого надо?

Она говорила мягким гортанным голосом. Сидней неуверенно произнес:

– Айгюль...

– Айгюль? – переспросила узбечка и замотала головой. – Йок, йок, Нет, нет! – потом протянула руку к дому. – Айгюль там.

– Айгюль! О, Айгюль! – негромко крикнула узбечка и, улыбаясь Джэксону, сказала: – Проходите. Будьте гостем.

Джэксон шел по кирпичной дорожке, с интересом осматриваясь вокруг. Все по-старому, все, как было. Старый глинобитный дом и чуть прогнутая крыша небольшой террасы, выбитое окно в чулане. И, как всегда, чистота.

Из дома вышла смуглая красивая девушка. Поверх цветного платья надета синяя жилетка, которая подчеркивала стройность и статность. На голове, поверх тубетейки, в несколько рядов уложены черные косы. Большими серьезными глазами она вопросительно смотрела на Джэксона.

– Айгюль! – тихо произнес Джэксон, любуясь ею. – Вот ты какая стала, Айгюль!

Она несколько секунд неотрывно смотрела на Джэксона и вдруг сорвалась с места. Сидней почувствовал на своих плечах горячие руки Айгюль, совсем рядом увидел ее темные лучистые глаза.

– Сидней-ака!.. Ой-йе! Сидней-ака!

Вечером они сидели за чистой скатертью – дастар-ханом. Джэксон был усажен на почетное место. Напротив, поджав ноги, расположился седой Юлдаш-бобо. Айгюль была за хозяйку.

Джэксон с удовольствием ел жирный лагман, приготовленные на пару большие пельмени – манты. Пил душистый зеленый чай.

Айгюль рассказала о том, как они жили. Юлдаш-бобо смотрел добрыми глазами на Джэксона, вздыхал и поглаживал ладонями пордевшую бороду.

– Мы с дедушкой остались вдвоем. Зайнаб-апа умерла сразу после вашего ухода на войну. Она заболела. Лечилась у знахарок и пила всякое зелье. Потом, в двадцатом, сообщили о смерти отца. Он погиб в Бухаре, когда наши ворвались в эмирский дворец... Я долго не верила, все ждала, что он придет...

Айгюль низко нагнула голову. При свете керосиновой лампы на ее длинных ресницах заблестели капельки влаги. Юлдаш-бобо протянул руки и широкой ладонью с узловатыми пальцами стал гладить внучку.

– Не надо, внучка. Тот, кто ушел к аллаху, назад не возвращается.

– Теперь я привыкла, – Айгюль овладела собой. – Товарищи, подруги, комсомольская работа... Знаете, что мы сейчас делаем?

Она стала рассказывать о собраниях женщин, на которых выступают коммунистки, русские и узбечки, о кострах на базарных площадях, на которых сжигали паранджу.

– А в свободное время я – на стадионе. Занимаюсь гимнастикой и бегом, – Айгюль оживилась. – Говорят, что у меня неплохие результаты.

До поздней ночи просидели они, разговаривая, вспоминая, рассказывая. Давно пора было ложиться спать, но они не расходились. Джэксон поймал себя на мысли, что здесь, рядом с Айгюль, он просидел бы так вечно. Ему хотелось смотреть на ее овальное красивое лицо, ловить улыбку мягко очерченных нежных губ, любоваться взлетом тугокрылых черных бровей и ощущать на себе ее взгляд. Ее глаза, черные, большие, были рядом, дарили тепло, излучали таинственную силу, притягивали.

Даже тогда, когда он остался один, Сидней не перестал думать об Айгюль, восхищаться ее яркой восточной красотой. Он лежал на мягких одеялах, постланных на удеревянной тахте, в небольшом винограднике внутреннего дворика и мечтательно смотрел на далекие звезды – яркие, лучистые...

Утром Джэксон побрился, вытащил из чемодана гражданский костюм, рубашку, галстук. Разогрел утюг, долго и старательно гладил. Вычистил до блеска старые штиблеты. Однако, когда оделся и завязал галстук, ощутил какую-то неловкость. То ли костюм стеснял движения, то ли он отвык от выглаженных брюк и чистой рубашки. «Неужели таким франтом он пойдет в Совет за направлением на работу? Конечно нет!»

Снова дымил утюг, снова мелькала одежная щетка. Потертая гимнастерка посветлела. Начищенные сапоги, хотя и не блестели, как штиблеты, зато удобны и привычны.

В красноармейской форме Джэксон выглядел мужественнее. И чувствовал себя не случайно попавшим в рабочую среду, а равноправным солдатом революции.

В Ташкентском городском Совете Джэксона провели в отдел кадров. Полная женщина с усталым лицом быстро просмотрела красноармейское удостоверение.

– Где вы раньше работали? – спросила она, поправляя очки. – Куда вас направить?

Джэксон неловко переминался с ноги на ногу. Сказать, что он работал гладильщиком в портняжной мастерской? Несolidно. Сказать, что он боксер? А знает ли она, что такое бокс? Но его опасения оказались напрасными. Едва заговорил он о спорте, лицо женщины просветлело.

– Так, значит, вы специалист?

– Профессионал, – поправил Джэксон, – профессиональный боксер.

– Голубчик, так бы сразу и сказали! Нам позарез нужны специалисты по спорту.

Она тут же сняла телефонную трубку, вызвала какого-то товарища Мукимова.

– Иргаш-ака, нашла!.. Ну да... да. Даже профессионал, американец... Что? Немедленно к вам? Хорошо, хорошо.

Кабинет Мукимова оказался на другом конце коридора. Джэксон мельком прочел надпись на табличке: «Начальник Всеобуча». В приемной толпились люди. В основном военные. У многих имелись командирские отличия.

Джэксон подошел к секретарше и назвал себя. Светловолосая девушка приветливо посмотрела на него и скрылась в кабинете. Через минуту массивная дверь открылась, и на пороге появился коренастый мужчина в военной форме. Все сразу двинулись к нему.

– Товарищи, по порядку, – сказал Мукимов. – Приму всех обязательно. Кто товарищ Джэксон?

Сидней выступил вперед.

– Я.

– Прошу вас, входите.

Джэксон смотрел на Мукимова, на коренастую фигуру начальника Всевобуча, на орден Красного Знамени, на его широкое скуластое лицо и не мог отделаться от странного чувства, которое его охватило. Было что-то знакомое в облике этого человека. Боксер готов был поклясться, что они где-то встречались.

Мукимов дружески протянул руки:

– Ну, здравствуйте, саялам-алейкум, товарищ американец! Очень рад с вами встретиться. Сколько лет! А?

И тут Сидней узнал его. Узнал по гортанному голосу, по его теплой, доброй улыбке. Это был один из тех, кто присутствовал на вечере у Юрия Козлова. Это тот самый узбек, который усадил его тогда рядом с собою. Вот так встреча!

Мукимов усадил гостя на диван и засыпал Джэксона вопросами: как встретил революцию, давно ли в Красной Армии, где воевал? Сидней, в свою очередь, спросил о Юрии Козлове. Где он? Жив ли?

– Был с ним на каторге, – рассказывал Мукимов. – Вместе бежали. А сейчас он высоко. Начальство! – Он шутливо поднял руку, показывая на потолок. – Большой человек. В Москве, заместитель наркома.

Мукимов рассказал, что Козлов всегда тепло вспоминал о Джэксоне и очень сожалел, что по неосторожности «впутал американца в политику».

– Знаешь, – сказал Мукимов, переходя на ты, – я завтра буду разговаривать с Москвой по телефону и сообщу о тебе. Ты не против? Вот Юрий-ака обрадуется!

Потом долго говорили о спорте. Откуда знает спорт? Сколько лет занимался боксом? Разбирается ли в гимнастике? Пробовал ли свои силы в легкой атлетике и плавании? Как организовывать соревнования? Какой нужен инвентарь для тренировок? Вопросы сыпались, один за другим.

У Джэксона потеплели глаза. Он увидел не начальника, а человека, серьезно интересующегося физической культурой, спортом. И еще он понял, что эти люди, люди новой власти, придают большое значение физической культуре. Он и сам не ожидал, что это открытие так обрадует его.

– Мы строим социалистическое государство, – говорил Мукимов. – Государство, в котором физическая культура станет

достоянием всех! Через месяц у нас начнется первая спартакиада, к состязаниям готовятся воинские подразделения, учебные заведения и, конечно, все коллективы рабочих организаций. Так что, товарищ Джэксон, вы приехали в самое время. В спартакиаду включены соревнования по гимнастике, легкой атлетике, плаванию, стрельбе и рукопашному бою.

– Но я же боксер.

– Боксер тоже должен уметь и плавать и стрелять. Верно? А что касается непосредственно бокса, то, уверяю вас, на будущий год мы запланируем и соревнования боксеров. Так что, дорогой товарищ, подготовка спортсменов по этому виду спорта на вашей пролетарской совести! С сегодняшнего дня вы – инструктор Всевобуча по спорту.

Мукимов вытащил блокнот, быстро написал записку и вручил ее Джэксону.

– Отправляйтесь к товарищу Куприянову и – начинайте! Желаю вам успеха.

Мукимов проводил Джэксона до дверей.

– В случае чего не стесняйтесь, обращайтесь прямо ко мне. Договорились?

Джэксон крепко пожал руку начальника Всевобуча.

С какой радостью встретил Джэксон это назначение! Он – спортивный инструктор. Значит, его знания, опыт нужны. Он сразу как-то вырос в собственных глазах. Оказывается, быть специалистом по боксу – не так уж плохо.

Куприянов оказался секретарем горкома комсомола. В его кабинете, если так можно было назвать просторную комнату в особняке убежавшего за границу царского генерала, былолюдно и шумно. На стенах висели революционные плакаты и лозунги. Рядом с потертыми некогда дорогими креслами стояли простые табуретки и столы.

– Кто товарищ Куприянов? – спросил Джэксон.

Ему показали на высокого, плечистого молодого человека с крупными чертами лица. Его окружали парни и девушки, они спорили,

что-то доказывали, приходили, уходили.

Джэксон протолкался к Куприянову, подал записку. Тот, прочитав, поднял руку:

– Ребята! Нашего полку прибыло. Мукимов направил тренера по боксу. Из Америки!

В комнате стало тихо.

– А когда он приедет? – спросил кто-то.

– Он здесь! – Куприянов показал на Сиднея. – Знакомьтесь, товарищ Джэксон!

Через час на дверях горкома комсомола висел перевернутый наизнанку старый плакат, а на нем было выведено красной краской: «Кто хочет научиться бить буржуев, записывайся в боксеры!»

Группа комсомольцев отправилась на розыски спортивного инвентаря, а Сидней с Умаровым и Хлебченко пошли в городской парк выбирать место для тренировок. На окраине парка уже был оборудован спортгородок. Расчищено футбольное поле с воротами, вокруг отмечена известью граница беговой дорожки, под тенью деревьев установлены самодельный турник и кольца.

– Давайте рядом с гимнастами, – предложил Хлебченко.

Джэксон осмотрел место, на которое показал комсомолец. Тень от двух высоких чинар была достаточно широкой. «Тут можно установить ринг, – подумал он, – и подвесные снаряды – мешки с опилками».

– Вполне подходит.

Умаров сходил в сторояжу садовника и принес лопаты и кетмень. Джэксон снял гимнастерку. Втроем они принялись расчищать площадку для тренировок.

Поиски спортивного инвентаря результатов не принесли. Комсомольцы облазили пыльные склады бывших учебных заведений, но ничего дельного не нашли, кроме канатов. Только один Рокотов вернулся с добычей. Ему удалось достать три пары боксерских перчаток. Они были старыми, разбитыми, в местах, где расползлись швы, вылезала морская трава. Но, несмотря на это, перчатки были самыми настоящими, боксерскими.

Их передавали из рук в руки, любовно осматривали, примеряли.

– Товарищ Джэксон, разрешите взять перчатки домой? – спросил Хлебченко. – Я их почию.

– А что, я сам не смогу! – сказал Рокотов мягким басом. – У меня дядя—сапожник.

Желающих отремонтировать боевые рукавицы оказалось больше, чем перчаток. Пришлось дать каждому по одной штуке.

– А теперь за дело! К вечеру площадка должна быть готова. Завтра – первая тренировка.

Работа закипела. Одни лопатами очищали бугры, колючки, траву, другие сгребали все в кучу и на носилках относили к свалке, третьи орудовали метлой.

Джэксон выделил место для ринга. Умаров и Хлебченко принялись выкапывать ямы для установки столбиков. Джэксон вместе с Рокотовым стали измерять канат и подготавливать будущую ограду ринга.

Время летело быстро. Солнце склонилось к западу, и длинные тени легли на подготовленную площадку. С наступлением вечера ожил спортивный городок. На футбольном поле начали тренировку будущие мастера кожаного мяча, около перекладины и колец собрались любители гимнастики, у ям для прыжков, наполненных желтым песком, начали разминаться легкоатлеты. Девушки, среди них и несколько узбечек, приступили к отработке старта. Узбечки сняли свои платья, но остались в рубашках и шароварах – цветистых штанах, стянутых у щиколоток. Русские девушки были в трусиках и майках. В их среде выделялась одна чернокожая смуглянка. Присмотревшись, Джэксон узнал Айгюль. И рядом с ней он увидел узбечку, Дильбар, ту самую, которая открывала ему калитку. Дильбар всячески старалась не отставать от Айгюль. Однако такой легкости и быстроты у нее не было.

Джэксон невольно залюбовался Айгюль. Она стремительно срывалась со старта, словно птица устремляясь вперед, и две косы, отброшенные ветром, развевались за ее спиной.

Джэксон не заметил, как рядом встал Умаров.

– Яхши кыз? Хороший девушка?

Сидней кивнул:

– Джуда яхши. Очень хорошая.

Умаров вздохнул, помолчал, потом сказал:

– Ее звать Айгюль. Это значит «лунный цветок». А все джигиты зовут ее Ташгюль. Это значит «каменный цветок».

Джэксон повернулся к Умарову:

– Почему?

– Давай лучше, товарищ, будем работй. Она хороший комсомольц, только душа каменный. Не надо смотреть. Глаза радуйся, потом сердце будет болеть. Не надо. Сколько хороший комсомольц такой больной ходит! Зачем еще один? Давай, хороший американский товарищ боксер, лучше будем работай.

Джэксон внимательно посмотрел на Умарова:

– Ты тоже больной?

Умаров ничего не ответил, только смущенно опустил голову.

Джэксон направился к рингу. Под руководством Рокотова натягивали канаты. Сидней помогал закреплять углы ринга, показывал, как лучше бинтовать канат. А думал об Айгюль. Неужели Умаров прав?

Сидней Джэксон вернулся поздно.

Едва войдя в калитку, он с изумлением увидел в окне своей комнаты свет. Кто-то ждет его. Кто бы это мог быть?

В комнате сидела женщина. На ней был легкий темный жакет и темный платок, накинутый поверх него. Она сидела, опустив плечи, задумчиво глядя на маленькое занавешанное окно, казалась маленькой, подавленной, какой-то несчастной. Не сразу можно было узнать в ней Лизи, ту гордую красавицу Лизи, племянницу Марии Львовны Щепкиной! Но вот она встала и сразу преобразилась. Плечи ее гордо расправились, рот скривился в иронической улыбке. Она грациозно протянула ему для приветствия руку и, как-то бравируя, произнесла:

– Здравствуйте, Сид! Вы, конечно, удивлены? Я тоже. И не менее вас. Я удивлена вашим прекрасным видом! Вас не изменило время. Вы даже похорошели, как мне кажется.

Она говорила ласково, ровно. В ее красивых глазах не было и следа надменности, которая так больно ударила его тогда, в семье Щепкиных.

– Здравствуйте, Лизи. Очень рад видеть вас. Вы также прекрасно выглядите.

Он говорил это, но думал о том, что ее не пожалело время.

– Чем я обязан, Лизи? – как можно любезнее спросил Джэксон.

– Садитесь... Садитесь рядом... Я должна вам многое рассказать. – Она положила сумочку на стол и дотронулась до руки боксера.

– Я пришла к вам, как к другу. Я всегда помнила о вас! Я рада, что, наконец, разыскала вас.

Сидней выжидающе смотрел на нее. Нет, он не в силах был догадаться, что же привело ее сюда.

– Сид! Как моему старому другу, я буду говорить прямо, без обиняков. Сид, я хочу сказать, что мой интерес к вам не прошел.

Она внимательно смотрела ему в глаза и, не дав вымолвить слово, быстро взяла за руку. Сидней почувствовал холод ее ладоней.

– Молчите! Вы еще ничего не знаете! Вы не знаете, как часто я думала о вас... Сид... Я могла бы согласиться быть вашей женой!

Лизи ждала ответа. Он чувствовал на себе ее настойчивый, вопрошающий взгляд. Что ответить ей? Гораздо легче молчать. Да и зачем отвечать? Несколько лет назад эти слова привели бы его в неопишуемый восторг. Но теперь... Неужели она сама не понимает, что все это теперь нелепо и не нужно?

Лизи встала, резко отодвинув стул. Нет, она не собиралась уходить. И когда вновь заговорила, Джэксон увидел ее совсем другой: гневное лицо, зло пылающие глаза...

– Я ошиблась. Вы не любили меня. Но, если хотите, мне это безразлично! Меня вынуждают обстоятельства, которые сильнее моей гордости! И того, что мне необходимо, я добьюсь.

Лизи порывисто села на стул.

– Сид, отбросим чувства. Вы не любите. Но разве это обязательно в браке? Женившись на мне, вы сможете, наконец, вернуться на родину. Подумайте! Мы будем жить в Америке!

«Так вот чего она хочет – ей нужна Америка. Не я, а Америка!» – подумал Джэксон.

– У меня есть деньги, – быстро говорила Лизи. – Мы приобретем в Нью-Йорке дом... Купим дело... Вы до конца дней будете жить безбедно!

Она заглядывала ему в глаза, улыбалась дружески, почти заискивающе. На ее лице не осталось и тени прежней надменности.

– Я открою вам все, Сид. В швейцарском банке на мое имя лежат деньги! Семьдесят тысяч золотом. Сид, это наши деньги. Твои тоже. Я сейчас могу дать расписку, что третья часть будет переведена на твое имя! Ты не представляешь, Сид, сколько нам пришлось пережить! Дядя успел перевести золото за границу. Но его расстреляли красные... О! Как я их ненавижу!

Она говорила быстро, захлебываясь словами, как бы боясь, что ей не дадут высказаться до конца. Но Джэксон и не думал перебивать ее, он слушал не перебивая. Когда она замолчала, на душе у Сиднея была та же пустота, что и до этого. Лизи ждала ответа. Она не верила, что он может отказаться.

– Подумайте, Сид. Я еще приду к вам. Прошу вас, подумайте. Вы будете богатым и уважаемым человеком в Америке. Такие возможности бывают раз в жизни.

После ее ухода Джэксон долго сидел неподвижно. Он думал о Лизи. Нет, он сразу, с первых слов отверг ее предложение. Что ему, простому человеку, делать в Америке с ее деньгами? Становиться Норисоном? Или покупать завод и выжимать последние соки из таких, как Иллай или Жак Рэйди? Нет, ему по душе эта новая, честная жизнь, которую он начал в России. Ему по душе и труд, который ему тут дали. Нет, его совсем не волнует предложение Лизи. И она сама тем более.

И все-таки Лизи взволновала его. Она заставила вспомнить Америку, родных. Сидней достал лист бумаги, карандаш. Он давно собирался написать письмо. С волнением вывел первую строчку: «Здравствуй, мама...»

Он писал долго, старательно подбирая каждое слово. Он писал о том, что после войны остался жив и здоров, что он тут неплохо устроился, что работы много и заработки хорошие и что он, как только поднакопит достаточно денег, вышлет ей и Иллаю на дорогу. И еще писал о том, какая красивая страна Россия и что ей здесь все обязательно понравится, она будет довольна.

ГЛАВА ДВАДЦАТЬ СЕДЬМАЯ

1

Сидней Джэксон окунулся в работу. Ее было много, и день был уплотнен до предела. Утром Джэксон преподавал в школе английский язык (как он ни отговаривался, ссылаясь на отсутствие университетского образования, его никто не захотел и слушать), днем проводил занятия по физической культуре в школе красных командиров, а вечером шел на спортивную площадку. Там его ждали энтузиасты бокса. Их было много. Едва в горкоме комсомола появилось объявление, как к Сиднею Джэксону со всех концов города потянулись молодежь, комсомольцы.

До позднего вечера на спортивной площадке царило оживление. Крепкие парни-комсомольцы, молодые рабочие заводов и фабрик, приходили на тренировочные занятия. Они с удовольствием выполняли указания Сиднея Джэксона, настойчиво проделывали различные упражнения, овладевали сложным искусством боксерского боя. Разбившись на пары, они отрабатывали отдельные удары и комбинации, изучали способы защиты. Потом по очереди надевали перчатки и выходили на самодельный ринг.

Джэксон радовался каждому успеху своих учеников. Ему было не легко, приходилось быть сразу и тренером, и спарринг-партнером, и судьей, и секундантом. Однако никакие трудности не могли затмить радости от того, что он видел, что сам создавал. Появился новый спорт, спорт подлинно свободный, где судьба победителя и чемпиона всегда будет решаться в честном поединке.

Домой он возвращался поздно, уставший и счастливый. При свете керосиновой лампы готовился к занятиям и составлял план тренировок.

Завидев свет в комнате Джэксона, Юлдаш-бобо направлялся к Сиднею и, прижав руку к сердцу, настойчиво приглашал:

– Углум, сынок, надо покушать. Плов давно ждет вас.

Юлдаш-бобо исполнял роль хозяйки. Сидней и Айгюль отдавали ему деньги. Юлдаш-бобо умел вкусно готовить. Джэксон отрывался от

работы и тепло улыбался старому узбеку:

– Рахмат, спасибо. Айгюль уже пришла?

Когда Айгюль бывала дома, Юлдаш-бобо утвердительно кивал и прятал улыбку в седых усах:

– Она давно ждет вас.

Но такие вечера бывали редко. Чаще Юлдаш-бобо вздыхал и говорил:

– Нет, сынок. Айгюль днем была. Покушала вчерашний лагман и опять убежала. Когда она придет, не знаю. Идемте, а то плов остынет.

И они садились друг против друга на ковре, двое мужчин, таких разных по возрасту и воспитанию, таких непохожих и далеких. Они ели плов и думали об Айгюль. Где она сейчас? Что делает? Юлдаш-бобо, горестно потирая руками белую бороду, жаловался Джэксону:

– Боюсь я за нее, ой боюсь... В старом городе много плохих людей живет. Советская власть пощадила их. Но они не пощадят Айгюль. Зачем она туда ходит?

Джэксон знал, зачем Айгюль так часто ходит в отдаленные закоулки старого города. Приближался день открытия спартакиады, и Айгюль старалась выполнить свое обещание, которое она дала: «В колонне спортсменов будет шагать команда узбечек». В составе легкоатлетов уже насчитывалось около двадцати девушек узбечек. Но этого ей было недостаточно. Айгюль была страстным агитатором. В самых глухих кварталах Ташкента она организовывала одно женское собрание за другим, устраивала костры, на которых с проклятьями сжигали паранджу, мобилизовывала женщин узбечек на борьбу за свою свободу, равноправие, призывала их к свету и новой жизни. Деятельность Айгюль и других активисток была не по душе закоснелым приверженцам шариата. Мулла Эргаш-бай встретился с Юлдаш-бобо в чайхане и долго наставлял старого мусульманина, чтобы он взял в руки свою непокорную внучку.

– Если сам не можешь, да простит нас аллах за такие слова, то выдай ее замуж. Хороший муж, что лихой джигит, он и степного дикого скакуна делает покорным конем.

После встречи с муллой Юлдаш-бобо несколько раз пытался повлиять на внучку, но Айгюль и слушать его не хотела.

– Эргаш-бай беспокоится о своем доходе, а не о мусульманах. Они понимают, что, если все станут грамотными и культурными, никто его

не будет слушать и мечеть опустеет. А за меня не беспокойся. – Айгюль нежно обнимала дедушку. – Советская власть во много раз сильнее, чем Эргаш-бай и все его прислужники, потому что она за народ. Ведь так и отец говорил. Правда? Так чего же мне бояться?

Что мог ей ответить старик? Юлдаш-бобо терялся и только повторял одно:

– Будь осторожнее, Айгюль. Будь осторожнее.

А когда Айгюль не бывала дома, Юлдаш-бобо изливал свои опасения перед Джэксоном. Сидней внимательно слушал старого узбека, сочувствовал и старался успокоить его, хотя сам в душе тоже тревожился за Айгюль.

2

Приближался день открытия спартакиады. Город принимал праздничный вид. Со всех концов республики и из частей Красной Армии в Ташкент прибывали делегации спортсменов.

По городу разъезжали два автомобиля, украшенные плакатами и лозунгами. В них сидели музыканты и агитаторы. На базарных площадях музыканты играли. Гремели бубны, звонко пели флейты, гулко гремел карнай. Вокруг автомашины выростала толпа. Как только смолкала музыка, агитаторы приглашали горожан принять участие в празднике спорта, посмотреть состязания по бегу, гимнастике, плаванию, скачкам и национальной борьбе кураш.

Айгюль целыми сутками не показывалась дома. Она успевала бывать всюду: на митингах женщин и на тренировках, участвовать в заседании горкома комсомола и спортивного комитета, разъезжать на агитмашине и вечером вести занятия по физкультуре с девушками узбечками.

Джэксон тоже был очень занят все эти дни. С Айгюль они виделись только мельком и успевали сказать друг другу всего лишь несколько ласковых слов.

Сиднея включили в состав главной судейской коллегии спартакиады. Нужно было комплектовать судейские бригады по видам спорта. А это было не таким простым делом. Оказалось, что все хотели быть только участниками. Те комсомольские вожаки, которые все же

соглашались быть судьями, имели весьма смутное представление об обязанностях спортивного судьи, слабо разбирались в правилах состязаний. Приходилось их обучать на ходу. Времени не хватало. Если бы в сутках было не двадцать четыре, а сорок восемь часов, то и их оказалось бы Сиднею недостаточно. Спать приходилось урывками, есть – на ходу.

3

Едва заканчивались уроки в школе, Сидней спешил на спортивную площадку. Здесь его уже ждали. Шли последние приготовления к открытию спартакиады. Спортсмены готовились к торжественному параду. Джэксона сразу окружали боксеры.

– Товарищ Джэксон, посмотрите, какой мы ринг сделали!

Рокотов разворачивал самодельный переносной ринг. К четырем метровым палкам он прикрепил бинты. Боксеры встали по углам и натянули их. Ринг получился приличный. Его можно было нести в колонне и на ходу демонстрировать выступление боксеров.

– Молодцы! – похвалил Сидней. – Как настоящий.

– Это мы с Умаровым сделали, – сказал польщенный Рокотов.

– Значит, вам и выступать на нем. Верно, друзья?

Выступать во время парада хотели многие. Поэтому решили выходить на ринг по очереди.

– Только возле трибуны на ринг выйдем мы, – настоял Рокотов.

– Хорошо, – согласился Сидней. – А где Умаров?

– Он еще не приходил – сказал кто-то.

– Тоже сказал! Он был здесь. Сидней Львович, я сам его видел. – Хлебченко отошел от подвешеного мешка и вытер пот со лба. – Иван, куда делся Умаров?

Рокотов пожал плечами.

– Не знаю.

– Опять что-нибудь придумал. – Хлебченко снова направился к мешку. – Он сейчас вернется!..

Но Умаров так и не появился до конца тренировочного занятия.

К боксерам подошел тренер легкоатлетов Михаил Евдокимович. Он был высок, жилист и, казалось, никогда не снимал больших

роговых очков. Он отвел Джэксона в сторону.

– Вы, Сидней Львович, не знаете, где Айгюль? Она вам ничего не говорила?

– Нет. А что?

– Она что-то задерживается. Прошло уже больше трех часов, а ее все нет...

Джэксон сразу насторожился.

– А куда она пошла? Вы знаете?

– В старый город. – Михаил Евдокимович рассказал, что утром прибежал младший брат Дильбар и сообщил: Дильбар заперли! Скоро приедет жених. Она больше не будет ходить без паранджи! Айгюль сразу же и отправилась туда.

– Одна? – Сидней недоуменно посмотрел на Михаила Евдокимовича. – Зачем вы ее одну отпустили?

– Айгюль настояла. Одна, говорит, я на женскую половину зайти смогу.

Джэксон задумался. Нехорошие предчувствия охватили его. Но он отогнал дурные мысли. Ведь до сих пор все обходилось благополучно! Не первый же раз она в старом городе. И вслух сказал:

– Надо послать туда кого-нибудь. Сейчас же!

– Я уже послал. Умарова.

– Хорошо.

Михаил Евдокимович ушел. Джэксон вернулся к своим боксерам. Но мысли его были там, с Айгюль. Только бы не приключилась беда!

А беда приключилась. Айгюль попала в западню. Вместе с ней попал и Умаров. Расспросив братишку Дильбар, он отправился в старый город вслед за Айгюль. Чем дальше от центра, тем улицы уже, движение тише. Высокие глиняные заборы – дувалы – закрывают внутреннюю жизнь каждого дворика. Дома стоят без окон, словно повернулись к улице спиной. Окна и двери где-то там, во дворе. Тихие глухие переулки. Лабиринт глинобитных стен. То там, то здесь возвышаются стройные минареты и высокие купола мечетей. Они

покрыты разноцветной керамикой и изразцами, отливающими на солнце глубокой-глубокой синевой.

Каждая стена, каждый камень говорят о древности, напоминают о прошедших веках.

Умаров любил бродить по дальним закоулкам старого города. Идешь и не знаешь, куда выйдешь. Магистральные улочки утопали в пыли. Тротуаров не было, и арба-кеши, сидевшие верхом на лошадях, запряженных в арбы, громко кричали: «Пошт! Пошт!» Прохожие жались к стенкам, пропуская транспорт.

Сегодня тишина переулков не радовала Умарова. Она скорее настораживала. Вдруг он услышал гортанный крик муллы. До вечерней молитвы было еще далеко. Умаров прислушался. Мулла проклинал неверных жен, нарушивших шариат и открывших свои лица. Он призывал правоверных покарать их, и в первую очередь эту бесстыдницу, дочь сатаны и красных богоотступников, ту самую, которая устроила костер и публично сожгла паранджу...

Слова муллы были тяжелы, как камни. Там Айгюль... Умаров побежал. Она в опасности!

Переулок был кривым и узким, как ферганский нож. Добежав до конца, Умаров очутился на небольшой площадке возле старой мечети.

Айгюль стояла к нему спиной. На нее, изрыгая ругательства, надвигалась тесная толпа взбешенных бородачей. У многих в руках были посохи дервишей – бродячих монахов. Умаров увидел, как задние нагибались и торопливо шарили вдоль дувалов, собирали камни. Он бросился в толпу.

– Тохта! Остановитесь!.. Что вы делаете?.. Тохта! Остановитесь!..

Несколько дервишей с перекошенными от гнева лицами поспешно вскинули свои посохи, длинные, как копья. Тускло сверкнули острые железные наконечники.

– Коч ит боласы! Прочь, сын собаки!..

Тренировка подходила к концу. Айгюль все не появлялась. Джэксон не находил себе места. Вдруг у входа на спортплощадку

появилась Дильбар. Она была одна. Ее окружили девушки и парни. Дильбар была встревожена и счастлива.

– Я убежала! Меня ночью отвезли к дяде и там заперли в сарай. А я убежала! Они хотели, чтобы я «не позорила семью», чтобы не участвовала в спартакиаде...

Джэксон протолкался к Дильбар.

– Где Айгюль? Почему ты одна?

– Айгюль? – Дильбар удивленно вскинула брови. – Не знаю. Я ничего не знаю... Я не видела Айгюль...

– Она же пошла к тебе!

По лицу Дильбар пробежала тень.

– Ко мне? Зачем ко мне? Туда ходить не надо... Ой!.. Там злые дервиши...

Все молча смотрели на Джэксона. Он стиснул зубы. Дорога каждая минута. Скорей!

– Я боюсь туда ходить! – Дильбар замахала руками. – Я боюсь!

У здания горкома партии они встретили Куприянова. Узнав, в чем дело, комсомольский вожак взял машину.

– Садитесь! И я с вами!

Старый фورد, грохоча и изрыгая клубы дыма, помчался по улицам к старому городу. Дильбар сидела рядом с шофером и показывала дорогу. Еще издали они увидели толпу. Среди пестрых узбекских халатов выделялись защитные гимнастерки красноармейцев и синие – милиционеров. Джэксон наклонился к шоферу:

– Скорей! Пожалуйста, скорей!

Форд остановился перед мечетью. Выпрыгнув из машины, Джэксон устремился в гущу толпы:

– Айгюль! Где ты, Айгюль?

На Джэксона никто не обращал внимания.

– Айгюль! Айгюль!

Группа красноармейцев с винтовками наперевес охраняла небольшую кучку бородачей. Они опасливо косились на разгневанную толпу и только жались друг к другу. Другая группа красноармейцев оттесняла людей.

– Товарищи, успокойтесь! Самосуда чинить нельзя! Их будут судить! По всей строгости народного суда! Граждане, успокойтесь!

Джэксон увидел Куприянова, разговаривающего с командиром. Он протиснулся к ним.

– Товарищ командир! Что случилось? Где Айгюль? Где Айгюль? Она должна быть здесь! Где Айгюль?..

Куприянов опустил голову. Командир пристально посмотрел в глаза Джэксона.

– Мы их обоих отправили в лазарет. Может быть, еще спасут...

6

Всю ночь Сидней не отходил от дверей больницы. Юлдаш-бобо, согнувшись, сидел на ступеньках крыльца и беззвучно рыдал.

К рассвету скончался Умаров. Врачи оказались бессильны. Он потерял слишком много крови.

Джэксон больше не мог ждать. Он ворвался в кабинет заведующего и молча, почти угрожающе уставился на него.

– Успокойтесь, – мягко сказал врач. – Девушку мы спасем. Спасем! Даю вам слово.

Джэксона усадили в вестибюле. Но сидеть спокойно он не мог. Мимо него сновали медсестры, врачи, сиделки, и всякий раз Сидней вскакивал и просительно заглядывал в глаза:

– Скажите, как там? Как Айгюль?

Утром в больницу приехал Куприянов. Он разыскивал Сиднея.

– Товарищ Джэксон! Я приехал за вами. Меня послал Мукумов. Вас ждут.

Сидней безразлично смотрел на Куприянова. Он ничего не слышал. Его мысли были там, за стеклянной дверью, где люди в белых халатах старались спасти жизнь Айгюль.

– Товарищ Джэксон! Вас ждут! Вы меня понимаете? – Куприянов положил руку на плечо боксера. – Идемте. Машина у ворот.

7

Куприянов привез Джэксона в Ташкентский городской Совет. Сидней думал, что его будут расспрашивать о спартакиаде. Но он

ошибся. Его принял не Мукимов, а сам председатель Совета депутатов товарищ Ходжаев.

В просторном, светлом кабинете находилось несколько человек. Едва Джэксон переступил порог, один из присутствующих направился к Сиднею.

– Смею надеяться, вы и есть мистер Сидней Луи Джэксон? – спросил он по-английски.

Сидней молча посмотрел на него. Элегантный черный костюм, накрахмаленная рубашка, безупречно завязанный галстук, лакированные туфли. Полное, гладко выбритое лицо с лисьей улыбкой. Что ему нужно?

– Да, Сидней Луи Джэксон – это я.

– Очень рад, дорогой соотечественник! Меня зовут Рэнд Ховарт. Годы ваших мучений окончилась! Правительство самой могучей страны мира – Соединенных Штатов Америки – берет вас под свое покровительство. Родина не забывает о своих сыновьях, где бы они ни находились! По поручению военного атташе американского посольства, разрешите вручить вам эту ценную бумагу. В ней заключено ваше будущее!

В кабинете стало тихо. Присутствующие не сводили глаз с Джэксона. Сидней взял лощеную бумагу с гербом Соединенных Штатов. Несколько секунд рассматривал ее. Поздно! Слишком поздно. Было время, когда он ждал такой бумаги, как чуда, как спасения. А теперь... Джэксон дважды прочел документ. Потом сказал:

– Здесь ошибка.

– Ошибка?!

– Да, мистер Ховарт. – Джэксон повторил по-русски. – Здесь ошибка. Я не военнопленный.

Ховарт вынул сигару изо рта и с удивлением посмотрел на Сиднея.

– А как же вы очутились в Азии?

– Посольству это хорошо известно. В 1914 году оно всячески старалось отделаться от меня и не оказало никакой помощи, не помогло мне, чемпиону Соединенных Штатов, вернуться на родину.

– Но, как вы видите, оно не забыло о вас! Вам предоставляется бесплатный проезд в Соединенные Штаты, вас восстанавливают в правах гражданства. Быть гражданином США – большая честь!

Воцарилась минута молчания.

– А быть гражданином Советской России – еще большая честь! Это великая честь! – сказал, наконец, Джэксон. Он говорил неторопливо, даже несколько торжественно. – Еще в 1917 году я отдал свой американский паспорт и в составе Интернациональной роты Первого революционного полка боролся с белогвардейцами, басмачами и иностранными интервентами, в том числе и с американскими, которые хотели задушить русскую революцию. Но революция жива! Она строит подлинно народное, подлинно свободное государство. И я четыре года завоевывал право быть гражданином этого государства.

– О! Ваш ответ, мистер Джэксон...

– Не мистер, а гражданин, – поправил его Сидней.

– Простите, гражданин Джэксон, ваш ответ можно принять как отказ от американского подданства?

– От американского подданства я отказался еще в октябре 1917 года.

– Это ваш окончательный ответ?

– Да.

И, повернувшись, неторопливым, уверенным шагом Джэксон вышел из кабинета.

---

notes

Примечания

1

Скэб – бранная кличка штрейкбрехера.

2

Финт – ложное движение.